

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и
Николая Григорьевича Столетовых»

На правах рукописи

АВДЕЕВ Данила Алексеевич

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ**

Специальность: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Якушев Павел Алексеевич

Владимир – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ	24
1.1 Частная жизнь как правовая категория: подходы к определению понятия.....	24
1.2 Цифровизация частной жизни: сущность и юридическое значение.....	40
1.3 Методологические основы исследования правового регулирования отношений, связанных с цифровизацией частной жизни.....	56
Глава 2 МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	67
2.1 Общая характеристика механизма правового регулирования отношений в цифровой среде.....	67
2.2 Интегративная сущность механизма правового регулирования частной жизни в условиях цифровизации.....	81
2.3 Взаимодействие юридических и неюридических средств в механизме правового регулирования частной жизни.....	87
Глава 3 ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	97
3.1 Влияние цифровых технологий на правовой статус личности.....	97
3.2 Право на неприкосновенность частной жизни: проблемы закрепления и реализации в условиях цифровизации.....	110
3.3 Гарантии обеспечения неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации.....	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	165

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена обстоятельствами как прикладного, так и теоретического характера. В настоящее время в обществе происходят изменения, связанные с усилением роли цифровых технологий во всех социальных процессах. Практически каждая сфера жизнедеятельности приобретает свой «цифровой» аналог – отражение в виртуальном пространстве. На данное обстоятельство обратил внимание Президент РФ в Послании Федеральному Собранию 2024 года, указав на то, что «в современных условиях повышение эффективности всех сфер производительности труда неразрывно связано с цифровизацией, с использованием технологий искусственного интеллекта»¹. Представители юридической науки и практики в целом едины в том, что достижения технического прогресса неоднозначно влияют на состояние защищенности личности, в том числе сферы частной жизни человека. В условиях развития цифровых технологий частная сфера является уязвимой, так как современные технологии обуславливают появление новых элементов, относимых к частной жизни и подлежащих охране; детерминируют возникновение новых способов проникновения в частное пространство; снижают регулятивный потенциал имеющихся средств правового регулирования. Следовательно, требуется теоретическая разработка и практическое внедрение соответствующих правовых мер.

В целом актуальность избранной темы проявляется в следующих аспектах.

Социальный аспект. Социологические исследования последних лет показывают обеспокоенность общества растущей «экспансией» цифровых технологий, которые влияют на все стороны жизни человека, прежде всего – на частную сферу. По данным исследования холдинга «Ромир» (2021), 40% опрошенных считают, что новые технологии отрицательно сказываются на жизни

---

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 29.02.2024).

людей. При этом среди негативных последствий цифровизации россияне называют утрату личных границ (37%), безработицу, вызванную роботизацией (19%), снижение уровня образования (18%), сокращение живого общения (13%) и снижение уровня культуры (11%)¹.

Согласно результатам социологического исследования, проведенного представителями Высшей школы экономики в 2021 году, больше 64% респондентов, пользуясь Интернетом, опасаются того, что личные данные могут стать доступны другим лицам².

Исследование, проведенное ВЦИОМ, показывает, что, с одной стороны, граждане поддерживают научно-технический прогресс, с другой – отрицательно (32%) или нейтрально (34%) относятся к сдаче биометрических данных, что непосредственно относится к сфере частной жизни³.

Этим тенденциям, проявившимся в социологических исследованиях, сопутствует увеличение случаев утечек персональных данных интернет-пользователей (по экспертным оценкам, в 2022 году указанные случаи выросли в 40 раз, личная информация порядка 100 млн человек оказалась в открытом доступе). С учетом изложенного сохраняется потребность общества в укреплении гарантий информационной безопасности, а также в повышении информационной грамотности населения⁴, что обуславливает теоретическое осмысление названных проблем и разработку предложений, направленных на их решение.

Законодательный аспект. Законом Российской Федерации о поправке в Конституцию Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О

---

¹ Ромир: большинство россиян положительно относятся к цифровизации // Ромир. URL: <https://romir.ru/studies/romir-bolshinstvo-rossiyan-polojitelno-otnosyatsya-k-cifrovizacii> (дата обращения: 05.11.2023).

² Влияние процессов цифровизации на права человека и развитие гражданского общества // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/503335409.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

³ Делиться биометрическими данными: выгоды и риски // ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/delitsja-biometricheskimi-dannymi-vygody-i-riski> (дата обращения: 05.11.2023).

⁴ Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2023/05/16/document-doklad-o-deyatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka.html> (дата обращения: 05.11.2023).

совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. «м» ст. 71 Конституции РФ¹) отнесено к исключительному ведению Российской Федерации. Сам факт закрепления такого положения в Основном Законе свидетельствует о признании конституционным законодателем важности регламентации данных отношений.

В то же время, принимая во внимание специфику конституционных норм, отличающихся общим характером, данное положение, как и общее конституционное положение о праве на неприкосновенность частной жизни, должно найти «продолжение» в нормативных и индивидуальных правовых актах, что требует дополнительной правотворческой и правоприменительной конкретизации в условиях развития цифровых технологий.

Показательно, что обсуждения, связанные с необходимостью усиления защиты права на неприкосновенность частной жизни, ведутся не только в академической и профессиональной средах, но и среди законодателей в рамках научно-практических конференций, круглых столов и заседаний, которые проходят как на площадке Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, так и в «нижней палате» парламента - Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Доктринальный аспект. Несмотря на широкую разработку проблематики частной жизни в дореволюционной, советской и современной российской правовой доктрине, можно обозначить ряд «узких мест» – обстоятельств, свидетельствующих о необходимости дальнейших научных изысканий.

Во-первых, интенсивное развитие и внедрение цифровых технологий обуславливают возникновение никогда не существовавших способов воздействия на сферу частной жизни. Данное обстоятельство пока еще не нашло отражения в научной литературе на монографическом и диссертационном уровнях.

---

¹ Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. № 237.

Во-вторых, как было установлено в процессе изучения научной литературы, в исследованиях делается преимущественный акцент на негативные стороны цифровизации. Между тем, исходя из сущности, многоаспектности и многомерности данного явления, нельзя отрицать наличие позитивных свойств, реализуемых в том числе в сфере частной жизни, что также требует своего научного осмысления. В практическом плане это позволит выявить цифровые технологии, развитие которых целесообразно обеспечивать правовыми средствами.

Комплексных исследований, посвященных теоретико-правовому осмыслению правового регулирования отношений, связанных с цифровизацией частной жизни, не проводилось, в частности, практически не нашли своего исследователя следующие проблемы:

- оценка позитивных и негативных направлений влияния цифровизации общественных отношений на сферу частной жизни,
- модернизация общеправового механизма регулирования отношений в сфере частной жизни на фоне цифровизации,
- изменение содержания права на неприкосновенность частной жизни в условиях внедрения новых технологий,
- развитие системы юридических гарантий и правовых механизмов обеспечения права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации.

Правоприменительный аспект. В юридической практике возникают конфликты, так или иначе связанные со сферой частной жизни в условиях цифровой трансформации общественных отношений. Их предметом является защита персональных данных, оборот информации о частной жизни, в том числе содержащейся в Интернет-аккаунтах, внедрение систем видеонаблюдения, в том числе с функцией распознавания лиц и др. Представляется, что справедливое разрешение данных споров невозможно без общетеоретической разработки рассматриваемой темы.

Степень разработанности темы исследования в ранее опубликованных научных трудах не соответствует ее фактической социальной и правовой значимости. Юридические исследования, связанные с тематикой настоящей работы, с известной долей условности можно разделить на три группы: посвященные правовым вопросам функционирования частной жизни; юридическим свойствам цифровизации; различным аспектам взаимодействия элементов механизма правового регулирования, в том числе в условиях цифровизации.

К работам, относящимся к первой группе, можно отнести диссертационные исследования по различным научным направлениям в предметных границах юриспруденции, в том числе диссертации Р. Б. Головкина «Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России»¹ (2005), М. А. Грачевой «Международно-правовая защита права на уважение частной и семейной жизни и неприкосновенность жилища и корреспонденции (на примере судебной практики Европейского суда по правам человека)» (2013)², И. А. Каниной «Частная жизнь в сфере права»³ (2006), А. Климчика «Свобода информации и право на частную жизнь в международном праве»⁴ (2003), К. Б. Курбонова «Гражданско-правовые проблемы права на неприкосновенность частной жизни» (2012)⁵, П. В. Несмелова «Конституционно-правовое обеспечение прав человека на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации» (2007)⁶, Н. Н. Полторацкой «Реализация конституционного права на неприкосновенность частной жизни: теория и

---

¹ Головкин Р. Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2005. 516 с.

² Грачева М. А. Международно-правовая защита права на уважение частной и семейной жизни и неприкосновенность жилища и корреспонденции: на примере судебной практики Европейского суда по правам человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2013. 161 с.

³ Канина И. А. Частная жизнь в сфере права: дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. 251 с.

⁴ Климчик А. Свобода информации и право на частную жизнь в международном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2003. 84 с.

⁵ Курбонов К. Б. Гражданско-правовые проблемы права на неприкосновенность частной жизни дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Душанбе, 2012. 165 с.

⁶ Несмелов П. В. Конституционно-правовое обеспечение прав человека на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2007. 196 с.

практика» (2004)¹, Г. Б. Романовского «Конституционное регулирование права на неприкосновенность частной жизни»² (1997). Ряд диссертаций в рамках исследования частной жизни подготовлен по уголовно-правовым специальностям. Они принадлежат авторству В. А. Куликова³, О. В. Максимовой⁴, А. С. Островского⁵, Д. К. Стригалева⁶, А. Х. Хуаде⁷.

Одно из последних к настоящему моменту диссертационных исследований по теме частной жизни подготовлено А.В. Кротовым⁸, однако данный автор лишь отчасти затрагивает проблему влияния цифровых технологий на частную сферу жизни человека.

В диссертационном исследовании Д. В. Санникова, подготовленном по специальности «Частно-правовые (цивилистические) науки»⁹, автором избран отраслевой подход: диссертант рассматривает преимущественно гражданско-правовые стороны охраны частной жизни в условиях цифровизации и делает акцент на информационную составляющую частной жизни – информации о гражданине, сведениях о частной жизни. При этом в диссертации Д. В. Санникова не приводится общетеоретическая характеристика механизма правового регулирования отношений в цифровой среде, не исследуются его элементы на межотраслевом уровне, не рассматривается интегративная сущность механизма

---

¹ Полторацкая Н. С. Реализация конституционного права на неприкосновенность частной жизни: теория и практика: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. СПб., 2004. 223 с.

² Романовский Г. Б. Конституционное регулирование права на неприкосновенность частной жизни: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. СПб., 1997. 188 с.

³ Куликов В. А. Личная неприкосновенность как право человека и принцип российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов, 2001. 192 с.

⁴ Максимова О. В. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2013. 172 с.

⁵ Островский А. С. Действие конституционного принципа неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2006. 281 с.

⁶ Стригалева Д. К. Неприкосновенность частной жизни как международно-правовой и конституционный принцип деятельности органов предварительного следствия системы МВД: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб, 2002. 221 с.

⁷ Хуаде А. Х. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2015. 217 с.

⁸ Кротов А. В. Формирование предмета подотрасли права частной жизни в системе конституционного права: сравнительно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Белгород, 2022. - 441 с.

⁹ Санников Д.В. Гражданско-правовая охрана частной жизни в условиях цифровизации общества: дисс. ...канд. юрид. наук: 5.1.3. Пермь, 2023. 194 с.

правового регулирования частной жизни в условиях цифровизации. За рамками предмета исследования Д. В. Санникова остались также общетеоретические аспекты взаимодействия юридических и неюридических средств в механизме правового регулирования частной жизни, а вопросы правового обеспечения неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации рассмотрены лишь с позиций цивилистики.

Вопросы взаимодействия различных элементов внутри механизма правового регулирования, роли права в соционормативной системе современного общества достаточно основательно исследованы в отечественной юриспруденции такими авторами, как С. С. Алексеев, В. К. Бабаев, М. И. Байтин, В. М. Баранов, Р. Б. Головкин, В. Н. Карташов, Е. А. Лукашова, А. В. Малышкин, Н. И. Матузов, Р. А. Ромашов, Р. Ф. Степаненко, О. Д. Третьякова, П. А. Якушев и другими. Их выводы, предложения и рекомендации будут использоваться в нашей работе. Однако целостной концепции механизма правового регулирования частной жизни в условиях цифровизации пока не разработано.

Область цифровой экономики, в том числе её правового обеспечения, – относительно новый предмет междисциплинарных научных изысканий. Впервые цифровую экономику как таковую начали обсуждать в середине 90-х годов XX века. Тем не менее уже к настоящему моменту накоплена база правоведческих исследований, в той или иной степени раскрывающих юридическую сущность цифровизации. Прежде всего следует отметить таких авторов, как В. А. Вайпан, Р. Б. Головкин, М. В. Залоило, В. Д. Зорькин, М. И. Иноземцев, А. А. Карцхия, П. Д. Константинов, Д. А. Пашенцев, Т. А. Полякова, А. А. Саурин, Э. В. Талапина, Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева, Е. В. Холодная, О. И. Чердаков, Н. Н. Черногор и других.

Признавая весомый вклад авторов в разработку общетеоретических вопросов и проблем, входящих в предметную область нашего исследования, следует, однако, признать, что в публикациях данных авторов лишь фрагментарно затрагиваются вопросы влияния цифровизации на приватную сферу жизни человека.

Резюмируя сказанное, отметим, что анализ влияния цифровых технологий на сферу частной жизни личности и выработка эффективных правовых механизмов регулирования, в том числе охраны и защиты частной жизни, является одной из значимых задач правовой науки. В силу своей комплексности эта проблема требует теоретико-правового осмысления.

Объект исследования: комплекс общественных отношений, связанных с самореализацией личности в сфере частной жизни в условиях цифровизации.

Предмет исследования: нормы российского права, регулирующие отношения частной жизни и охраняющие ее автономность; иные социальные нормы; ненормативные регуляторы; материалы судебной и иной правоприменительной практики; положения доктрины, в которой отражены различные аспекты регулирования отношений в сфере частной жизни в России; законопроекты, касающиеся регулирования частной жизни; нормы зарубежного законодательства, связанные с темой исследования.

Цель исследования – разработка концепции правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации общественных отношений и выработка на этой основе предложений для юридической практики.

Для достижения цели следует решить ряд научно-исследовательских **задач**:

- уточнить понятие «частная жизнь» как правовой категории;
- установить сущностные свойства и юридическое значение процесса цифровизации частной жизни;
- выявить методологические основания исследования правового регулирования отношений, связанных с цифровизацией частной жизни;
- охарактеризовать механизм правового регулирования отношений в цифровой среде;
- описать интегративную сущность механизма правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации и определить его содержание;
- выявить основные варианты (модели) взаимодействия юридических и неюридических средств в механизме правового регулирования частной жизни;
- установить специфику влияния цифровых технологий на правовой статус

личности;

– раскрыть особенности содержания, закрепления и реализации конституционного права на неприкосновенность частной жизни в РФ в условиях цифровизации;

– установить сущностные свойства гарантий обеспечения неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации.

Методология и методы научного исследования. Диссертант в процессе подготовки настоящей работы использовал методы познания, относимые к следующим группам: всеобщие (философские), общенаучные и специально-юридические.

Диалектический метод, относящийся к группе философских методов, позволил рассмотреть институт частной жизни, во-первых, в динамике его развития, во-вторых, во взаимосвязи и взаимодействии с другими институтами социальной жизни, в-третьих, в динамическом изменении на фоне проникновения цифровых технологий. С позиций метафизики автор разрабатывал и корректировал понятийно-категориальный аппарат темы исследования, отличающийся относительной стабильностью и неизменностью.

В работе применялись и общенаучные методы познания. К ним относятся: анализ (позволил изучить отдельные стороны и свойства института частной жизни), синтез (позволил сформулировать авторские дефиниции), дедукция (позволил на основе общих свойств механизма правового регулирования выявить существенные стороны его функционирования в цифровом пространстве), индукция (позволил на частных примерах сделать заключения о взаимодействии элементов в механизме правового регулирования), функциональный метод (с его помощью описана роль цифровых технологий и их функции в контексте обеспеченности сферы частной жизни).

В работе использовались и частно-научные методы. Так, в процессе исследования регламентации правомочий, охраняющих сферу частной жизни, были проанализированы нормативные правовые акты отечественного законодательства – для этого использовался формально-юридический метод.

Полученный с помощью конкретно-социологического метода эмпирический материал позволил выявить некоторые социологические тенденции развития института частной жизни в современной России.

При подготовке настоящей диссертации автором применялись и иные методы, подходы, приёмы, которые позволили создать целостную, непротиворечивую картину правового регулирования отношений, связанных с цифровизацией частной жизни.

Теоретическую основу исследования составили труды ученых, разработавших фундаментальные категории общей теории права (механизм правового регулирования, правовое средство, правовое регулирование, механизм действия права и пр.): Н. Г. Александров, С. С. Алексеев, М. И. Байтин, В. М. Баранов, А. М. Васильев, Р. Б. Головкин, В. Б. Исаков, В. Н. Карташов, В. В. Лазарев, С. В. Липень, А. В. Малышкин, А. В. Малько, Н. И. Матузов, Р. А. Ромашов, Р. Ф. Степаненко, Н. Н. Тарасов, О. Д. Третьякова и другие.

В исследовании учитывались правоведческие труды, предметным фокусом которых стали юридические вопросы цифровизации экономики и других сфер общественных отношений. Они принадлежат «перу» таких авторов, как Н. В. Варламова, Х. И. Гаджиев, В. В. Комарова, А. В. Минбалеев, А. И. Лаптева, Д. А. Пашенцев, И. А. Пибаев, Т. А. Полякова, И. В. Понкин, В. Ф. Попондопуло, С. В. Симонова, Э. В. Талапина, М. Е. Черемисинова, Т. Я. Хабриева и других.

Важное значение имеют труды авторов, посвятивших свои исследования вопросам правового регулирования частной жизни, в том числе в условиях цифровизации. В их числе такие исследователи, как: В. М. Баранов, Р. Б. Головкин, Н. С. Измайлова, И. А. Канина, А. В. Кротов, О. В. Максимова, А. В. Нестеров, Н. И. Пикуров, Г. Б. Романовский, А. И. Савельев, И. А. Шевченко и др.

Нормативную и эмпирическую основу исследования образуют:

- 1) законодательство Российской Федерации;
- 2) законодательство и официальные документы зарубежных государств;
- 3) принципы и нормы международного права, регламентирующие отношения по теме исследования;

- 4) материалы судебной практики;
- 5) исторические источники права;
- 6) религиозные тексты;
- 7) данные статистики и социологических исследований (Росстата, ВЦИОМ, ВШЭ, РОМИР и др., а также конкретно-социологические исследования, проведенные автором самостоятельно).

Рисунок 1 – Ссылка на составленную диссертантом подборку социологических и статистических данных по теме исследования

Научная новизна исследования состоит в том, что автором:

- *разработана авторская концепция* правового регулирования отношений, связанных с цифровизацией частной жизни;
- *уточнены и сформулированы* авторские дефиниции «частная жизнь», «цифровизация частной жизни», «цифровой правовой статус личности»;
- *разработана* классификационная модель цифровых технологий в зависимости от их влияния на сферу частной жизни;
- *выявлены* позитивные и негативные свойства цифровизации с учетом защищенности приватной сферы личности;
- *разработаны* теоретические положения о механизме правового регулирования частной жизни в условиях цифровизации: сформулирована дефиниция, определено содержание, выявлены взаимосвязи между элементами (средствами правового регулирования);
- *концептуально проработаны* вопросы изменений, связанных с содержанием и особенностями реализации права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации;
- *сделаны предложения* по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Разработана авторская концепция правового регулирования отношений, связанных с цифровизацией частной жизни, основанная на том, что многие сферы общественных отношений (в том числе отношения, связанные с осуществлением и защитой частной жизни), регламентируемые правом и иными социальными регуляторами, переводятся в цифровой формат и (или) сущностно изменяются под влиянием цифровизации, при этом право выступает: а) инструментом и средством цифровизации; б) ограничителем цифровизации некоторых общественных отношений (в том числе в сфере частной жизни); в) объектом воздействия цифровизации, вследствие чего трансформируются онтология, содержание, форма и механизм действия права, появляются новые элементы механизма правового регулирования и правового статуса субъектов правоотношений.

2. С учетом имеющихся в правовой науке подходов к определению понятия «частная жизнь» (институциональный; описательный; «от противного», или логико-отрицательный; субъективный) обоснован новый подход – *субстанциональный (сущностный)*, основанный на включении в определение юридически значимых признаков частной жизни гражданина, и сформулирована авторская дефиниция *частной жизни* как правовой категории, под которой понимается относительно обособленная от государства и общества автономная полиструктурная (гетерогенная) сфера жизнедеятельности человека (связанная с психологическими процессами, психическими состояниями и свойствами личности, социально-демографическими характеристиками и статусами, осуществлением личных неимущественных прав и нематериальных благ), функционирование (в том числе охрана и защита) которой обеспечивается самой личностью, институтами гражданского общества и публичной властью.

3. Разработан концепт цифровизации частной жизни. Цифровизация частной жизни (в правовом аспекте) – процесс воздействия цифровых технологий на относительно самостоятельную, обеспечиваемую публичной властью, гражданским обществом, личностью сферу жизнедеятельности, позволяющий осуществлять автоматизированный контроль за поведением индивидов,

обеспечивать цифровую идентификацию субъектов правоотношений, упрощать межличностное взаимодействие между ними. Этот процесс может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на сферу частной жизни.

Цифровизация *двойственно (амбивалентно)* влияет на сферу частной жизни. *Позитивное* влияние, в частности, проявляется в следующем: появляются новые технические способы защиты права на неприкосновенность частной жизни, цифровизация расширяет возможности общения, позитивно влияя на дружеские и семейные отношения, которые охватываются понятием «частная жизнь», цифровые технологии упрощают порядок обращения в государственные органы, в правозащитные организации, в том числе по вопросам защиты права на неприкосновенность частной жизни, цифровые технологии позволяют гражданам работать, делать покупки, общаться из дома, что освобождает время для других дел, относящихся к сфере частной жизни и др.

Негативное влияние проявляется в следующем: цифровые технологии обострили вопрос о защите информации о частной жизни; некоторые из сведений о частной жизни используются без осознанного согласия самих индивидов; цифровизация отрицательно влияет на семейные отношения и традиционные семейные ценности, сокращая время «очного» общения детей и родителей, супругов; в некоторых случаях цифровые технологии могут замещать нормальные семейные отношения; персональная информация граждан, в том числе относящаяся к сфере частной жизни, может использоваться для манипулирования их поведением и выбором; сведения о частной жизни коммерциализируются и распространяются без ведома граждан и др.

4. Обоснована классификация цифровых технологий в зависимости от влияния на правоотношения, связанные с осуществлением и защитой прав в сфере частной жизни:

а) технологии, нейтрально влияющие на сферу частной жизни (квантовые технологии, промышленный интернет и пр.);

б) технологии, использование которых способствует защите и охране частной жизни (например, технология распределенного реестра может

способствовать анонимному взаимодействию между субъектами и надежно сохранять данные о частной жизни);

в) технологии, использование которых способствует укреплению межличностных связей (дружеских, семейных, любовных, приятельских и прочих неформальных) в рамках частной жизни (например, технология беспроводной связи, Интернета, связанные с ними инструменты видеоконференцсвязи, «мессенджеры» и пр.);

г) технологии, использование которых потенциально может вести к нарушению прав, обеспечивающих нормальное функционирование частной жизни (технологии искусственного интеллекта, «Большие данные», «Интернет вещей» и другие).

Учитывая многовекторный характер влияния цифровизации на право, сделан вывод о том, что следует поощрять разработку, внедрение и распространение технологий, которые способствуют защите, нормальному функционированию и развитию отношений в сфере частной жизни, и ограничивать использование технологий, которые обладают рискогенным и деструктивным потенциалом для данной сферы.

5. Сформулировано авторское определение механизма правового регулирования в цифровой среде, под которым понимается организованная совокупность средств правового регулирования, обеспечивающих установление правопорядка в цифровом пространстве.

Выявлены следующие особенности механизма правового регулирования в цифровой среде:

- регуляторный комплекс сочетает технические и социальные средства (юридические и неюридические, например, нормы «цифровой этики»);
- юридические средства, включаемые в механизм правового регулирования цифровой среды, имеют межотраслевой характер;
- возрастает значение инструментов «мягкого права», в том числе за счет использования механизмов саморегулирования;
- юридические нормы не всегда реализуют прогностическую функцию

права, а выступают в качестве средств фиксации «стаус-кво» или правил, выработанных участниками цифровых отношений самостоятельно путем саморегулирования («догоняющее регулирование»);

– «обостряются» конфликты между юридическими и неюридическими средствами регулирования (нормами морали, религии), некоторые из которых негативно оценивают процессы цифровизации.

6. Сформулировано авторское определение механизма правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации, под которым понимается система взаимосвязанных и взаимодействующих юридических и неюридических средств, воздействующих на сферу частной жизни в целях обеспечения ее беспрепятственной реализации (в том числе защиты и охраны) в условиях цифровизации общественных отношений.

7. Разработана структура (с учетом деятельностного подхода) механизма правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации, которая включает следующие элементы:

а) стратегическая цель – обеспечение беспрепятственной реализации (в том числе защита и охрана) сферы частной жизни в условиях цифровизации общественных отношений;

б) тактические цели (задачи):

– охрана и защита сферы частной жизни от постороннего вмешательства, обусловленного развитием цифровых технологий,

– стимулирование создания, совершенствования и внедрения технологий, направленных на обеспечение нормального функционирования частной жизни,

– недопущение нарушения оборота информации о частной жизни цифровыми средствами, соблюдение ее тайны в условиях цифровых угроз,

– создание условий для межличностного общения путем современных средств коммуникации,

– защита лица от негативной информации и иных социально-мировоззренческих угроз;

в) средства правового регулирования, которые можно классифицировать на

юридические (нормы права, правоотношения, акты реализации и применения права) и неюридические (факторы объективной действительности, природные явления, иные социальные регуляторы и пр.), нормативные и ненормативные (такие как акты применения права, природные явления, имеющие регулятивное значение), среди которых значимое место занимают технические средства;

г) достижение состояния защищенности сферы частной жизни от угроз и рисков, обусловленных цифровизацией, как результат функционирования механизма правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации.

8. Сформирована авторская концепция взаимодействия юридических и неюридических средств, образующих механизм правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации, включающая следующие формы:

а) взаимообусловленность (неюридические средства правового регулирования, будучи отраженными в общественном сознании, выступают нормативными стандартами для создания юридических средств; юридические средства, в свою очередь, могут выступать катализаторами изменений норм морали, ценностных установок и пр.);

б) конфронтация (юридические и неюридические средства различаются по содержанию и противоречат друг другу, что приводит к дисбалансу в регулировании отношений, например, регулирование сферы идентификации религиозными и правовыми нормами);

в) кооперация (юридические и неюридические средства регулирования действуют однонаправленно и синхронно, как, например, нормы сетевого этикета и правовые нормы, которые усиливают действие друг друга);

г) иррелевантность (параллельное существование юридических и неюридических средств, регламентирующих разные сферы частной жизни).

9. Сформулировано авторское понятие цифрового правового статуса личности, под которым понимается юридически закрепленное положение физического лица в цифровом пространстве, выражаемое в определенном объеме прав, свобод, обязанностей, ответственности, гарантий и других элементов,

некоторые из которых являются «цифровым воплощением» традиционных, появление прочих детерминировано развитием технологий.

Сделан вывод о том, что элементы цифрового правового статуса личности можно разделить на следующие группы:

1) традиционные элементы правового статуса, не изменившиеся в условиях цифровизации (право на жизнь, право на жилище и др.);

2) традиционные элементы правового статуса личности, изменившиеся в связи с воздействием цифровых технологий (право на неприкосновенность частной жизни, право на образование, обязанность платить законно установленные налоги и сборы и др.);

3) элементы правового статуса личности, появление и существование которых детерминировано прежде всего процессами цифровизации (право на забвение, право на цифровую смерть и др.).

10. Сделаны выводы относительно модернизации содержания и реализации права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации общественной жизни:

– наблюдается расширение перечня сфер, охватываемых понятием частной жизни (действия субъекта в сети Интернет и их фиксация, биометрические данные и пр.);

– находят юридическое закрепление в правотворчестве и правореализации новые правомочия (право на забвение, право на анонимность, право лица на доступ к информации о его частной жизни, право на перенос данных, право на информационное самоопределение, право на защиту от деструктивной информации в цифровой среде);

– наблюдается необходимость обеспечивать правовую охрану частной жизни с момента рождения и после смерти субъекта, в том числе информации о ней, размещённой в социальных сетях, с учетом того, что в личных аккаунтах может содержаться информация о частной жизни и третьих лиц (например, тех, с кем умерший состоял в переписке);

– вводимые ограничения права на неприкосновенность в условиях

цифровизации должны соответствовать уровню опасности рисков и угроз, детерминированных развитием цифровой среды.

11. Разработана концепция системы гарантий неприкосновенности частной жизни. Обосновано, что под гарантиями неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации понимается совокупность предусмотренных объективным правом факторов, носящих социальный и несоциальный характер, реализация которых способствует обеспечению защиты и охраны сферы частной жизни от постороннего вмешательства, связанного с развитием цифровых технологий.

Система гарантий неприкосновенности частной жизни включает в себя общие гарантии (в том числе экономические, политические, социальные) и специальные гарантии.

К специальным гарантиям относятся: законодательные (комплекс правовых норм, охраняющих границы частной жизни, устанавливающих ответственность за их нарушение), институциональные (система государственных и негосударственных органов, защищающих и охраняющих указанное право человека), идеологические (формирование высокого уровня цифровой правовой культуры), технические (концепция «встроенной конфиденциальности, специальные программы, позволяющие обеспечить анонимность в сети, «фильтры» негативной информации).

Для усиления реализации охранительной функции права и в целях надлежащей защиты прав человека в сфере частной жизни следует юридически оформить и закрепить *право на отказ от использования цифровых технологий* в социально значимых сферах (обращение в органы власти, заключение публичных гражданско-правовых договоров и др.).

11. В целях совершенствования законодательства предлагается комплекс правовых новелл, в том числе нижеследующие.

1). В целях совершенствования государственной политики в области обеспечения неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации разработать Концепцию формирования правовой культуры населения в цифровой среде.

Рисунок 2 – Разработанная диссертантом Концепция формирования правовой культуры в цифровой среде.

2). Для развития правового регулирования отношений в области цифровизации целесообразно формализовать «право на отказ от использования цифровых технологий», предусмотрев в отечественном законодательстве следующие положения:

- закрепить право получения государственных (муниципальных) услуг в форме, альтернативной цифровой;
- создать и внедрить систему защиты прав тех, кто не хочет (или не может) использовать новые цифровые решения в социально значимых сферах;
- определить перечень сфер, которые будут «защищены» от существования в исключительно «цифровой» среде.

3). Исходя из необходимости обеспечить сохранность информации частной жизни, отраженной на интернет-сайтах (в том числе в социальных сетях), после смерти гражданина, следует дополнить статью 152.2 «Охрана частной жизни гражданина» Гражданского кодекса Российской Федерации пунктом следующего содержания:

«6. После смерти гражданина данные для доступа к персональным страницам на сайтах в сети «Интернет», которые предназначены и (или) используются в целях осуществления переписки, хранения и распространения информации, могут быть предоставлены наследникам и иным лицам только по специальному распоряжению, сделанному гражданином при жизни, а также в случаях, определенных правовыми актами. Соответствующее распоряжение может быть сделано путем заполнения электронной формы на сайте».

4). В целях укрепления институциональных гарантий права на неприкосновенность частной жизни и совершенствования правового

регулирования деятельности Центра правовой помощи гражданам в цифровой среде целесообразно рассмотреть вопросы о:

- расширении направлений деятельности центра, сместив акцент с нарушений прав субъектов персональных данных ко всем нарушениям, возникновение которых опосредовано развитием цифровых технологий,
- расширении «географии присутствия» офисов центра (или, как минимум, официальных представительств) в целях того, чтобы качественную правовую помощь могли получить как можно больше граждан России.

5). Несмотря на доказанную и обоснованную в диссертационном исследовании необходимость принятия юридических мер защиты и охраны частной жизни в условиях всеобщей цифровизации, аргументируется *отсутствие необходимости* в принятии отдельного федерального закона, регламентирующего сферу частной жизни.

Теоретическая и практическая значимость.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты обогащают общую теорию права и государства, могут использоваться при разработке отраслевых стратегий регулирования отношений частной жизни в условиях цифровизации, а также при дальнейшем развитии теории правового регулирования в цифровом пространстве.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в правотворчестве и правоприменении: при выработке правовой политики и разработке правовых норм, регулирующих охрану и защиту сферы частной жизни, а также в процессе их применения в юридической практике.

Дидактическая значимость работы заключается в том, что содержащиеся в ней выводы и идеи могут быть использованы:

- в образовательной и правовоспитательной работе в целях разработки программы формирования высокой правовой культуры, воспитания правопослушного поведения пользователей цифровых устройств;
- в преподавательской деятельности: отдельные теоретические положения

могут быть использованы в рамках преподавания курсов «Теория государства и права», «Цифровое право», «Информационное право», «Актуальные проблемы теории государства и права» и других.

Степень достоверности и апробация результатов исследования подтверждается соответствием нормативной базы и эмпирической основы работы ее предмету; адекватностью и релевантностью применяемой методологии; опорой на фундаментальные российские и зарубежные разработки в области общей теории государства и права; внедрением полученных результатов в образовательный процесс Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых и деятельность Уполномоченного по правам человека во Владимирской области; апробацией результатов исследования.

Результаты исследования обобщены и представлены в научных статьях. Общее количество научных статей по теме исследования составляет 7, из которых 6 опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Структура диссертации определена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, и списка литературы.

Глава 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

1.1 Частная жизнь как правовая категория: подходы к определению понятия

Изучение теоретико-методологических основ диссертационного исследования подразумевает раскрытие сущности предмета исследования, основных понятий, категорий, которые его образуют, и методов, которые автор будет применять для его изучения. Предмет настоящего исследования обуславливает необходимость выявления в рамках изучения теоретико-методологических основ существующих подходов к частной жизни как правовой категории и уточнения понятия «частная жизнь», установления сущностных свойств и юридического значения процесса цифровизации частной жизни, выявления методологических оснований исследования правового регулирования отношений, связанных с цифровизацией частной жизни.

Вопросы изменений, происходящих в сфере регулирования частной жизни в условиях цифровизации, методологически корректно начинать изучать с выявления и описания сущности понятия «частная жизнь». Нельзя утверждать, что этот вопрос вовсе не освещен на страницах научной литературы: правовая сущность частной жизни была предметом исследования в рамках отдельных публикаций на монографическом, диссертационном уровнях представителями теоретико-правовых и отраслевых юридических наук¹. Понятие «частная жизнь» также рассматривается в предметных областях социологии, истории, юриспруденции, психологии, политологии и других социальных и гуманитарных наук.

---

¹ См., например: Пикуров Н. И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности: монография / Н. И. Пикуров. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 207 с.; Головкин Р.Б. Морально-правовое регулирование частной жизни в современной России: монография / Р. Б. Головкин; Владимир: ВЮИ Минюста России, 2004. 380 с.

Тем не менее современные условия, заставившие обратить пристальное внимание на вопросы регулирования (в том числе защиты и охраны) частной жизни, обнажили несовершенство одних подходов к определению понятия и преимущества других, что будет наглядно представлено далее.

Чтобы выявить сущность частной жизни, обосновать происходящие на фоне технологических сдвигов ее изменения и определить надлежащие правовые механизмы регулирования данной сферы, в настоящем параграфе исследуем существующие подходы и концепции к определению, обоснуем научные критерии (признаки), по которым можно отграничить частную от публичных сфер.

Обратившись к текстам нормативных правовых актов Российской Федерации, мы не обнаружили дефиниции понятия «частная жизнь», хотя сам термин упоминается в нормативных правовых актах разного уровня и различных отраслей:

- правовую основу обеспечения неприкосновенности частной жизни образуют положения ст. 23, ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, которые раскрываются в отраслевом законодательстве;
- гражданское законодательство неприкосновенность частной жизни относит к неотчуждаемым и непередаваемым благам, которое подлежит защите;
- специальные «охранительные» нормы содержатся в Уголовном кодексе РФ, Кодексе РФ об административных правонарушениях;
- важную роль в механизме правового регулирования сферы частной жизни играет законодательство о персональных данных.

В то же время, несмотря на сам факт закрепления в российском законодательстве, следует отметить, что понятия «частная жизнь», «неприкосновенность частной жизни» и прочие не раскрыты на нормативном уровне. Единственное, что может пролить свет на позицию законодателя относительно содержания частной жизни, – предлагаемые российскими нормативными правовыми актами различные области жизнедеятельности, включаемые в данную сферу. Так, Гражданский кодекс Российской Федерации к информации о частной жизни относит сведения о происхождении, месте

пребывания или жительства, личной и семейной жизни (п.1 ст.152.2)¹, причем предлог «включая», использованный законодателем, ориентирует интерпретатора на то, что перечень этих сведений представлен не исчерпывающим способом. Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за обращение сведений о частной жизни лица, составляющих личную или семейную тайну (ст.137).

Отсутствие общего понятия детерминирует правоинтерпретационную активность судебных органов. Конституционным Судом Российской Федерации предложена интерпретация понятия «частной жизни»: в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер².

Несмотря на закрепление термина, его интерпретацию судебными органами, единое общее определение, которое может стать основой в нормотворчестве, правоприменении, правореализации, отсутствует.

Сложность юридического описания частной жизни, на наш взгляд, обусловлена следующими факторами. Во-первых, динамизмом общественных отношений, изменения которых обуславливают появление новых областей, сторон, элементов частной жизни (например, распространение Интернета в полный рост поставило вопросы о «цифровых следах» как охраняемых элементах частной жизни).

Во-вторых, некоторые отношения, возникающие в сфере частной жизни, регулируются не правом, а иными социальными регуляторами, в том числе моралью, нормами религии и т.д.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст. 3301.

² См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда от 26.01.2010 № 158-О-О // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда от 27.05.2010 № 644-О-О // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В-третьих, междисциплинарным характером данного явления (как отмечалось, вопросы частной жизни исследуют в своих предметных областях историки, педагоги, психологи, социологи и пр.).

Тем не менее это не повод отказываться от попыток ее дефинирования. Обратимся к доктринальной литературе, чтобы сформировать абрис и современное состояние изученности данного вопроса.

Анализ научной литературы показал, что в доктрине сложилось несколько подходов к определению понятия «частная жизнь». Мы выделим их в зависимости от способа формирования дефиниции:

1) перечневый (институциональный) – перечисление тех сфер, которые входят в понятие «частная жизнь»;

2) описательный – описание признаков, позволяющих отнести ту или иную сферу жизнедеятельности к частной жизни;

3) «от противного» (логико-отрицательный) – перечисление тех сфер, которые не включаются в частную сферу;

4) субъективный – признание факта того, что определение частной жизни зависит от усмотрения конкретного субъекта-носителя права на частную жизнь.

Рассмотрим позиции и взгляды приверженцев каждого из этих подходов.

1) Перечневый.

Данный подход распространен в научной литературе как советского, так и современного периодов. Отметим, что в ряде источников данный подход именуется институциональным¹. Признавая правомерность данного именованья, будем в нашем исследовании использовать приведенное выше название исходя из того, что оно используется в литературе по юридической технике (так называется один из способов формирования дефиниции).

---

¹ См., например: Смолькова И. В. Понятие и значение частной жизни граждан // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 2-й ежегодной международной научно-практической конференции, Иркутск, 20–21 июня 2013 года / под редакцией Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2013. С. 135.

В частности, таким путем пошли авторы учебного пособия под редакцией С. А. Авакьяна. В нем отмечено, что категория «частная жизнь» объединяет разного рода явления (жизнь в семье, трудовую деятельность, общение человека, информацию о здоровье и др.)¹.

Л. О. Красавчикова выделяет десять сторон частной жизни: сугубо личностную (интимную); бытовую; семейную; имущественную; культурную; организационную; санитарно-гигиеническую; оздоровительную; сторону досуга; коммуникационную².

Н. П. Лепешкина, комментируя данное понятие, приводит подробную классификацию частной жизни как социального явления по определенным сторонам жизни человека: внутренняя духовная сфера, сфера межличностного общения и связей, сфера поведения и имущественная сфера³.

Г. Б. Романовский, детально изучивший вопросы защиты и охраны частной жизни, отнес к ней круг неформального общения, вынужденные связи (с адвокатами, врачами, нотариусами и т.д.), собственно внутренний мир человека (личные переживания, убеждения, быт, досуг, хобби, привычки, домашний уклад, симпатии), семейные связи, религиозные убеждения⁴.

В обобщении правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, сделанным Верховным Судом Российской Федерации, выделяются (с оговоркой о том, что перечень является открытым) следующие сферы частной жизни: идентичность и самостоятельность, вопросы самоидентификации лица, родительский статус, физическая и психологическая неприкосновенность, медицинское вмешательство, уход лица из жизни, профессиональная (трудовая) деятельность лица, вопросы, связанные с

---

¹ Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 678.

² Подробнее см.: Красавчикова Л. О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М.: 1983. 160 с.

³ Лепешкина Н. П. Неприкосновенность частной жизни, что это? // Адвокатская практика. 2005. №2. С. 37–39.

⁴ Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М., 2001. С. 64.

погребением, использование современных информационных технологий, осуществление личных переговоров, защита корреспонденции¹.

Г. А. Василевич, комментируя белорусское законодательство относительно защиты частной жизни, отмечает, что к частной жизни относят «брак, деторождение, распоряжение собственностью, семейным бюджетом, тайну вкладов, информацию о состоянии здоровья, свободу вероисповедания»².

И. А. Шевченко в понятие «частная жизнь» включает две свободы: «свободу правомерного поведения и мысли человека»³. Указанный автор отмечает, что они могут быть реализованы в определенных сферах, относя к ним и деловую. Такой подход заслуживает внимания, однако отнесение деловых отношений к частной сфере, наряду с личными и семейными, вызывает вопросы, поскольку деловые отношения могут быть реализованы и в публичной плоскости.

Аналогичной позиции придерживается О. Ю. Красотенко, отмечая, что частная жизнь включает различные сферы, например, индивидуальное пространство, персональные данные. К числу охватываемых сфер она относит профессиональные взаимоотношения, что представляется спорным. Вполне очевидно, что ряд профессий по своей природе носит публичный характер (сложно назвать частными отношения возникающие, например, между судьей и участниками процесса в процессе осуществления ими профессиональной (или служебной) деятельности)⁴.

Таким образом, видна дефектность полученных результатов при реализации попыток некоторых авторов перечислить конкретные стороны, сферы, элементы

---

¹ Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища // Верховный Суд РФ. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/28123/ (дата обращения: 05.02.2024).

² Василевич Г. А. Правовая защита индивидуального самоопределения // Законность и правопорядок. 2009. №2. С. 41.

³ Шевченко И. А. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2005. 23 с.

⁴ Красотенко О. Ю. Понятие «частная жизнь» в решениях Европейского суда по правам человека // Сборник работ 68-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: в 3-х ч.: ч. 2. Минск: БГУ, 2011. С. 118.

частной жизни, поскольку они динамично меняются. Более того, именно современное состояние общественных отношений и демонстрирует несовершенство данного подхода, поскольку в условиях цифровизации появляются новые элементы, не включенные в определения, приведенные выше (например, «цифровые следы», оставляемые пользователями сети «Интернет», данные в рамках интернет-платформ «рекомендации» и др.).

2) Описательный.

Данный подход нашел свое отражение в словарной и справочной литературе. Согласно одной из трактовок, данной в педагогическом словаре, под частной жизнью следует понимать те сферы человеческого поведения, в которых человек волен самостоятельно, без вмешательства извне каких-либо организаций, групп, власти, определять цели и средства своих действий¹. Юридический словарь предлагает аналогичную характеристику: под частной жизнью можно понимать все, что связано с личными интересами и делами человека².

М. В. Баглай также интерпретирует данное понятие как «те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других. Это своеобразный суверенитет личности, означающий неприкосновенность ее «среды обитания», исключая ситуации нарушения закона»³.

О. В. Максимова отмечает, что частная жизнь есть «физическая и духовная сферы, которые контролируются самим индивидом и не предполагают внешнего воздействия»⁴.

Анализируя канадский опыт правового регулирования частной жизни, Д. С. Сербин делает ценное замечание: приватность – это «онтологическая форма

---

¹ Частная жизнь // Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). URL: https://spiritual_culture.academic.ru/2407/Частная_жизнь (дата обращения: 01.02.2024).

² Частная жизнь. URL: <http://slovariki.org/uridiceskij-slovar/20927> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. С. 219.

⁴ Максимова О. В. Содержание понятия «Частная жизнь» в российском уголовном законодательстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. №1. С.69.

и важнейший структурный элемент личностной автономии человека по отношению к власти и третьим лицам»¹. При этом он остерегает от понимания автономности как формы изоляции и индифферентности, то есть подчеркивает связь частной сферы со сферой публичной.

Р. Б. Головкин трактует частную жизнь как «сферу жизнедеятельности человека, предназначенную для относительной автономизации личности от общества, обеспечиваемую самой личностью и государством»².

Недостатки данного подхода связаны с тем, что использование оценочных категорий, образующих определение, ведет к возрастанию рисков правовой неопределенности. В случае принятия такого подхода, требуется высокий уровень квалификации правоприменителей.

3. Определение частной жизни «от противоположного».

Данный подход базируется на утверждении о том, все, что не относится к публичной сфере, является частной жизнью. Р.Б. Головкин отметил, что такой подход используется, в частности, в исторических исследованиях³. Распространен он и в юридической науке.

Например, М. Н. Малеина, определяя частную жизнь, относит к ней все сведения о человеке, кроме сведений о его профессиональной и общественной деятельности⁴.

«Частная жизнь, - отмечает К. М. Маштаков, - может быть определена «от противоположного» как сфера, которая не входит в государственную и общественную жизнь»⁵.

---

¹ Сербин Д. С. Содержание конституционно гарантированного права на приватность: Канадский опыт правового обеспечения // Право и образование. 2015. № 6. С.112.

² Головкин Р. Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2005. С. 23.

³ Головкин Р. Б. Специфика права на неприкосновенность частной жизни в современной России / Р. Б. Головкин // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 3. С. 40–45.

⁴ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001. 244 с

⁵ Маштаков К. М. Проблемы правового регулирования отношений в сфере частной жизни // Юристы-Правоведь. 2013. № 3. С. 21.

Здесь, очевидно, возникает другая сложность: как определить понятие публичной деятельности: равноценно ли оно понятию общественной жизни? тождественно ли оно отношениям, регулируемым публичным правом? Без конвенционального ответа на эти вопросы вряд ли возможно предложить признанное всеми определение частной жизни.

4. Субъективный подход.

Распространена позиция, согласно которой категорию «частная жизнь» невозможно объективно определить. Авторы, придерживающиеся данного подхода, обосновывают свою позицию многомерностью социальных связей, сложностью ее содержания и известной долей субъективизма. Так, М. Ю. Авдеев отмечает, что частная сфера является «сферой личного усмотрения»¹.

На субъективность определения границ частной жизни указывает и О. В. Максимова, правда, обращая внимание на пределы частной сферы – законные интересы других лиц².

Ввиду недопущения правовой неопределенности видится не вполне продуктивным подход отказа от попыток определения данного понятия.

Подводя итог краткому обзору исследовательских подходов к характеристике понятия «частная жизнь», выскажем свое мнение относительно данного концепта. Истина, как принято считать, где-то посередине, и потому наиболее компромиссным и продуктивным представляется подход, согласно которому в дефиниции содержатся признаки описываемого явления. Попробуем обосновать данный тезис.

Частная жизнь – юридизированная категория³, следовательно, при определении понятия следует принимать во внимание принятые в юридической

---

¹ Авдеев М. Ю. Категория «частная жизнь» в конституционном законодательстве Российской Федерации // Современное право. 2010. №6. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Категория-частная-жизнь-в-конституционном-законодательстве-Российской-Федерации> (дата обращения: 04.02.2024).

² Максимова О. В. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2013. 172 с.

³ Лепешина Н. В. Основания юридизации общественных отношений сферы частной жизни // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 3(44). С. 191–194.

технике правила и требования к дефинициям. В частности, существует требование полноты дефиниции, адекватности отражаемого явления, соблюдения базовых принципов логики и пр.¹ В современных условиях к данному перечню стоит добавить принцип технологической нейтральности. Данный принцип подразумевает регулирование общественных отношений нормами, которые являются индифферентными в отношении используемой технологии².

Ранее было отмечено, что в теории права и юридической технике выработаны различные способы составления дефиниций, например, перечневые (перечень явлений и процессов, охватываемых дефиницией), содержащие признаки, сравнения и пр.

Таким образом, оптимальным способом определения понятия «частная жизнь» является описательный – через перечисление признаков, другие способы имеют изъяны. Несовершенство перечневой дефиниции частной жизни связано с тем, что ввиду динамики общественных процессов, детерминированных глобализацией, цифровизацией, модернизацией и другими факторами, сложно сформулировать исчерпывающий перечень тех областей, которые правомерно относить именно к сфере частной жизни. Учитывая те многочисленные изменения, которые происходят в современном мире, понятие, и без того «аморфное» и широкое, расширяет свои горизонты. Даже в рамках настоящей работы будут затронуты некоторые стороны жизни человека, которые возникли недавно и которые следует относить к частной сфере. Иными словами, содержание сферы частной жизни непостоянно. В. М. Баранов также констатирует сложность и непродуктивность перечисления всех сторон и свойств частной жизни³.

---

¹ См., например: Кашанина Т. В. Юридическая техника: Учеб. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. С. 182.

² См., в частности: Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дисс. ... доктора юридических наук. М., 2019. 394 с.; Жарова А. К., Гутникова А. С., Мальцева С. В., Елин В. М. Законодательная поддержка принципа технологической нейтральности в информационных системах // Бизнес-информатика. 2012. №4 (22). С. 25–32.

³ Баранов В. М. О законодательном определении категории «частная жизнь» / В. М. Баранов // Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни: сб. науч. тр. – Н. Новгород: Нижегород. юрид. ин-т МВД России, 1999. Ч. 1. С. 34–37.

Таким образом, оптимальным путем является включение в определение юридически значимых признаков частной жизни гражданина. Это позволит сделать данное понятие «технологически нейтральным», исключить «дискриминацию» технологий, которые будут разработаны в дальнейшем.

В то же время было бы неверно исключать из внимания иные подходы. В зависимости от цели, которые ставит автор дефиниции, полезны могут быть и понятия, образованные иным образом.

Перечневый подход, предусматривающий перечисление основных элементов и сфер частной жизни, оптимален в научных целях, связанных с выяснением сущности и наполнения понятия «частная жизнь». Именно в исследовательских целях продуктивен также логико-отрицательный метод (способ) формирования дефиниции, так как позволяет дополнительно конкретизировать объем понятия.

В целях правового регулирования, которое должно отличаться стабильностью и нейтральностью по отношению к технологическому прогрессу, наиболее применим, как мы выяснили, описательный подход¹.

В судебной практике, с учетом требований действующего права, сформулирована позиция о том, что «лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне»², то есть учитывается и субъективный критерий. Важное значение он имеет в условиях цифрового общества, так как расширяется перечень способов обнародования информации (в том числе о частной жизни) самими гражданами для общества (например, в социальных сетях), что следует учитывать при разрешении конфликтов по поводу распространения информации.

---

¹ Санников Д. В. Понятие «частной жизни» в цивилистической доктрине и правоприменительной практике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023 №1 (13). С. 30–42.

² Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, все проанализированные нами подходы имеют свои преимущества и недостатки и могут существовать в доктрине, правовом регулировании, правоприменительной практике.

Тем не менее для целей нашего исследования предложим признаки, которые помогут нам очертить предмет исследования и позволят в дальнейшем отграничивать частную жизнь от публичной (общественной) сферы.

Полиструктурность. В самом общем виде в сфере частной жизни можно выделить две стороны: внутреннюю (суверенитет личности в части его мыслей, чувств и пр.) и внешнюю (межличностное общение). Традиционным стало представление о том, что внутренняя сфера регулируется внеправовыми социальными регуляторами (нормами морали, религии), а внешняя сфера регулируется в большей степени, чем внутренняя, нормами права¹. Действительно, данное утверждение отражает регулирование частной жизни в «доцифровом» обществе, тогда как к современной ситуации оно применимо лишь частично.

Если в «доцифровом» обществе государство и негосударственные институты преимущественно влияли на внешнюю сторону частной жизни и право должно было создавать надлежащую регуляторную среду для охраны личности от нарушений в этой связи, то в современную эпоху под угрозой оказывается и внутренняя сторона, нашедшая объективацию в цифровой среде. Речь идет, прежде всего, о различного рода «цифровых следах», оставляемых пользователем в сети Интернет и отражающих именно внутреннюю сферу частной жизни, на основе которых собираются и агрегируются данные о человеке, которые применяются впоследствии в целях манипулирования его поведением, используются как товар и пр.

Автономность. Автономность, согласно предлагаемым в словарях значениям, означает независимость от чего-либо, обладание автономией². Автономность в праве рассматривается в различных значениях и используется в

---

¹ Головкин Р. Б. Механизм морально-правового регулирования частной жизни // Вестник ИГЭУ. 2005. №2. С. 109.

² Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

различных отраслях права: как в публичном (например, «автономность государства»), так и в частном (например, в семейном праве изучается автономность семейных отношений). Условием личностной автономии является «способность контролировать обстоятельства собственной жизни, возможность выбора и ответственность за него»¹.

Одна из составляющих личной автономности, как отмечает А. И. Редькина, – «способность автономных субъектов самостоятельно принимать решения относительно того, что является для них обязательным, запрещенным, а также о том, что является разрешенным для них»².

Автономность состоит в возможности индивида самостоятельно принимать решения относительно своей жизни и вести обособленную от органов государственной власти, коммерческих и некоммерческих институтов деятельность, при этом она имеет пределы, связанные с законными правами и интересами других лиц. Так, А. И. Редькина, со ссылкой на М. Селлерса, отмечает, что «приватные действия могут возникать только тогда, когда граждане обладают автономностью, соответственно, «личная автономность заканчивается на границе между государственным и частным»³.

Представляется, что автономность сферы частной жизни тесно связана с категорией «автономность семейных отношений», которая подробно разработана в исследованиях П. А. Якушева⁴. В зависимости от принятого научного подхода, частная и семейная жизнь могут рассматриваться как полностью совпадающие, так и частично пересекающиеся понятия (реже – как параллельно существующие и не

---

¹ Нартова-Бочавер С. К. Теория приватности как направление зарубежной психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 38.

² Редькина А. И. Концепция автономности в праве: теоретический аспект // Право и образование. 2016. № 11. С. 18.

³ Редькина А. И. Концепция автономности в праве: особенности, функции и проблемы применения // Право и образование. 2016. № 12. С. 115.

⁴ Якушев П. А. Автономность семейных отношений и цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 1. С. 277-293. Якушев, П. А. Автономность семейных отношений и подходы к их правовому регулированию в государствах Европы // Семейное право: современные проблемы теории и практики: Материалы международного круглого стола, Минск, 16–17 октября 2020 года. - Минск: Белорусский государственный университет, 2020. С. 362–368.

связанные). Исходя из этого, разработанные в семейном праве положения применимы и в нашем исследовании.

Обеспеченность государством. Исторический опыт показывает, что правовое регулирование сферы частной жизни, введение института ее неприкосновенности связаны с развитием обособления индивида от государства. С учетом этого международное сообщество на глобальном и национальном уровнях декларируют цель обеспечивать неприкосновенность частной жизни. Указанная цель ставится, в том числе, и в актах конституционного законодательства. К примеру, в англо-американском праве принято выделять в «прайвеси» (правовой институт – аналог института частной жизни) четыре категории: информационная приватность, физическая приватность, коммуникационная приватность, территориальная приватность¹.

В актах конституционного законодательства стран СНГ, кроме Республики Таджикистан, закреплено право на неприкосновенность частной жизни², соответствующие требования содержатся в законодательстве стран Евросоюза, государств, относящихся к мусульманской правовой семье и пр.

Обеспеченность государством как признак частной жизни заключается в следующем:

- определение границ частной жизни (в законодательстве или судебной практике)
- провозглашение принципа неприкосновенности (охраны, защиты) частной жизни,
- установление ответственности за посягательство на сферу частной жизни,
- обеспечение согласованности регулирования с иными социальными регуляторами, в том числе внеправовыми.

---

¹ Приводится по: Измайлова Н. С. Неприкосновенность частной жизни в англо-американской и российской правовых доктринах // Московский журнал международного права. 2008. № 1(69). С. 176.

² Стоит отметить, в тексте Конституции этой страны содержатся отдельные правомочия права на неприкосновенность частной жизни.

Одно из значимых направлений защиты сферы частной жизни – защита персональных данных. В этом контексте полезно проанализировать соотношение понятий *частная жизнь* («информация о частной жизни») и *персональные данные*. Наш интерес в рамках данной работы обусловлен тем, что, по мнению некоторых исследователей (например, А. И. Савельева), законодательство о персональных данных является результатом эволюции права на неприкосновенность частной жизни¹.

В научной литературе можно выделить три подхода к соотношению данных правовых явлений: информация о частной жизни – частное, персональные данные – общее; наоборот – категория персональных данных включает информацию о частной жизни лица; данные категории частично пересекаются, но в целом являются независимыми².

Начать рассуждения следует с того, что понятие «персональные данные», в отличие от понятия «частная жизнь», определено в законодательстве, в том числе и в российском. Существует научная позиция, согласно которой персональные данные относят к информации о частной жизни. Тем не менее она не в полной мере соответствует действующему законодательству Российской Федерации. Согласно Федеральному закону «О персональных данных», одной из целей защиты персональных данных является защита права на неприкосновенность частной жизни (ст. 2). С учетом нормативной дефиниции персональных данных, которые включают любую информацию о физическом лице, можно утверждать, что круг этой информации может включать сведения о частной жизни, но явно не ограничивается ей. Согласимся М. В. Бундиным в том, что персональные данные могут содержать информацию о трудовой, общественной, политической

---

¹ Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М.: Статут, 2017. 164 с.

² Важорова М. А. Соотношение понятий «Информация о частной жизни» и «Персональные данные» // Вестник СГЮА. 2012. №4 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cootnoshenie-ponyatiy-informatsiya-o-chastnoy-zhizni-i-personalnye-dannye> (дата обращения: 09.05.2023).

деятельности – то есть тех сферах, которые едва ли охватываются понятием «частная жизнь»¹.

Кроме того, названный нормативный правовой акт распространяет свое действие только на отношения по поводу обработки персональных данных определенными в законе способами. В свою очередь, информация о частной жизни, оборот которой ограничен на конституционном уровне, может быть обработана и другими способами, которые не охватываются нормами закона.

Таким образом, рассматриваемые юридические категории являются сходными, но не тождественными, при этом сохраняют свою значимость в рамках нашего исследования, особенно с учетом того обстоятельства, что в условиях цифровизации автоматическая обработка незаконно полученных данных может приводить к нарушению права на частную жизнь².

В настоящем параграфе, после изучения исследовательских позиций относительно концепта «частная жизнь», выделены четыре подхода к определению данного понятия в зависимости от способа образования дефиниции. Обоснованы признаки концепта «частная жизнь» (полиструктурность, автономность, обеспеченность государством), которые позволили нам уточнить предмет исследования.

С учетом сказанного можно заключить, что *частная жизнь как правовая категория есть относительно обособленная от государства и общества автономная полиструктурная (гетерогенная) сфера жизнедеятельности человека (связанная с психологическими процессами, психическими состояниями и свойствами личности, социально-демографическими характеристиками и статусами, осуществлением личных неимущественных прав и нематериальных благ), функционирование (в том числе охрана и защита) которой обеспечивается самой личностью, институтами гражданского общества и публичной властью.*

---

¹ Бундин М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.13 – М., 2017. С.9.

² Нестеров А. В. Правовая категория частной жизни и ее связь с категорией персональных данных в условиях цифровизации //Юридический мир. 2020. №6. С. 24–28.

В то же время в зависимости от цели, которую преследует автор определения, продуктивными могут быть и иные подходы, как-то: перечневый (институциональный), логико-отрицательный, субъективный. В данном параграфе показаны сферы использования каждого из этих подходов (правоприменение, правотворчество, юридическая наука).

1.2 Цифровизация частной жизни: сущность и юридическое значение¹

Как было отмечено ранее, цифровые технологии влияют на все сферы жизни общества. Под их воздействием меняется структура экономики (формируется так называемая «экономика знаний»), политическая сфера, государственное управление². Формирующееся «цифровое общество», с одной стороны, открывает новые возможности для индивидуальных субъектов и всего населения в целом, с другой – несет серьёзные риски и порождает вызовы, требующие адекватного правового ответа, в том числе для сферы частной жизни гражданина.

В настоящее время сеть Интернет как ядро цифровой среды перестала быть лишь средством хранения и распространения информации, а стала пространством для реализации прав, свобод, обязанностей и осуществления государственно-властных полномочий. Цифровая среда представляет собой новый тип коммуникационной среды, в котором необходимость обеспечения анонимности и конфиденциальности пользователей сталкивается с необратимо быстрым, доступным распространением информации.

Указанное обстоятельство таит в себе угрозы для права на неприкосновенность частной жизни и может привести к рискам коммерциализации персональных данных пользователей, несанкционированного использования

---

¹ При написании данного параграфа использовалась ранее опубликованная работа диссертанта: Авдеев Д. А. Влияние цифровизации на состояние правовой защищенности частной жизни // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. №11. С. 25–28.

² См., например: Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н.Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило. М.: Норма – ИНФРА-М., 2022. 244 с.

чужой информации, распространения недостоверной информации, нарушения безопасности личности, цифровой дискриминации.

В контексте изучения правовых аспектов цифровизации, влияния этого процесса на общественные явления важно понимать сущность самой цифровизации. В целях выявления онтологических свойств данного социально-технического явления обратимся к анализу предлагаемых дефиниций и истории понятия.

Принято считать, что впервые термин «цифровизация» в привычном для нас значении использовал ученый в сфере компьютерных наук Н. Негропonte в 1995 году¹. Указанный автор применил аналогию перехода от атомов к битам, выделив отличия формируемой экономики (в частности, виртуальность, отсутствие сырья, мгновенное перемещение) в сравнении с элементами традиционной экономики (в частности, товаров в «материальном» выражении). В. А. Вайпан отмечает, что преимущества цифровой экономики перед аналоговой связаны с виртуальностью хозяйственных связей, использованием новых валют, возможностью оперативных перемещений в пространстве и т.д.²

В настоящее время цифровизация активно внедряется в различные области общественных отношений, в том числе урегулированные нормами права. На данном этапе общественного развития наиболее эффективны цифровые технологии в тех областях человеческой жизнедеятельности, где требуется обработка, систематизация больших объемов информации, прогнозирование последствий тех или иных явлений на их основе, те сферы, где есть однотипные, поддающиеся типизации операции и действия. В силу этого уже сейчас общественные отношения носят гибридный характер, реализуясь в двух сферах – аналоговой и цифровой. Иными словами, цифровое пространство дополняет физическое³.

---

¹ Negroponte N. Being Digital / N. Negroponte. NY: Knopf, 1995. - URL: <http://inance.ru/2017/09/cifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 12.12.2023).

² Вайпан В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики / В. А. Вайпан // Право и экономика. 2017. № 11(357). С. 5–18.

³ Иноземцев М. И. Цифровое право: в поисках определенности // Цифровое право. 2021. №2(1). С.20.

Несмотря на широкое распространение, внедрение в социальную практику и активное употребление в научном, деловом и даже повседневном общении данного термина, его значение однозначно определить не так просто¹. Понятие нуждается в уточнении и конкретизации. Феномен цифровизации исследуют ученые в рамках различных областей научного знания, имеются и междисциплинарные работы. Данная тенденция, идентифицируемая некоторыми авторами как «конвергенция наук», связана с возрастающей ролью информационных технологий в жизни каждого конкретного человека и всего общества в целом и необходимостью анализа юридических, психологических, политологических следствий и эффектов «цифровизации общества».

Важной задачей, стоящей в том числе перед правоведами, является решение вопроса о том, как соотносятся в информационном пространстве информационное право и цифровое, что такое «цифра» не только с технической точки зрения, но и с правовой².

Обратимся к различным концепциям, описывающим сущность цифровизации.

О. И. Швайка под цифровизацией понимает деятельность по созданию, диффузии и применению цифровых технологий, продуктов и услуг³.

По мнению А. А. Саурина, с точки зрения права цифровизация представляет собой «комплекс отношений по генерации, обработке и передаче информации на принципах двоичного кода»⁴.

Согласно другому из подходов, цифровизация представляет собой определенную процедуру, в которой используются цифровые технологии и

---

¹ Головкин Р. Б., Петрова И. Л. Юридическая терминология в условиях цифровизации правоотношений // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1(62). С. 133–135.

² Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 76.

³ Швайка О. И. Цифровизация права и экономики в России и за рубежом: эволюция и тенденции развития // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2022. № 4(43). С. 24.

⁴ Саурин, А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26.

оцифрованные данные с целью трансформировать иные процессы, модели и операции, которые осуществляются в обществе¹.

Некоторые авторы выделяют три значения цифровизации:

- 1) переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую;
- 2) «оцифровывание» информации, ее перевод в цифровой формат для последующего хранения, распространения и использования;
- 3) широкий комплекс экономических, управленческих, социальных процессов, связанных с применением и широким распространением собственно цифровых, компьютерных, информационных, электронных и сетевых (телекоммуникационных) технологий, систем искусственного интеллекта в современной жизни².

Тем не менее очевидно, что первые две из указанных выше трактовки фактически тождественны, поэтому фактически речь идет о понимании данного явления в двух значениях – широком и узком.

Исходя из этого, согласимся с теми авторами, которые настаивают на понимании цифровизации в двух значениях. В широком смысле цифровизация есть «изменение природы производственных или экономических отношений, смена их субъектно-объектной ориентированности»³, переход к цифровой информации всех сторон экономической и социальной жизни, драйвер мирового общественного развития, обеспечивающий повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни⁴. Содержание этого процесса сводится к внедрению цифровых

---

¹ Кудрявцева Т. Ю., Кожина К. С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. №3 (44). С.151.

² Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И., Мамычев А. Ю. Нескромное обаяние цифровизации // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 4. С. 43.

³ Юдина Т. Н., Тушканов И. М. Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства и политической экономии // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2017. № 1. С.197

⁴ Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 47.

технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации данных в различные сферы человеческой деятельности¹.

В узком смысле под цифровизацией экономики понимают «создание на разных уровнях экономики ... информационно-цифровых платформ и операторов, позволяющих решать различные хозяйственные задачи»². Такие отношения выстроены по модели «машина - машина» (человек не выступает в них в качестве самостоятельного актора).

Понятие цифровизации следует отграничивать от понятия информатизации.

Понятие информатизации как процесса, предшествующего цифровизации, закреплено в Федеральном законе от 27.07.2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»³.

Ключевым ресурсом общественного развития на этапе информатизации является информация. Об этом свидетельствует и позиция законодателя, согласно которой понятие информатизации тесно связано с понятием «информация» как сведений, которые могут быть переданы вне зависимости от формы представления (то есть в том числе и в цифровой форме). Иными словами, информатизация охватывает информационные процессы разных типов (в том числе аналоговых), а не только те, что касаются дискретной, оцифрованной информации⁴.

Информатизация в основном характеризовалась использованием вычислительной техники, компьютеров для решения отдельных хозяйственных задач. Цифровизация формирует новые технологические среды обитания (экосистемы, платформы), с тем чтобы решать целые группы задач⁵.

---

¹ Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4(112). С. 17.

² Там же.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. №31 (1 ч.). Ст. 3448.

⁴ Там же.

⁵ Мусабеков Д. Х. Сущность и практические проявления цифровизации экономики. URL: <https://reu.uz/publikacii-zhurnala/sushhnost-i-prakticheskie-projavenija-cifrovizacii-jekonomiki/> (дата обращения: 06.02.2024).

П. Д. Константинов в качестве существенного признака цифровизации справедливо отмечает ее влияние на все сферы общественной жизнедеятельности¹.

Некоторые исследователи в определении цифровизации вкладывают те положительные эффекты, которые несет в себе этот процесс. В частности, отмечается, что цифровизация как процесс, основанный на преобразовании информации в цифровую форму, ведет к улучшению качества жизни и повышению эффективности управленческой деятельности². В данном контексте следует поддержать тех авторов, которые рассматривают цифровизацию как следующий этап информатизации или же ее разновидность, и выразить свое несогласие с теми, кто рассматривает эти явления как тождественные.

Далее имеет смысл отграничить понятие «цифровизация» от смежного понятия «цифровая экономика». Как уже отмечалось, в доктрине нет однозначной интерпретации этих понятий. Ю. А. Тихомиров, Э. В. Талапина³, В. А. Вайпан⁴, М. Н. Семякин⁵ отмечают, что ключевую роль в данном экономическом укладе играют данные. Развернутое определение дает Н. Е. Савенко⁶. Согласно большинству исследовательских позиций, цифровая экономика есть система хозяйствования, основанная на данных.

---

¹ Константинов П. Д. Влияние информационных технологий на принципы гражданского процесса (сравнительно-правовое исследование на примере России и Франции): дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 43.

² Вертакова Ю. В. Цифровая трансформация экономической деятельности в условиях инновационного развития // Инновационное развитие общества, экономики, бизнеса в современных условиях: сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции, Курск, 20–21 апреля 2023 года. Курск, 2023. С. 12.

³ Тихомиров Ю. А., Талапина Э. В. Право как фактор экономического развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 4–26.

⁴ Вайпан В. А. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики. М.: Юстицинформ, 2019. 376 с

⁵ Семякин М. Н. Гражданско-правовой договор в сфере цифровой экономики: теоретический и практический аспекты исследования // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2020. № 1. С. 98–114

⁶ Савенко Н. Е. Legaltech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 151.

Между тем, очевидно, что современные технологии способствуют совершенствованию не только экономической сферы общества (в узком смысле), но и используются в других сферах – социальной, политической и пр.

Итак, цифровизация – это внедрение цифровых технологий во все сферы деятельности человека, повышающих эффективность деятельности и качество жизни. Для уяснения сущности данного явления целесообразно определиться с тем, что понимать под цифровыми технологиями.

Е. В. Холодная предлагает рассматривать цифровые технологии как «процессы и методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения данных в цифровой форме и способы осуществления таких процессов и методов»¹.

Подробное описание технологий было предложено К. Швабом². Перечень цифровых технологий предлагается и в нормативных документах Российской Федерации. В разделе IV Программы «Цифровая экономика Российской Федерации»³ к таковым относятся:

- большие данные;
- нейротехнологии и искусственный интеллект;
- системы распределенного реестра;
- квантовые технологии;
- новые производственные технологии;
- промышленный интернет;
- компоненты робототехники и сенсорики;
- технологии беспроводной связи;
- технологии виртуальной и дополненной реальностей.

---

¹ Холодная Е. В. О проблематике термина «цифровые технологии» как правовой дефиниции // Информационное право. 2022. № 2. С. 8.

² Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции / Клаус Шваб, Николас Дэвис. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

³ Распоряжение Правительства РФ №1632-р от 28 июля 2017 года «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – №32. –2017. – Ст.5138. (утратило силу).

В зависимости от влияния на сферу частной жизни можно следующим образом классифицировать технологии:

а) технологии, нейтрально влияющие на сферу частной жизни (в первом приближении, к таким относятся квантовые технологии, промышленный интернет и пр.),

б) технологии, использование которых способствует защите и охране частной жизни (например, технологии распределенного реестра (BlockChain) могут способствовать анонимному взаимодействию и надежно сохранять данные),

в) технологии, использование которых способствует укреплению межличностных связей (дружеских, семейных, любовных, приятельских и прочих неформальных) в рамках частной жизни (например, технология беспроводной связи, Интернета, связанные с ними инструменты видеоконференцсвязи, «мессенджеры» и пр.),

г) технологии, использование которых потенциально может вести к нарушению прав, обеспечивающих нормальное функционирование частной жизни (технологии Искусственного интеллекта, «Большие данные», «Интернет вещей» и другие).

Вместе с тем видится правильным исходить из методологического постулата о том, что цифровые технологии – лишь инструмент, средство деятельности, и их влияние на общественную жизнедеятельность прежде всего зависит от того, кто и в каких целях их использует¹. Следует учитывать также и особенности конкретной технологии: например, «нарушение права человека на приватность, ... при применении искусственного интеллекта может быть не всегда сопряжено с очевидно ненадлежащими действиями его оператора ..., оно может быть побочным эффектом при достижении важных целей, отвечающих в целом общественным

---

¹ Чердаков О. И. Правовое обеспечение законных прав и интересов российских граждан при использовании информационных и цифровых технологий в киберпространстве // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. № 4. С. 13.

интересам»¹. Следовательно, одна и та же технология может относиться к нескольким группам.

Подводя краткий итог характеристике сущности цифровизации, отметим, что в самом общем виде этот процесс можно интерпретировать как перевод общественных отношений в цифровой формат. При этом данный процесс обладает некоторыми признаками:

- распространение технологий коммуникации,
- перевод информации с физических носителей на цифровые,
- широкое использование цифровых технологий,
- влияние на все сферы общественной жизни.

Исходя из сущностных свойств и сторон цифровизации, можно обратить внимание на то, что она взаимодействует с правом по следующим направлениям.

Во-первых, право выступает инструментом и средством цифровизации общественных отношений, поскольку многие процессы цифровизации как публичной, так и частной сфер регламентированы правовыми актами. Ориентиры для формирования контура правового регулирования сферы технологий так называемой «четвертой промышленной революции» обозначены в нормативных правовых актах, большинство из которых носит программно-целевой характер. Прежде всего речь идет об Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»², поручении Президента Российской Федерации Пр-2132 от 10 октября 2017 г. «О реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации», а также программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от

---

¹ Морхат П. М. Искусственный интеллект и права человека: теоретико-правовое исследование // Право и образование. 2018. № 3. С. 37.

² Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. №20. 2018. Ст. 2817.

28.07.2017 №1632-р¹. Данные акты могут составлять «ядро» так называемого «виртуального права». В литературе уже анализируется указанный феномен².

Во-вторых, право выступает и инструментом, ограничивающим цифровизацию некоторых общественных отношений (в том числе в сфере частной жизни).

В-третьих, право становится объектом воздействия цифровизации³. При этом, по мнению представителей Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, меняется форма, содержание, механизм действия права. Цифровые технологии могут тормозить действие норм права, отстающих от социальной действительности.

В новых условиях формируется цифровая среда, которая, по мнению О. Л. Солдаткиной, характеризуется следующими свойствами:

- возможность копирования и распространения информации без потери точности;
- идемпотентность сложения информации, т.е. однажды полученное знание, не надо открывать дважды;
- нейтральность⁴.

В этой связи возможно выделить еще одно свойство правовой среды, а именно – транспарентность (иногда называемой «открытостью»). Как отмечают философы, глобальная транспарентность является одновременно и благом, и угрозой общественному развитию⁵.

---

¹ Распоряжение Правительства РФ №1632-р от 28 июля 2017 года «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. №32. 2017. Ст.5138. (утратило силу).

² Певцова Е. А. Виртуальное право как новая юридическая конструкция в теории права: идея будущего или реальная действительность? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 20–28.

³ Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. 2018. № 1(253). С. 85–102; Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9(261). С.5-16.

⁴ Солдаткина О. Л. Цифровое право: особенности цифровой среды и субъекты // Государство и право. 2019. № 12. С. 113.

⁵ Нистарова А. А. К вопросу об интеграции цифровых технологий в жизни общества: риски цифровизации и перехода к цифровому управлению // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. № 5(76). С. 75.

Указанные обстоятельства детерминируют двойственное влияние цифровизации на общественные отношения. Дуализм цифровой среды (с одной стороны – открытость, интерактивность, доступность; с другой – возможность несанкционированного доступа, утечки информации, перспективы манипуляции, широкое распространение недостоверной информации) обуславливает сложность и неоднозначность регулирования данных отношений, в том числе в сфере частной жизни.

Исследователи, практикующие юристы, политические и общественные деятели нередко высказываются о сложности цифровой среды, интенсивности ее формирования и экспансии, о дисбалансе между уровнями ее развития и состоянием правовой среды. Цифровые технологии, характеризуясь конвергентностью, сквозным характером, формируют новые вызовы и угрозы безопасности в ходе их использования. Принимая это во внимание, исследователи справедливо обращают внимание на риски, порожденные цифровизацией.

Первое, на что следует обратить внимание в данных условиях, — это на так называемое цифровое неравенство. Происходящая информационная революция уже существенно расширила доступ к информации благодаря технологическим и институциональным инновациям. Однако интенсивная цифровизация детерминирует развитие социальной несправедливости, обусловленной цифровым неравенством – разным доступом граждан, представляющих различные социальные группы, к технологиям. Уровень цифровой компетентности и возможности отдельных лиц или их групп, а значит, и способность получать, понимать информацию у разных категорий граждан различаются, что связано с несколькими факторами: технологическим, социальным, образовательным, экономическим и пр.

Помимо данного обстоятельства, негативные факторы проявляются и непосредственно в цифровом пространстве. К основным негативным факторам, порожденным цифровизацией, А. А. Карцхия относит следующие: клиповое мышление, новые риски и угрозы для человека, увеличение безработицы, а также формирование и распространение особой сферы преступлений –

киберпреступности¹. «Цифра» становится пространством для информационных войн, коррупционной и иной противоправной деятельности. Кратно возрастают риски технократического отношения к человеку, его правам, свободам, достоинству и безопасности. Цифровизация влияет на доступ людей к социальным благам, детерминирует возникновение такого явления, как «цифровая безработица»². Юридически значимы глобальные изменения в структуре преступности: сокращение преступлений против личности, рост мошенничества, киберпреступность и др.³

Дуализм влияния технологий на общество отражается и на сфере частной жизни. Данное обстоятельство детерминируется названными выше свойствами цифровой среды, которые расширяют охраняемую сферу. Например, защита распространяется не только на ту основную информацию, которая содержится в электронных сообщениях, но и на метаданные, поскольку при анализе и агрегировании такие данные, как отмечается в Докладе ООН, «могут дать представление о поведении, социальных отношениях, личных предпочтениях человека»⁴.

Представляется, что цифровизация комплексно влияет и на содержание, и на особенности реализации прав в сфере частной жизни. Цифровизация позволяет сохранять информацию, даже нежелательную для субъекта, навсегда. Известно, что запись, сделанная в цифровой среде, электронное письмо, текстовое сообщение, оставленная реакция к материалу в социальной сети являются цифровыми следами, которые сохраняются даже после удаления сообщения. Эти материалы, в свою очередь, могут быть использованы в качестве доказательств в судебных процессах, анализироваться работодателями, контрагентами и т.д.

---

¹ Карцхия А. А. Цифровизация в праве и правоприменении // Мониторинг правоприменения. 2018. №1 (26). С.37.

² Овчинников А. И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 259.

³ Гишинский, Я. И. Цифровой мир и право / Я. И. Гишинский // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4–1(62). С. 22–30.

⁴ The right to privacy in the digital age: report. 2018 // Office of the High Commissioner for Human Rights. URL: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/DigitalAge/Pages/ReportDigitalAge.aspx> (дата обращения: 20.11.2023).

В условиях цифровизации размываются границы между публичной и частной сферами, а понятие приватности, как таковое, исчезает. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин еще в 2021 году указывал, что «в окружении социальных медиа, камер наблюдения, электронных платежей» право на частную жизнь «становится в определенной мере иллюзорным»¹. На возможное «исчезновение личного пространства человека», обусловленное цифровизацией, обращено внимание и в докладе Уполномоченного по правам человека в РФ за 2021 год². В общественных науках в связи с этим исследуется феномен «парадокса приватности», заключающийся в том, что пользователи социальных сетей и иных интернет-ресурсов, декларируя значимость сохранения информации о себе, сами делают ее общедоступной (нередко в обмен на вознаграждение, повышение точности персонализации и пр.)³. Развитие технологий, в том числе «Интернета вещей», также ведет к тому, что пользователи делятся своими данными, не всегда осознавая это.

Кроме того, в настоящее время появляются и расширяют свое влияние новые субъекты, чья деятельность угрожает частной жизни, в то время как долгое время право на частную жизнь трактовалось, прежде всего, в ключе защиты от государственного вмешательства. Сейчас же на первый план в перечне акторов, угрожающих сфере частной жизни, выходят цифровые платформы. Можно согласиться с тем, что они обладают некоторыми элементами суверенитета (существует даже понятие «сетевой суверенитет», связанный с тем, что администратор обладает некоторыми своего рода властными полномочиями по отношению к пользователям («цифровым гражданам»). Более того, цифровые платформы характеризуются признаками, которых нет у публичной власти

---

¹ Зорькин В. Д. Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия // Российская газета. 27.10.2021. URL: <https://rg.ru/2021/10/27/konstitucionnyj-sud-na-rubezhe-chetvertogo-desiatiletiia.html> (дата обращения: 30.04.2023).

² Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека за 2021 год. URL: <https://rg.ru/2022/06/06/doklad-za-2021-god.html> (дата обращения: 30.04.2023).

³ Соловкин С. В. Значение парадокса приватности для законодательства о персональных данных в условиях становления общества наблюдения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. №4. С. 109–119.

(например, трансграничность, анонимность), что требует особого внимания в целях обеспечения надлежащих гарантий сферы частной жизни¹. Следовательно, остро встает вопрос о правовом регулировании деятельности цифровых платформ.

Современные технологии активно внедряются в юридическую деятельность как государственных, так и частных субъектов. Согласимся с тем, что «цифровые технологии должны быть направлены на обеспечение законности правотворческого, интерпретационного процессов, применения и систематизации права; недопущения злоупотреблений, защиту прав и интересов субъектов; создания гарантий реализации гражданами Российской Федерации своих конституционных прав; расширения практики внедрения гражданских инициатив и т.п.»².

Однако в настоящее время указанное влияние неоднородно. Цифровизация двойственно воздействует на сферу частной жизни человека, состояние правовой защищенности этой области. Позитивное влияние выражается в следующих аспектах:

- появляются новые технические способы защиты права на неприкосновенность частной жизни (например, биометрическая идентификация пользователей смартфонов),
- цифровизация расширяет возможности общения, позитивно влияя на дружеские и семейные отношения, которые охватываются понятием «частная жизнь»,
- цифровые технологии упрощают порядок обращения в государственные органы, в правозащитные организации, в том числе по вопросам защиты права на неприкосновенность частной жизни,

---

¹ См.: Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).

² Барзилова И. С. Основные направления совершенствования юридической техники с использованием цифровых технологий // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17. №2. С. 191.

- цифровые технологии позволяют гражданам работать, делать покупки, общаться из дома, что освобождает время для других дел, относящихся к сфере частной жизни,

- цифровые технологии способствуют развитию транспарентности (открытости) как органов власти, так и коммерческих организаций, что делает видимыми возможные случаи нарушения в частной сфере.

Негативное влияние проявляется в следующем:

- цифровые технологии обострили вопрос о защите информации о частной жизни, так как в цифровой среде информация о частной жизни распространяется масштабно и мгновенно,

- появляются новые электронные сервисы, агрегирующие информацию о гражданах и распространяющие ее,

- значительные потоки данных, касающиеся миллионов людей, собираются и обрабатываются различными устройствами, подключёнными к сети Интернет, некоторые из указанных сведений, в том числе относящиеся к частной жизни человека, используются без осознанного согласия самих индивидов.

- цифровизация отрицательно влияет на семейные отношения и традиционные семейные ценности, сокращая время «очного» общения детей и родителей, супругов, в некоторых случаях цифровые технологии могут замещать нормальные семейные отношения¹,

- персональная информация граждан, в том числе относящаяся к сфере частной жизни, может использоваться для манипулирования их поведением и выбором,

- персональные данные граждан, в том числе содержащие сведения о частной жизни, коммерциализируются и распространяются без их ведома.

Безусловно, данный перечень преимуществ и недостатков цифровизации не исчерпывающий.

---

¹ Якушев П. А. Проблемы использования систем искусственного интеллекта в семейных отношениях в контексте традиционных ценностей // Право интеллектуальной собственности. 2019. № 1. С. 33–37.

Гипотеза, выдвинутая в работе, о двойственном (амбивалентном) характере влияния цифровизации на права человека, в том числе обеспечивающие сферу частной жизни, подтвердилась и результатами конкретно-социологического исследования, проведенного в рамках подготовки настоящей диссертационной работы. Было опрошено 50 судей городских (районных) судов Владимирской области и Владимирского областного суда. На вопрос, как цифровизация влияет на сферу частной жизни (в том числе ее правовую защищенность), 50% респондентов ответили, что это влияние может быть как положительным, так и отрицательным; 30 % - скорее, отрицательным, 10% указали на исключительно отрицательное влияние; 10% - скорее, положительное.

Таким образом, цифровизация частной жизни – *процесс воздействия цифровых технологий на относительно самостоятельную, обеспечиваемую публичной властью, гражданским обществом, личностью сферу жизнедеятельности, позволяющий осуществлять автоматизированный контроль за поведением индивидов, обеспечивать цифровую идентификацию субъектов правоотношений, упрощать межличностное взаимодействие между ними. Этот процесс может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на сферу частной жизни.* Кроме того, цифровизация частной жизни может рассматриваться как *результат описанного процесса.*

В параграфе показан дуалистический характер влияния цифровизации на сферу частной жизни, перечислены позитивные и негативные направления воздействия цифровизации на состояние защищенности частной сферы.

С учетом этого можно говорить о том, что в настоящем параграфе осуществлена юридически значимая классификация современных технологий с точки зрения их влияния на сферу частной жизни.

Таким образом, следует поощрять разработку, внедрение и распространение тех технологий, которые способствуют защите, нормальному функционированию отношений в сфере частной жизни, обеспечивают ее защищенность, и ограничивать использование тех технологий, которые обладают рискогенным

потенциалом для данной сферы, способны нарушить ее автономность. В первом случае реализуется регулятивная функция права, во втором – охранительная.

1.3 Методологические основы исследования правового регулирования отношений, связанных с цифровизацией частной жизни

Успешность исследовательской работы во многом определяется выбранным учёным инструментарием – методологией, адаптированной для конкретного исследования, либо специально «под него» разработанной. Некорректно определённый метод впоследствии может повести автора «по ложному следу» и привести к неверным выводам. Ошибка, сделанная на первом этапе научного поиска (на стадии методологической инициации), может обернуться дефектными результатами в финале пути. В свете этого методологические основы исследовательской работы, в нашем случае – изучения правовых оснований частной жизни в условиях цифровизации – должны восприниматься не как неизменные постулаты, «застывшая догма», а как рабочий исследовательский инструментарий.

Следует согласиться с тем, что «новые явления социальной реальности порождают и новую методологию»¹. Современная юридическая наука имеет тенденцию к «методологическому плюрализму». Чтобы избежать разночтений в настоящем исследовании, посвятим данный параграф методологическим аспектам.

Для этого раскроем наиболее общие свойства методологии юридической науки вообще, затем охарактеризуем методологический инструментарий настоящего исследования.

Изучение вопросов правового регулирования частной жизни – сложный процесс, требующий от исследователя применения соответствующих средств, приемов и способов. Учитывая, что данный процесс основывается на общей

---

¹ Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА–М., 2022. С.26.

методологии юриспруденции, с известной долей условности можно отождествить методологию общей теории государства и права и методологию исследования цифровых отношений. В то же время последняя характеризуется наличием присущих исключительно ей методов, средств и приёмов, о чём пойдет речь в настоящем параграфе.

Методология – неоднозначно трактуемый феномен, понимание которого зависит от научной школы, к которой принадлежит автор, исследовательского опыта ученого. Наиболее распространенные трактовки методологии связаны с тем, что одни авторы относят к методологии систему методов, другие – учение о них¹.

Анализируя научные работы, можно констатировать наличие нескольких подходов к трактовке методологии исследования. Во-первых, под методологией может пониматься совокупность практик научного познания. Во-вторых, методология рассматривается как системное знание о методах. В-третьих, методология может интерпретироваться как система знаний, основные понятия, категории и философско-методологическая основа исследования. Кроме того, к методологии целесообразно относить также основные понятия и категории².

Исходя из цели наиболее глубокого погружения в тему исследования, широкий подход к пониманию методологии представляется продуктивным и перспективным. Перечисленные выше структурные элементы будут рассмотрены применительно к характеристике методологических оснований нашего исследования.

С учетом приведенных выше позиций, под методологией нашего исследования мы будем понимать организованную систему элементов (мировоззренческих оснований, принципов познания, собственно методов и т.д.), которые находятся в отношениях диалектической взаимосвязи и являются инструментами, используя которые мы предпримем попытку сформировать

---

¹ Методология // Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Методология> (дата обращения: 01.11.2022).

² Третьякова О. Д. Методология конвергенции права // Вестник Владимирского юридического института. 2009. №4 (13). С. 143.

объективные данные о теории, практике, технике правового регулирования отношений частной жизни в условиях цифровизации.

Принципы познания – значимый элемент методологии исследования данной деятельности. Принципы, согласно традиционному истолкованию представителей науки теории государства и права, представляют собой определяющие идеи, исходные начала, установки, лежащие в основе какой-либо деятельности (в том числе юридически значимой)¹. Понятие методологических принципов, в свою очередь, формируется как результат изучения методологии научной деятельности в рамках исследования «науки о науке»². Применительно к методологии исследования принцип можно понимать как основу самой методологии. Иными словами, принципы познания как составная часть методологии могут представлять собой общие положения, определяющие требования к проведению научного исследования; отражающие специфику предмета исследования положения, принимаемые и разделяемые исследователем.

Представляется, что система принципов исследования правового регулирования отношений частной жизни в условиях цифровизации состоит их трех уровней: общенаучного; теоретико-правового; специально-юридического.

К числу общенаучных принципов можно отнести следующие: познаваемость, объективность, целесообразность, верифицируемость, достоверность, проверяемость, последовательность, преемственность в развитии научного знания.

Группу теоретико-правовых принципов образуют следующие исходные идеи: социальный подход, конкретно-исторический подход, всестороннее изучение проблемы и некоторые другие.

Специально-юридические принципы предусматривают познаваемость правового регулирования отношений частной жизни в условиях цифровизации на

---

¹ См., например: Байтин М. И. Сущность права. М., 2005. С.148.

² Кодан С. В. Понятие методологических принципов юридического источниковедения и их место в формировании источниковой базы научного исследования // Юридическая техника. 2020. №14. С.25.

основе и с учётом законности, гуманизма, приоритета прав и свобод человека и гражданина и некоторые другие.

Кроме того, вслед за А. В. Погодиным, предложившим и обосновавшим методологические принципы познания содержания права, к числу специально-юридических мы будем относить такие принципы, как: принцип двойственной природы права, принцип единства формы и содержания права, принцип взаимосвязи правосознания субъекта и содержания права, принцип наличия дефектов в объективном праве и некоторые другие¹.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что составляющим элементом методологии являются имеющие фундаментальное для объекта и предмета исследования значение понятия и категории².

Цифровизация государства и права (переосмысление его принципов, изменение его назначения и характера управления им) дает повод употреблять новые термины, характеризующие эти «сдвиги»: «цифровое право», «цифровой правовой статус», искусственный интеллект, распределённый реестр и пр. Они все чаще звучат не только в СМИ, но и описываются в научной и учебной литературе. Таким образом, в качестве одной из особенностей изучаемой нами темы мы отметим активную рецепцию терминов из других областей научного знания, а также иноязычной литературы.

Так, в правоведении активно употребляется термин «цифровое право», который, однако, является полисемантическим. На многообразие значений указанного термина обращают внимание М. С. Ившин, А. А. Кирилловых. Они выделяют несколько дефиниций, раскрывающих суть данного понятия, раскрывая цифровое право как:

- нормативные массивы, регулирующие отношения по поводу оборота цифровых прав; применения цифровых технологий,
- субъективное право (или группу субъективных прав),

---

¹ См.: Погодин А. В. Принципы исследования содержания права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2010. №4. С.20.

² Баринов П. С. Категории юридической науки и практики: понятие, классификация и предназначение // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. №4. С.129.

– разновидность имущества¹.

Трактовки цифрового права как отрасли права, регулирующей отношения в области применения цифровых технологий, придерживается и П. Хлебников².

Итак, данный термин многозначен, что характерно и для других научных категорий в рассматриваемой области. В то же время, «забегая вперёд», отметим, что сами по себе понятия и категории не только могут выступать самостоятельным, относительно автономным элементом методологии, но и являются частью предмета исследования. В этом случае автор при работе с данными понятиями использует конкретные методы исследования (например, такие логические приёмы, как анализ, синтез и некоторые другие).

Важное значение для выстраивания методологического пространства нашего исследования имеют концептуальные научные взгляды на правовую сущность процессов цифровизации.

Важно отметить, что истоки исследований социальной обусловленности технологий (в том числе и цифровых) лежат в философской концепции, называемой «технологическим детерминизмом». Данная теория берет свое начало в конце XIX – начале XX столетия, ее возникновение связано с научным обсуждением успехов в развитии техники, внедрении этих достижений в массовое производство. С позиции технологического детерминизма, причинами изменений в обществе являются технологии, которые и рассматриваются как базовые условия, лежащие в основе модели социальной организации³. Иными словами, технология квалифицируется как первичный двигатель истории.

Следует отметить, что взгляды апологетов этой концепции неоднородны. Можно выделить два направления: радикальный и умеренный технологический

---

¹Ившин М. С., Кирилловых А. А. Цифровое право как направление в развитии правового режима информационного общества и цифровизации экономики //Юридический мир. 2021. С.30–34.

² Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни //Жилищное право.2017. № 9.С. 102.

³ Папулина О. А. Теория технологического детерминизма и современные медиа // Социально-гуманитарные знания. 2017. №8. С.303.

детерминизм¹. Первый вариант постулирует, что технологии развиваются независимо от социальных интересов, в то время как, согласно позиции сторонников умеренного варианта, технологии, хотя и оказывают влияние на общество, социум все-таки может их регулировать.

Анализируя эти подходы и оценивая их жизнеспособность и релевантность относительно предмета нашего исследования, констатируем, что действительно, технологические и социальные изменения взаимосвязаны. Технологические изменения создают новые вызовы и возможности для социальных институтов, но «ответ» на эти вызовы зависит от истории, культуры, сложившихся норм и правил².

Именно из этих методологических постулатов мы и будем исходить в рамках настоящего исследования. Цифровизация, будучи очередным этапом технологического развития, как неоднократно отмечалось выше, влияет на различные области жизни: политику, экономику, сферу культуры, госуправление. Разумеется, учитывая, что все они так или иначе регулируются правом, цифровизация затрагивает и юридическую сферу. Исходя из этого, а также учитывая предмет нашего исследования – правовые аспекты частной жизни в условиях становления цифрового общества – в обзорном порядке обратимся к рассмотрению правовой природы цифровизации, ее влияния на правопорядок.

Автор настоящего исследования исходит из того, что понятие цифровизации носит технический характер и является ввиду этого не юридической, а социально-экономической категорией, которая, однако, оказывает влияние и на право.

Под влиянием цифровизации в праве появляются новые элементы, как-то: отрасли, подотрасли, институты и нормы³. Э. В. Талапина отмечает, что на фоне цифровизации каждый элемент правовой системы («компонент права» в терминологии автора) подвергается изменениям, в том числе субъекты права,

---

¹ Hauer, T. Technological determinism and new media // International Journal of English Literature and Social Sciences. Vol. 2. No. 2. P.1-4.

²Nye J. Information technology and democratic governance. R. A. Goldwin (Ed.), Governance.com: Democracy in the information age, Brookings Institution Press. Washington, DC. 2002. P. 1–16.

³ Танимов О. В. Влияние цифровых технологий на появление новых структурных элементов системы права // Российская юстиция.2019. №7. С.2–5.

объекты права, правоотношения в целом¹. Исходя из этого следует одобрить предложение об отнесении цифровизации к приоритетам государственной правовой политики².

Г. А. Василевич обращает внимание на то, что цифровизация ведет к повышению эффективности правового регулирования, и делает акцент на возможности прогнозирования последствий принятия того или иного правотворческого решения³. С точки зрения Е. Е. Тонкова, не следует преувеличивать роль, которую играет цифровизация в процессах оптимизации правового регулирования. По мнению ученого, цифровизация – лишь один из инструментов оптимизации правового регулирования, который осуществляется при помощи цифровых технологий⁴.

Следует согласиться с И. В. Понкиным, А. И. Лаптевой в том, что цифровизация в праве – это далеко не только и не столько использование компьютерной техники и соответствующего программного обеспечения, это много более сложный и глубинный процесс, меняющий саму онтологию юридической деятельности и юридической профессии⁵.

В. С. Белых, М. Ю. Болобонова обращают внимание на следующие изменения в праве:

- появление новых дефиниций,
- усиление статической функции права,
- адаптация прав человека к реалиям цифровой эпохи,
- увеличение роли инструментов публичного регулирования.

---

¹ Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2(254). С. 6.

² Малько А. В., Солдаткина О. Л. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 17.

³ Василевич Г. А. Цифровизация права как средство повышения его эффективности / Г. А. Василевич // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 33.

⁴ Тонков Е. Е. Вызов времени или конъюнктурный фейк? (Несвоевременные мысли о цифровизации права) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Право». 2019. № 3. С. 113.

⁵ Понкин И. В., Лаптева А. И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: Учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2021. С. 6.

– перенастройка законодательства¹.

Все эти обстоятельства являются методологическими ориентирами, которые принимаются во внимание автором в процессе анализа.

Безусловно, главной «движущей силой» методологии являются конкретные методы исследования, которые используются для познания объектов и предметов исследования². Не случайно некоторые авторы отождествляют методологию с совокупностью методов (хотя данное понимание, как выше подчеркивалось, «упречно» и ограничено).

Систему методов исследования, в свою очередь, образуют взаимосвязанные, взаимодействующие, взаимозависимые и взаимообусловленные исследовательские средства, способы и приемы получения, анализа и интерпретации информации, которые используются учеными для достижения целей исследования.

Исследование вопросов цифровизации в праве осуществляется на основе всеобщих (философских) методов: диалектики, метафизики с учётом синергетики, поскольку именно синергетика позволяет, например, исследовать правовые явления в сфере систем искусственного интеллекта как самообучающихся и самоорганизующихся систем. Следует согласиться с В. В. Кожевниковым, утверждающим, что «философия как таковая обеспечивает базу, общую базу понимания общих принципов познания государства и права; это своего рода ключ к их познанию»³.

Основополагающая методологическая база диссертационного исследования – диалектика. Выбор данной философской основы определен, во-первых, тем, что нормативная правовая база исследуемой области динамично меняется (к примеру,

---

¹ Белых В. С., Болобонова М.О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права / В. С. Белых, М. О. Болобонова // Юрист. 2020. № 1. С.9.

² Головкин Р. Б., Новиков М. В., Колесникова Ю. П. Методологические и логические основания исследования интерполяции права // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. 2018. №3 (17). С. 23.

³ Кожевников В. В. К проблеме всеобщего философского метода познания государственно-правовых явлений // Омские научные чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 816.

в условиях развития ИКТ у государства и частных компаний появляются все более совершенные возможности осуществлять контроль над частной сферой граждан); во-вторых, рассматриваемые явления изучаются во взаимосвязи со смежными институтами (например, понятие «частная жизнь» рассматривается в сравнении с понятием «персональные данные»). С позиций диалектики приходится оценивать происходящие в правовой системе события, например, очевидные изменения в системе источников права. Как указывает Д. А. Пашенцев, на фоне цифровизации снижается регулятивная роль законов в пользу подзаконного регулирования ввиду динамичности общественных изменений, а также появляется новая форма (источник) права – электронный нормативный акт¹.

В работе, очевидно, также используется категориальный аппарат диалектики, в частности, такие категории, как: «сущность», «форма» и «содержание».

С учётом метафизики автор разрабатывал, корректировал понятийно-категориальный аппарат исследования. В частности, метафизика как всеобщий метод научного познания стала основой осмысления институтов, отличающихся относительной неизменностью (стабильностью), ключевых понятий, содержание которых сравнительно статично.

Кроме того, традиционные всеобщие методы, с учётом предмета исследования, дополняются относительно инновационной методологией – синергетикой. Дело в том, что исследование цифровизации частной жизни основывается не только на закономерных связях, но и на случайных явлениях. Их позволила учитывать именно синергетическая основа методологии научного исследования.

Исследование этой темы невозможно без формально-юридического анализа нормативных актов, регулирующих отдельные формы и способы участия граждан в управлении делами государства. С целью их толкования использовался широкий спектр методов интерпретации правовых актов, разработанных юридической

---

¹ Пашенцев Д. А. Основные направления влияния современных цифровых технологий на развитие права // Право и образование. 2019. № 7. С. 6.

наукой и апробированных практикой (языковой способ, историко-политический, телеологический и некоторые другие).

С учетом новизны отношений, правовое регулирование которых исследуется в настоящей работе, представляется необходимым обратиться к методу правового прогнозирования. Он позволяет определить основные векторы юридической регламентации «цифровой» сферы, в том числе такие ее составляющие, как охрана и защита частной жизни.

Нельзя не указать на то, что в процессе научного осмысления проблем отраслевого законодательства в установленной области применялись и такие методы исследования, как анализ, синтез, функциональный, системный и комплексный подходы. Применение последнего из указанных подходов видится наиболее продуктивным, так как именно системный взгляд на процессы развития нормативной базы в области цифровизации позволяет достичь целей правового регулирования.

Иными словами, наряду с мировоззренческими основами, понятийно-категориальным аппаратом исследования и принципами познания, в работе применяется сочетание исторического и сравнительно-правового подходов, общенаучных и частно-научных (включая специально-юридические) методов познания.

Полагаем, что сочетание классических и специальных (инновационных) методов исследования позволяет сформировать целостное представление о предмете нашего исследования.

Таким образом, в результате краткого описания методологических основ изучения цифровизации частной жизни и отражения данного процесса в праве можно сделать следующие выводы.

Во-первых, методология юридического исследования – сложное, неоднозначно толкуемое понятие. Согласно узкому подходу, методология есть совокупность (система) методов, методик исследования. В соответствии с пониманием, условно обозначенным нами как «медиальное», методология представляет собой не только комплекс приёмов, способов, методов, методик, но и

учение (системное знание) о них. Широкий подход, в свою очередь, предполагает включение в методологический инструментарий следующих элементов: принципы, основные понятия и категории, философско-мировоззренческая основа и некоторые другие.

Во-вторых, в настоящем параграфе автором обоснована необходимость придерживаться широкого подхода к трактовке методологии. В этом случае основными компонентами методологии являются не только собственно методы, но и мировоззренческие установки, принципы, основные понятия и категории.

В-третьих, современное правоведение представляет нам разнообразный набор методов, которые перспективно использовать в целях нашего исследования, в том числе для выявления сущности цифровизации частной жизни, ее последствий, перспектив правового регулирования. Это относится, в частности, к таким методам, как: анализ (позволил изучить отдельные стороны и свойства института частной жизни), синтез (позволил сформулировать авторские дефиниции), дедукция (позволил на основе общих свойств механизма правового регулирования выявить существенные стороны его функционирования в цифровом пространстве), индукция (позволил на частных примерах сделать заключения о взаимодействии элементов в механизме правового регулирования), функциональный метод (с его помощью описана роль цифровых технологий и их функции в контексте обеспеченности сферы частной жизни), формально-юридический, сравнительно-правовой и некоторые другие.

Глава 2 МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

2.1 Общая характеристика механизма правового регулирования отношений в цифровой среде

Право – средство и инструмент, который вкупе с другими социальными и несоциальными, нормативными и ненормативными регуляторами позволяет упорядочить общественные отношения, в том числе протекающие в цифровой среде. Достижение действенности, эффективности, успешности процесса правового регулирования невозможно без его инструментария, описываемого термином «механизм». Актуальность изучения понятия «механизм правового регулирования» в целом связана с тем, что именно он выступает как специфический «канал», по которому запрограммированная законодателем модель поведения доводится до адресатов и воплощается в конкретных действиях участников правоотношений, их поведении.

Категория «механизм правового регулирования» представляет особый интерес в контексте исследования отношений в цифровой среде. Описание механизма правового регулирования позволяет исследовать сущность права в новом для нашей жизни – «цифровом» – измерении. Категория «механизм правового регулирования» обобщает различные правовые феномены и явления в их взаимосвязи и взаимодействии, в том числе в сфере защиты и охраны частной жизни.

О системообразующей роли категории «механизм правового регулирования» писали и «классики» отечественной теоретико-правовой науки. А.М. Васильев справедливо квалифицировал концепт «механизм правового регулирования» как

---

¹ При написании данной главы использовалась ранее опубликованная работа диссертанта: Авдеев Д. А. Цифровая этика, этикет и право: особенности взаимодействия (на примере регламентации частной жизни) // Вестник Академии права и управления. 2024. №1. С. 6–9.

фундаментальную категорию, объединяющую другие понятия, связанные с функционированием права¹. Как справедливо отмечает Н. Н. Тарасов, понятие «механизм» позволяет «фиксировать трудности и формулировать проблемы правового регулирования в современном обществе, развивать теорию правового регулирования»².

Обратимся к характеристике данной категории. Термин «механизм» широко применяется в юридической доктрине, о чем свидетельствует разработанное обобщенное понятие «юридический механизм». «Юридический механизм, - по мнению Н. А. Рябининой, - представляет собой совокупность взаимосвязанных юридических средств, посредством взаимодействия которых происходит достижение определенного правового результата»³.

Даже не проводя глубокого исследования этой темы, можно вспомнить, что в юриспруденции описаны такие феномены, как «механизм государства»⁴, «механизм нормотворчества», «механизм правореализации»⁵, «механизм отраслевого регулирования» (гражданско-правового⁶, уголовно-правового⁷, семейно-правового, экологического⁸), «механизм действия права», «механизм правового воздействия», «механизм конвергенции права»⁹, «механизм

---

¹ Васильев А. М. Категории теории права: к разработке понятийной системы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975. С. 33.

² Тарасов Н. Н. Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский юридический журнал. 2020. № 5(134). С. 90.

³ Рябинин Н. А. Особенности механизма защиты субъективных гражданских прав // Современное право. 2018. № 3. С. 24–30.

⁴ Хесин Б. Л. Механизм современного российского государства: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Нижний Новгород, 2001. 200 с.

⁵ Максимов Г.Б. Сущность механизма реализации права // Право и практика. 2015. №1. С. 10–15.

⁶ Демин А. А. Механизм гражданско-правового регулирования: нормативные общности и юридические конструкции // Вестник ННГУ. 2020. №5. С. 26–29.

⁷ Васильченко А. А. К вопросу о понятии, теоретическом значении и структуре механизма уголовно-правового регулирования // Труды Академии управления МВД России. 2017. №3 (43). С.46-50.

⁸ Бринчук М. М. Эколого-правовой механизм: понятие и сущность // Астраханский вестник экологического образования. 2014. №2 (28). С. 5–16.

⁹ Теория юридического взаимодействия: конвергенция и дивергенция в праве: курс лекций / О. Д. Третьякова [и др.]; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. – 320 с.

юрисдикции»¹ и другое. Данный перечень нельзя считать исчерпывающим. Тем не менее центральной категорией в этом ряду «механизмов» является, конечно, «механизм правового регулирования».

Термин «механизм правового регулирования» в отечественную доктрину ввел теоретик Н. Г. Александров в 1961 году², в то же время нередко изучение этой категории связывают с именем С. С. Алексеева, который существенно прирастил теорию механизма правового регулирования. Профессор С. С. Алексеев под механизмом правового регулирования понимал «взятую в единстве совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения»³. В целом, данную интерпретацию разделяют А. В. Малько⁴, В. Б. Исаков⁵, В. С. Прохоров⁶, О. М. Родионова⁷, П. А. Якушев⁸, М. И. Абдулаев⁹, В. Н. Хропанюк¹⁰ и другие. Как видно, данная трактовка нашла отражение и реализацию не только в рамках теоретико-правовых исследований, но и в работах по отраслевым юридическим наукам (уголовному, гражданскому, семейному праву, процессуальным отраслям).

В правовой доктрине в целом сложилось консенсуальное определение механизма правового регулирования как организованной совокупности правовых

---

¹ Мальшкин А. В. Интегрированная юрисдикция: теория и практика / А. В. Мальшкин. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2023. 360 с.

² Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. С. 87

³ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 61.

⁴ Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2001. С. 725

⁵ Исаков В. Б. Механизм правового регулирования // Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1987. С. 266

⁶ Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев. Красноярск, 1989. С. 4.

⁷ Родионова О.М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2017. С. 11.

⁸ Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Якушев Павел Алексеевич, 2021. 527 с.

⁹ Абдулаев М. И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М.: Финансовый контроль, 2004. С. 262.

¹⁰ Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 1995. С. 341.

средств (средств правового регулирования), при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения.

В то же время некоторые авторы ставят под сомнение целесообразность и правомерность выделения и, соответственно, исследования данной теоретико-правовой категории. Например, К. Х. Ибрагимов настаивает, что термин «механизм правового регулирования» «изобретен» ошибочно¹.

В качестве одного из доказательств своей позиции автор приводит тезис о том, что задачи, связанные с правовым регулированием общественных отношений, успешно решались советским государством и до разработки этой категории. Другой аргумент исследователя – «расплывчатость» категории «правовое средство», которое и составляет ядро понятия «механизм правового регулирования». По мнению К. Х. Ибрагимова, это достаточное основание для того, чтобы поставить вопрос о целесообразности использования термина «механизм правового регулирования».

К. Х. Ибрагимов не единственный ученый, высказывающийся против использования этой категории. Его позицию приведен в иллюстративном порядке как пример доводов этого «крыла» исследователей, которые ставят под сомнение «нужность» категории «правовое средство»². Такой подход видится ошибочным.

Представляется, что выделение этой категории позволяет посмотреть на право «в динамике». Так, В. В. Лазарев отмечал функциональную автономность данной категории, указывая, что назначение механизма правового регулирования – в раскрытии процесса трансформации предписаний права в правомерное поведение субъекта³. Кроме того, механизм правового регулирования призван обеспечить практическую реализацию поставленных законодателем целей, гарантировать достижение запланированного в праве результата⁴.

---

¹ Ибрагимов, К. Х. Механизм правового регулирования: возможно ли его применение (на примере экологического и земельного права)? // Власть Закона. 2021. № 4(48). С. 43–64.

² Мильков А. В. К определению понятия «правовые средства» // Бизнес в законе. 2009. №1. С. 115.

³ Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. М., 2004. С. 131.

⁴ Гюльвердиев Р. Б. Механизм юридической конвергенции в сфере внешнеэкономической деятельности: понятие и основные элементы // НПЖ «Диалог». 2016. №3 (4). С. 68.

Иными словами, и в академических, и в прикладных целях правового регулирования, в том числе цифрового пространства, необходимо понятие, синтезирующее разрозненные средства, приводящее их в систему и позволяющее праву действовать. Этим понятием и стало понятие механизма правового регулирования.

Резюмируя вышесказанное, следует выделить причины, которые определяют необходимость изучения категории «механизм правового регулирования»:

- категория «механизм правового регулирования» носит прикладной характер, представляет собой воплощение норм объективного права вовне;
- данная категория объективирует те факторы, посредством которых происходит государственное воздействие на социум.

Для более точной интерпретации категории «механизм правового регулирования» важно отграничить ее от смежных: «механизм действия права», «механизм правового воздействия».

Иногда в научной литературе, чаще всего в отраслевой, данные термины используются как обозначающие одно и то же понятие, то есть синонимичные. Тем не менее этот подход, по мнению соискателя, не является продуктивным, в том числе при рассмотрении данных явлений в контексте их функционирования на фоне развития современных технологий.

Чтобы разграничить понятия «механизм действия права», «механизм правового регулирования» и «механизм правового воздействия», важно понимать специфику явлений, именуемых, соответственно, действием права, правовым регулированием и правовым воздействием.

С учетом того, что данный вопрос достаточно обстоятельно исследован в литературе и не является собственно предметом нашего внимания, подробно обсуждать его не будем, отметим лишь следующие концептуальные положения. Правовое регулирование есть процесс упорядочивания общественных отношений специально-юридическими средствами, тогда как действие права обусловливается не только правовыми нормативными и индивидуальными средствами, но и иными

факторами (поведенческими, биологическими, социотехническими и прочими), о чем писал М. И. Байтин¹.

Известный российский правовед, классик отечественной теории государства и права С. С. Алексеев так решал вопрос о соотношении правового воздействия и правового регулирования. Правовое воздействие имеет идеологическую основу и реализуется по двум каналам: информационному и ценностно-ориентационному², правовое регулирование является одним из составляющих элементов (каналов) правового воздействия.

Несмотря на многообразие терминов, описывающих функционирование права в социальной среде (действие права, правовое регулирование, правовое воздействие и прочие), в работе намеренно в качестве предмета анализа выбрана категория «механизм правового регулирования», дальше будет описаны особенности его реализации в цифровой среде. Данный исследовательский акцент связан с тем, что проанализировать и оценить действие права имеющимся инструментарием в нашей предметной области практически невозможно. Действие права и его эффективность следует рассматривать сквозь призму социологических, социально-политических, исторических знаний и методов, а изучить механизм правового регулирования возможно имеющимся у нас инструментарием, что и будет нами сделано далее.

Тем не менее на категорию «механизм правового регулирования» соискатель «смотрит» широко. Принимая за основу интегративную концепцию правопонимания, автор исходит из того, что механизм правового регулирования синтезирует юридические и неюридические элементы, использование которых способствует достижению правового результата.

Обращаясь к характеристике содержания механизма правового регулирования, стоит отметить, что в теоретико-правовых исследованиях прослеживается несколько подходов к разрешению этой проблемы. Согласно первому, отражающему позитивистский подход к пониманию права, первичными

---

¹ Байтин М. И. Сущность права / Байтин М. И. Москва, 2005. 114 с.

² Алексеев С. С. Общая теория права: курс в 2-х т. Т. 1. М., 1981. С. 289–292.

звеньями, элементами механизма правового регулирования являются сугубо юридические средства. В соответствии с другой точкой зрения, в процессе правового регулирования задействованы и неюридические элементы (иные социальные регуляторы, факторы объективной действительности, природные явления), которые также отражаются в механизме правового регулирования. Нам ближе именно эта позиция как такая, которая отражает действительное состояние системы социального регулирования.

Таким образом, будет некорректно говорить о том, что механизм правового регулирования ограничивается исключительно законодательными средствами (иными словами, не стоит смешивать понятия «механизм правового регулирования» и «механизм юридического регулирования»)¹.

Защищая свою позицию от потенциальных критиков, можем привести следующие доводы.

Во-первых, важную роль, нередко определяющую, в механизме правового регулирования играет правосознание. Так, некоторые авторы, например, называют его «сквозным», другие – просто отмечают его ведущую роль². Это объясняется, в частности, тем, что при принятии правоприменительного решения, совершении юридически значимого действия правоприменитель и иной субъект права действует основываясь, скорее, на представлении о системе права (иными словами, на правосознании), нежели опирается на действительные нормы закона, а, как известно, правосознание отражает не только (а порою, и не столько) юридические нормы, сколько предписания, относимые к другим социальным регуляторам поведения.

Во-вторых, развитие цифровых технологий с теми интенсивностью и динамизмом, с которыми они меняют социальную действительность, обусловило

---

¹ В данном контексте термины «правовой» и «юридический» не являются синонимами: юридический механизм связан с функционированием объективного позитивного права, выраженного главным образом в законодательстве, а правовой механизм предусматривает, что в регулировании участвуют и другие факторы (моральные, религиозные, этические нормы, ценностные установки), в том числе санкционированные нормами законодательства.

² Рыбаков В. А. Регулирующая роль правосознания // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2011. №3. С. 6–12.

возрастание роли двух других регуляторов, в широком смысле относимых к нормам морали, разного рода «кодексов этики», конвенций и т.д.

Чтобы избежать терминологической путаницы и предупредить критические замечания в адрес автора настоящего исследования, первичное звено «механизма правового регулирования», вслед за Н. В. Васильевой, будет именоваться «средством правового регулирования» (а не «правовым средством»)¹.

Таким образом, к средствам правового регулирования можно отнести все те элементы правовой системы, которые способствуют достижению целей правового регулирования.

Классификационная модель средств правового регулирования предполагает их деление на юридические (нормы права, правоотношения, акты реализации и применения права) и неюридические средства.

Итак, механизм правового регулирования в цифровой среде есть организованная совокупность юридических и неюридических средств правового регулирования, обеспечивающих воздействие на общественные отношения в цифровом пространстве.

Развитие цифровых технологий обуславливает определенные изменения в механизме правового регулирования.

Об этом можно судить, анализируя нормативные источники. К примеру, в рамках реализации мер по цифровизации экономики Правительством РФ была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Она включает дорожную карту, во исполнение которой были поставлены достаточно амбициозные задачи: к 2020 году должен быть создан «механизм регулирования вновь возникающих отношений»².

Достижима ли данная задача? Скорее всего, авторы документа имели в виду, что к назначенному сроку должна быть сформирована достаточная и необходимая

---

¹ Васильева Н. В. Юридические и неюридические средства в системе правового регулирования: автореф... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2014. 23 с.

² Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 №1632 – р // Собрание законодательства Российской Федерации. №32. 2017. Ст.5138 (утратил силу).

нормативная база, регулирующая общественные отношения указанной сферы. Однако формулировка «сформирован механизм регулирования» с теоретико-правовых позиций, как было обосновано выше, подразумевает не только нормативные правовые акты, но и сложившиеся правоотношения, акты реализации права (как минимум). Вряд ли, провозглашая эту задачу в правовом акте, органы власти смогут ее достигнуть. Представляется, что подобная цель в принципе не должна ставиться в правовом акте, по крайней мере, в такой формулировке, поскольку ее достижение зависит не только от действий органов государственной власти, к которым обращен правовой акт, но и от иных факторов. Кроме того, степень реализации поставленной цели практически невозможно оценить, ее нельзя признать достигнутой. Это и объясняет необходимость всестороннего изучения и последующего корректного использования понятийно-категориального аппарата теории государства и права.

Автором диссертации были подготовлены и опубликованы в открытой печати работы, в которых исследуется правовая природа различного рода цифровых технологий и их влияние на различные элементы механизма правового регулирования, стадии этого процесса¹.

Суммируя выводы, полученные в ходе предыдущих исследований, а также при подготовке настоящего диссертационного исследования, автор выделяет особенности механизма правового регулирования в цифровой среде.

Во-первых, в связи с новизной общественных отношений меняется сложившаяся взаимосвязь между юридическими средствами правового регулирования, образующими его механизм.

---

¹ См., например: Авдеев Д. А. Трансформация правового статуса личности в контексте амбивалентности цифровых технологий // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. № 2. С.34-36.; Авдеев Д. А. Современные технологии как средство вовлечения граждан в нормотворческую деятельность / И. В. Погодина, Д. А. Авдеев // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 6–8.; Авдеев Д. А. Правовые риски использования искусственного интеллекта в управлении персоналом / И. В. Погодина, Д. А. Авдеев // Вопросы трудового права. – 2021. – № 9. – С. 652–657; Петрин, И. В. Открытость информации в деятельности государственных органов / И. В. Петрин, Д. А. Авдеев // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 1.С. 23–27.

Традиционно к юридическим средствам относят правовые нормы, правоотношения и акты применения права¹. При этом между этими элементами можно наблюдать следующую взаимосвязь: нормы права, содержащиеся в нормативных правовых актах, воздействуют на общественные отношения и приводят их к «идеальному» состоянию, запрограммированному правовой нормой.

Данный алгоритм достаточно корректно отражал порядок регулирования отношений в так называемую «доцифровую» эпоху. Что видно в настоящее время? Нередко нормы права не задают вектор развития цифровых отношений, а нередко, в лучшем случае, фиксируют сложившийся порядок вещей. Это связано прежде всего с интенсивным развитием технологий.

Во-вторых, в том случае, если не учтены технические нормы, требования и особенности работы технологий, снижается регулятивный потенциал механизма правового регулирования. В современных условиях законодатель фактически выбирает между двумя вариантами: либо вовсе ограничить какую-либо технологию, либо интегрироваться в технико-юридические механизмы регуляции цифровых отношений. Как показывают примеры последних лет, исключительно запретительный подход, не учитывающий уровень развития науки и техники и возможности технологий, малопродуктивен.

В-третьих, большая роль отводится такому виду регулирования, как саморегулирование. Сочетание саморегулирования и государственно-правового регулирования обусловлено историческими предпосылками развития такого феномена, как Интернет. Изначально пользователи сети оценивали действия других пользователей самостоятельно, разрабатывая внутренние правила (правила отдельных сайтов, форумов, пользовательские соглашения и т.д.). Массив правил носил неструктурированный, несистематизированный характер². С развитием технологий, увеличением роли, которую Интернет, в частности, и цифровые

---

¹ См., например: Шабалин А. В. Методологические вопросы правоведения. Саратов, 1972. С. 138.

² Наумов В. Б. Организационно-правовые аспекты саморегулирования в российском сегменте сети Интернет: пределы и возможности // Ассоциация документальной электросвязи. 2003. №110. С. 22–25.

технологии, в целом, стали влиять на общественную жизнь, появились рациональные основания для государственного вмешательства.

В настоящее время «саморегулирование» и «государственно-правовое регулирование», по мнению А. В. Минбалеева, могут сочетаться следующим образом:

1) «модель, основанная исключительно на механизме правового регулирования,

2) модель, основанная на преимущественном использовании механизма правового регулирования, допускающая использование механизмов иных регуляторов,

3) модель, основанная на делегировании государством части своих функций по регулированию цифровых технологий профессиональным сообществам в этой сфере»¹.

В-четвертых, механизм правового регулирования отношений в цифровой среде носит комплексный характер, включает нормы разных отраслей права: конституционного, гражданского, уголовного, семейного, трудового, административного и других. В некоторых странах нормы, регулирующие отношения с «цифровым элементом», систематизированы в отдельный нормативный правовой акт, в других – нет. В зависимости от этого параметра можно выделить две группы государств.

Первая группа, которую можно назвать «Государства, в которых нормативный массив, регламентирующий отношения, связанные с цифровыми технологиями, систематизирован».

В Италии в 2005 году был принят Кодекс цифрового администрирования (E-Government Code)². Основной акцент законодатель сделал на положениях о

---

¹ Минбалеев А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12(64). С. 34.

² Digital Public Administration factsheet 2020. URL: https://joinup.ec.europa.eu/sites/default/files/inline-files/Digital_Public_Administration_Factsheets_Italy_vFINAL.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

регулировании взаимодействия органов госвласти с населением и бизнес-сообществом, протекающим в цифровой среде.

В ряде стран СНГ на момент подготовки диссертационного исследования продолжалась разработка комплексных правовых актов, объединяющих нормы цифрового права. О подготовке таких актов заявляется в Киргизской Республике¹, Азербайджанской Республике², Республике Казахстан³.

В любом случае, цель принятия кодифицированных нормативных правовых актов – упорядочить нормативный массив и унифицировать нормы, регламентирующие деятельность субъектов права в цифровой среде.

Вторая группа – под названием «Государства, в которых каждый институт цифрового права регулируется отдельным законом или иным нормативным правовым актом».

Так, в Европейском Союзе (далее – ЕС) цифровая стратегия содержит несколько документов. В КНР тоже приняты специальные законы для регулирования отдельных «цифровых» отношений⁴.

В Российской Федерации законодатель ставит и реализует цели по нормативному урегулированию сферы цифровых технологий. Российское государство пошло по второму пути, хотя в литературе и общественно-политической и даже юридической практике можно встретить предложения принять единый кодифицированный нормативный правовой акт⁵.

---

¹ Проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики. URL: <https://code.digital.gov.kg/ru/> (дата обращения: 03.11.2023).

² В Азербайджане начинается разработка проекта цифрового кодекса. Trend. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/society/3831107.html> (дата обращения: 03.11.2023).

³ Цифровой кодекс появится в Казахстане // Zakon. URL: <https://www.zakon.kz/pravo/6414988-tsifrovoy-kodeks-poyavitsya-v-kazakhstan.html> (дата обращения: 03.11.2023).

⁴ См. подробнее: Концепция Федерального закона «Цифровой кодекс Российской Федерации». URL: <https://a-mor.ru/wp-content/uploads/2023/12/1090-Исх.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

⁵ Эксперты поддержали идею разработать Цифровой кодекс. Что это такое и зачем он нужен? // Сайт Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». URL: <https://alrf.ru/news/eksperty-podderzhali-ideyu-razrabotat-tsifrovoy-kodeks-chto-eto-takoe-i-zachem-on-nuzhen/> (дата обращения: 12.12.2023).

В настоящей работе этот подход не поддерживается. Принятие «цифрового кодекса» не создаст, а напротив – нарушит имеющуюся системность и известную «стройность» отечественного законодательства, регламентирующего отношения в цифровой сфере. В настоящее время едва ли получится исключить использование иных источников, регулирующих те или иные «цифровые» стороны нашей жизни (речь идет об Уголовном кодексе РФ, Гражданском кодексе РФ, Трудовом кодексе РФ и иных). Вместо принятия общего законодательного акта требуется своего рода «цифровая прививка» всем отраслям нашего законодательства – так мы образно называем включение в тексты нормативных правовых актов отдельных норм и институтов, которые и направлены на упорядочивание отношений вокруг внедрения, применения, использования современных технологий.

Следующая, пятая тенденция, – усиление значения норм так называемого «мягкого права», концепт которого берет истоки в международном праве, где он означает нормы международного права, не обеспеченные юридическим принуждением. Так, А. В. Демин под нормами «мягкого права» понимает «совокупность формализованных общих положений (норм, принципов, критериев, стандартов), которые не имеют юридически обязательного характера, не обеспечены официальными санкциями и соблюдаются добровольно в силу авторитетности их создателей, заинтересованности адресатов и целенаправленного социального «давления», которое оказывает на потенциальных (и фактических) нарушителей соответствующее сообщество»¹.

Принимая эту позицию за основу, И. А. Усенков к актам внутреннего «мягкого права» относит: официальные разъяснения, акты рекомендательного характера, документы планирования².

---

¹ Демин А. В. «Мягкое право» и «жесткое право»: общие признаки и критерии разграничения // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы XII Международной научно-практической конференции: в 4-х томах, Тольятти, 16–17 апреля 2015 года / Волжский университет имени В.Н. Татищева. Том 2. Тольятти, 2015. С. 98.

² Усенков И. А. Национальное мягкое право как правовой феномен и инструмент повышения стабильности законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т 15. №1. С. 28–58.

Некоторые исследователи выступают против именования такого явления «правом», поскольку в нем отсутствует или практически нивелируется такой признак, присущий праву, как обеспеченность силой государственного принуждения¹. Однако нельзя не замечать, что данный феномен существует и его отрицание в доктрине малопродуктивно. Наоборот, в теории государства и права должен ставиться вопрос о сбалансированном и эффективном применении норм мягкого права, его месте в механизме правового регулирования и другие вопросы.

Применение норм «мягкого права» в механизме правового регулирования цифровых отношений обусловлено их спецификой. Сложившаяся практика показывает, что нормы «мягкого права» преобладают в регулятивном механизме в тех случаях, когда применение норм «традиционного» права осложнено или невозможно. Нормы «мягкого права» выступают иногда «предшественниками» правовых норм, обеспеченных силой государственного принуждения». Так было, например, в период активного распространения новой коронавирусной инфекции, когда государство и общество «искали» пути противодействия инфекции. Актуально их использование и в современных условиях интенсивного развития цифровых технологий. «Дерегулирование, сорегулирование, новые виртуально-информационные средства закрепления и опосредования процессов и связей ставят под вопрос возможности формального, твердо-правового механизма регулирования»², усиливая влияние норм, относимых к феномену «мягкого права». Отметим, что в контексте интернет-пространства термин «сорегулирование» означает «сочетание средств и методов регулятивно-охранительной деятельности»³.

Таким образом, механизм правового регулирования отношений в цифровой среде, рассматриваемый нами как совокупность средств правового регулирования,

---

¹ Демин А. В., Гройсман С. Е. Фактор принуждения в контексте «мягкого права» // *Lex russica*. 2019. № 4. С. 58.

² *Право цифровой среды: Монография / Под редакцией Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой*. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2022. С.73.

³ Ромашов Р. А., Панченко В. Ю. О соотношении материального и виртуального в современной правовой реальности // *Юридическая наука*. 2017. № 1. С. 32.

воздействующих на общественные отношения, полностью или частично существующие в цифровой среде, характеризуется следующими особенностями:

- регуляторный механизм сочетает технические и социальные (юридические и неюридические, например, нормы «цифровой этики») средства,
- юридические средства, включаемые в механизм правового регулирования цифровой среды, имеют межотраслевой характер,
- возрастает значение инструментов «мягкого права», в том числе за счет использования механизмов саморегулирования,
- юридические нормы не всегда реализуют прогностическую функцию моделирования желаемых общественных отношений, а выступают в качестве средств фиксации «стаус-кво» или правил, выработанных участниками цифровых отношений самостоятельно.

В качестве основных задач, решаемых государством и негосударственными субъектами при реализации механизма правового регулирования цифровой среды, следует отметить:

- защита персональных данных и частной жизни,
- противодействие киберпреступности и иным нарушениям норм объективного права в цифровой среде,
- создание условий для развития систем цифрового правительства, электронной коммерции,
- обеспечение недискриминационного доступа к цифровым технологиям.

2.2 Интегративная сущность механизма правового регулирования частной жизни в условиях цифровизации

В предыдущем параграфе описана сущность механизма правового регулирования социальных отношений в условиях цифровизации. В настоящем параграфе мы сфокусируемся на анализе функционирования данного механизма в области регулирования частной жизни.

С учетом выводов, сделанных в предыдущем параграфе, можно предложить следующее определение механизма правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации – *система взаимосвязанных и взаимодействующих средств, воздействующих на сферу частной жизни в целях обеспечения ее нормального функционирования (в том числе защиты и охраны) в условиях цифровизации общественных отношений.*

Исходя из инструментального подхода¹ к понятию «механизм правового регулирования», следует рассмотреть его по модели «цель – средства – результат».

Цель, обозначенная в сформулированном определении, является, скорее, «стратегической»: обеспечение беспрепятственной реализации (в том числе защита и охрана) сферы частной жизни в условиях цифровизации общественных отношений.

Существуют и «тактические» цели (задачи), которые должны решаться в процессе правового регулирования:

- охрана частной жизни,
- защита сферы частной жизни,
- стимулирование создания, совершенствования и внедрения технологий, направленных на обеспечение нормального функционирования частной жизни,
- недопущение нарушения оборота информации о частной жизни цифровыми средствами, соблюдение ее тайны в условиях цифровых угроз,
- создание условий для межличностного общения путем современных средств коммуникации,
- защита лица от негативной информации и иных социально-мировоззренческих угроз.

Средства правового регулирования, входящие в указанный механизм, можно условно разделить по разным основаниям классификации. В зависимости от способа обеспечения и степени обязательности они делятся на две группы:

---

¹ Пугинский Б. И. Инструментальная теория правового регулирования // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011. №3. С.22-31.

юридические и неюридические. В зависимости от степени общности средства правового регулирования можно разделить на нормативные и ненормативные.

К юридическим средствам правового регулирования данной сферы можно отнести: правовые нормы, акты реализации (в том числе применения права), правоотношения, различные способы регулирования (дозволения, разрешения, запреты), правовые гарантии, юридические конструкции и другое.

К неюридическим средствам правового регулирования данной сферы можно отнести неюридические социальные регуляторы (нормы морали, религии, корпоративные нормы, ценности), природные явления, технические средства. Активное использование последних в качестве средств регулирования является специфическим признаком исследуемых отношений.

А. В. Малышкин фиксирует усиление роли неюридических регуляторов и факторов в регуляторном механизме, что, по мнению указанного автора, проявляется в следующих аспектах:

- «в их интеграции в структуру норм права (как правило, в виде отсылок к неправовым социальным регуляторам в диспозициях бланкетных правовых норм, а также в виде включения в гипотезы охранительных норм),
- в конвергенции («сближении») неправовых социальных регуляторов и правовых норм в правоприменительной деятельности»¹.

С учетом этого, базируясь на исследованиях представителей теоретико-правовой науки относительно интеграции социальных регуляторов в единый механизм правового регулирования, нельзя не отметить, что важную роль в механизме правового регулирования отношений сферы частной жизни играют нормы иных социальных регуляторов: морали, корпоративных, религиозных норм, норм этики (в том числе так называемой цифровой этики). Особенности взаимодействия юридических и неюридических средств будут показаны далее, в следующем параграфе настоящей работы.

---

¹ Малышкин А. В. Интегрированная юрисдикция: доктрина, практика, техника: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2021. С. 195.

К нормативным средствам можно отнести нормы права и иных социальных регуляторов, нормативные правовые акты, договоры нормативного содержания.

К ненормативным средствам можно отнести разного рода договоры (например, пользовательские соглашения с владельцами Интернет-ресурсов), межличностные правила, сложившиеся в частном общении в интернет-среде, технические устройства, программные средства, акты применения права и прочее.

Результатом функционирования механизма правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации должно стать достижение состояния защищенности сферы частной жизни от цифровых угроз и рисков.

Основной тезис, который будет обоснован в рамках настоящего параграфа, заключается в том, что данный механизм имеет интегративную природу, что обусловлено характеристиками цифровой среды¹.

Вновь акцентируем внимание на значимых особенностях цифровой среды:

- 1) новизна отношений,
- 2) их трансграничность,
- 3) ограниченные возможности для государственно-властного вмешательства,
- 4) «многоуровневый» характер (первоначальный уровень — каналы связи, спутниковые каналы, системы доступа к сети, следующий уровень — уровень адресного пространства, доменных имен, доменных названий, надстройка - разного рода сервисы, веб-сайты²).

Указанные факторы и объясняют необходимость комплексного, интегрированного регулирования данной сферы общественных отношений.

Интегративная сущность механизма правового регулирования сферы частной жизни проявляется в следующих аспектах.

---

¹ Стоит заметить, что данное свойство характерно не только для рассматриваемого круга общественных отношений, что подтверждается исследованиями наших предшественников, однако цифровые социальные взаимосвязи обладают определенной спецификой, которая и обуславливает интегративный характер регулятивного комплекса.

² Малько А. В., Анисимова А. С. Механизм правового регулирования Интернет-отношений: понятие и специфика // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 11.

1). *В сочетании различных социальных регуляторов, призванных упорядочить отношения в сфере цифровизации частной жизни* (некоторые отношения, наряду с нормами права, урегулированы нормами этики («цифровой этики») и религиозными нормами и результатами их толкования, что будет показано нами далее).

2). *В комбинировании механизмов правового регулирования, саморегулирования и локального регулирования* (изначально сеть Интернет была построена на началах саморегулирования как относительно свободная от государственно-властного вмешательства сфера, однако впоследствии в связи с увеличением пользовательского охвата и кратным возрастанием рисков нарушения прав стали приниматься правовые нормы, в том числе охраняющие сферу частной жизни).

3). *В сочетании способов регулирования* (например, в регулировании информации о частной жизни активно используются такие способы, как ограничения и запреты, при внедрении технологии распознавания лиц на первых этапах ее использования применяются такие способы, как рекомендации, разрешения).

Наглядно действие рассматриваемого интегративного механизма проявляется в регулировании отношений, связанных с внедрением системы распознавания лиц на улицах городов. Данная технология используется как в нашей стране, так и за рубежом. Рассмотрим ее функционирование подробнее.

Известно, что в целом данный инструмент функционирует в целях обеспечения общественной безопасности, защиты прав личности. Например, он используется для поисков преступников после совершения противоправного деяния, а также в превентивных целях (криминологические исследования свидетельствуют о том, что даже камеры-муляжи, размещенные на улицах и в частных домовладениях, снижают уровень преступности).

Можно прийти к выводу, при создании и реализации механизма правового регулирования данных отношений, следует установить запрет на использование

систем распознавания лиц в определенных пространствах, а также рекомендовать соблюдать этические принципы.

Показателен в контексте данных рассуждений следующий пример. В Портленде (США) в 2021 году был принят закон, запрещающий использование технологий распознавания лиц частными компаниями. Запрет распространяется на общественные места в границах города. Компаниям за пределами Портленда рекомендуется соблюдать ряд этических принципов при создании технологий распознавания лиц: тестировать программу на точность и отсутствие предвзятости; разработать общедоступную политику конфиденциальности¹.

В данном примере интегративная сущность проявляется также в том, что в механизме регулирования комбинируются различные способы, например, ограничения и запреты (ограничения по субъектам, уполномоченным собирать данные; ограничения по территории), рекомендации (например, рекомендательный порядок носит необходимость соблюдать ряд этических принципов).

Заметное значение в механизме правового регулирования рассматриваемых отношений имеют акты применения права, в частности решения судов. Достаточно распространенным в судебной практике является вопрос о правомерности установления видеочамер в домовладениях, рабочих местах и пределах их использования с точки зрения охраны и защиты конституционных прав на неприкосновенность частной жизни. Выработанные в судебной практике критерии позволяют заключить, что нарушения права на неприкосновенность частной жизни фиксируются в том случае, если:

- камера фиксирует частную территорию,
- осуществляет фиксацию и хранение информации о частной жизни²,
- установлена с противоправной целью (например, установка камеры в комнате отдыха была признана нарушением, поскольку видеонаблюдение на рабочих местах и в производственных помещениях должно быть связано с

---

¹ В Портленде запретили использовать системы распознавания лиц // ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/9417509> (дата обращения: 20.12.2023).

² Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июля 2020 г. по делу № 88-9915/2020 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

исполнением работником должностных обязанностей, а слежение в комнате отдыха этим условиям не соответствует)¹.

Таким образом, в настоящем параграфе сформулировано понятие и содержание механизма правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации, обосновав интегративную сущность данного феномена. Далее будут рассмотрены вопросы взаимодействия юридических и неюридических элементов в его структуре.

2.3 Взаимодействие юридических и неюридических средств в механизме правового регулирования частной жизни

Соотношение права и иных социальных регуляторов, а также явлений объективной реальности, так или иначе влияющих на упорядочение общественной жизни – один из «вечных» вопросов, рассматриваемых в рамках общетеоретических и, реже, отраслевых исследований.

Известно, что помимо права, общественные отношения регулируются нормами морали (нравственности), религии, корпоративными нормами, обычаями. Согласимся с научной позицией, согласно которой «вследствие общей ценностной онтологической основы нормы разных регулирующих систем могут иметь одно и то же содержание, но при этом они не утрачивают свое качество и являются нормами разного вида»². Это своего рода «аксиома» теории государства и права.

Обычно в рамках теоретико-правовых изысканий рассматриваются следующие аспекты данной темы: единство социальных регуляторов, их различия и особенности их взаимодействия.

На первых двух моментах в рамках нашего исследования мы останавливаться не будем: это напрямую не входит в очерченный предмет работы и достаточно

---

¹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции № 88-14171/2023 от 03 июля 2023 года // ГАС «Правосудие». URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=13561565&case_uid=e5b86900-0047-4bef-a99e-2c7106bd5147&new=2800001&delo_id=2800001

² Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: дисс. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2021. С.118.

обстоятельно исследовано нашими «предшественниками», а изучаемые нами отношения не обладают спецификой в этом плане.

Тем не менее учитывая принятый нами широкий «взгляд» на категорию механизма правового регулирования, интересно будет описать особенности и формы взаимодействия социальных регуляторов, воздействующих на сферу частной жизни, в условиях цифровизации отношений.

Относительно вариантов взаимодействия социальных норм в регуляторном комплексе сложился консенсус: в основном, представители теоретико-правовой науки описывают их сотрудничество (кооперацию) и противоречие (конфликт). Так, В. Я. Кривоपालова отмечает, что основу системного единства образует прежде всего «сходство и взаимодополнение» социальных норм¹. О том, что существует всего два типа взаимодействия права и морали – «сотрудничество и противоречие», пишет Ю. В. Грузов².

Более развернутая классификация видов совместного действия права и иных социальных норм представлена в работе А. В. Малышкина. Она включает:

- а) солидарное действие (содержание нормы права и нормы социального регулирования совпадает),
- б) исключительное (норма права и неправовая норма предусматривают разные правила),
- в) субсидиарное (правовые и иные социальные нормы устанавливают различные правила, поскольку регулируют разные сферы жизни),
- г) альтернативное (субъект права может выбрать модель поведения, руководствуясь либо правовой, либо неправовой нормой)³.

Концепция взаимодействия юридических и неюридических средств механизма правового регулирования сферы частной жизни в условиях

---

¹ Кривоपालова В. Я. Право в системе современного соционормативного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01: Москва, 2002. 163 с.

² Грузов Ю. В. Взаимодействие права и морали в социальном регулировании: автореферат дис. ... канд. философ. наук. Иваново, 2005. С.12.

³ Малышкин А. В. Интегрированная юрисдикция: доктрина, практика, техника: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород. С. 20–21.

цифровизации включает следующие формы: взаимообусловленность, конфронтация, кооперация, иррелевантность.

А). Взаимообусловленность юридических и неюридических средств регулирования.

Взаимообусловленность, согласно Толковому словарю Ожегова, – влияние одних явлений на другие¹. Рассматривая данный тип взаимодействия, опишем, как юридические и неюридические средства влияют друг на друга: на возникновение и функционирование.

Некоторые неюридические средства правового регулирования (нормы морали, ценности) обладают достаточно высоким регулятивным потенциалом, отражаясь в сознании субъектов права, выступают своего рода нормативным стандартом, критерием оценки содержания юридических средств регулирования, на их основании формируются конкретные средства правового регулирования (прежде всего, нормы права).

Социологическое исследование, проведенное философами Н. А. Трубиной, Л. Р. Миркушиной, показывает, что «несмотря на воздействие цифровой среды на жизнедеятельность, поведение и мышление современного человека, человек не может отказаться от фундаментальных моральных ценностей, образующих духовные основы отношений»².

Именно фундаментальные моральные ценности, нередко отраженные и в религиозных нормативных системах, часто выступают обстоятельствами, обуславливающими возникновение правовой нормы, то есть являются факторами нормообразования. Особенно это значимо для регламентации отношений сферы частной жизни, поскольку многие из них регулируются исключительно неправовыми регуляторами.

В настоящее время можно наблюдать и обратный процесс, когда государственная воля, выраженная в правовой норме, становится катализатором

---

¹ Толковый словарь Ожегова // «Академик». URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/22314> (дата обращения: 02.01.2024).

² Трубина Н. А., Миркушина Л. Р. Трансформация моральных ценностей в цифровой коммуникации // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 3 (43). С. 52.

для изменения представлений о должном и возможном в общественном сознании. Например, усиление террористической активности в конце XX – начале XXI вв. привело к тому, что повсеместно стали появляться камеры видеонаблюдения в общественных пространствах, и это стало восприниматься обществом как «гигиеническая норма», обусловленная обеспечением общественной безопасности.

Приведенные примеры иллюстрируют взаимообусловленность юридических и неюридических средств в механизме правового регулирования.

Б). Конфронтация юридических и неюридических средств регулирования.

Данный тип взаимодействия связан с тем, что иногда юридическое средство правового регулирования (прежде всего речь идет о правовых нормах) не соответствует по своему содержанию иным регулятивным средствам – нормам морали, религиозным и ценностным установкам.

В научной литературе подробно описан вопрос о коллизиях между правом и моралью¹. В. Ф. Мартынов отмечает, что во всех случаях в основу соотношения названных норм положены принципы непротиворечия праву и окончательного разрешения коллизий в соответствии с правовыми нормами². Д. В. Бышов, напротив, констатирует, что следование правовым нормам должно соответствовать требованиям морали: «требования общественной морали непременно учитываются государственными органами при разработке и установлении нормативно-правовых актов»³. Позиции о том, что правовые нормы должны быть обоснованными моральными предписаниями и вырабатываться на их базе придерживаются и другие авторы.

Полагаем, что наиболее значимые конфликты в регулировании изучаемых нами отношений наблюдаются в противоречиях между религиозными и правовыми установками. Известно, что достаточно дискуссионным является взгляд представителей православной веры на процессы цифровизации. Так, некоторые

---

¹ См., например: Баранов В. М., Першин В. Б., Першина И. В. К вопросу о коллизии между правом и моралью // Юридическая техника. 2017. №11. С.88-94.

² Мартынов В. Ф. К вопросу о месте норм права в системе социальных норм // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. №3. С.39

³ Бышов Д. В. Проблемы взаимодействия права и морали в системе государства и общества // Вопросы экономики и права. 2022. № 170. С. 15.

цифровые инновации, введение которых сопровождается соответствующим правовым обеспечением, неоднозначно, порою настороженно, воспринимаются представителями Русской Православной Церкви. С одной стороны, данные опасения связаны с угрозой суверенитету, с другой – рисками для приватности личного пространства и потерей привычных форм коммуникации перед лицом непредсказуемости контролирующего эффекта цифровых технологий¹. Позиция Русской Православной Церкви в этом вопросе основывается на трактовке слов из Апокалипсиса Иоанна Богослова о том, что пришествие антихриста будет сопровождаться тотальным контролем над человеком². «Человеческая мысль, техническая цивилизация сегодня достигли такого уровня, когда, внедряя цифровые технологии, можно обеспечить тотальный контроль над человеческой личностью», – сформулировал данные опасения Патриарх Московский и всея Руси Кирилл³.

Уместно вспомнить, как в 2013 году по стране вновь «прокатилась» серия выступлений православных верующих, которые выражали принципиальное несогласие с обязательным присвоением ИНН (первая волна была «зафиксирована» в конце 90-х гг., при введении ИНН). Это связано с обеспокоенностью по поводу возможного введения системы полного контроля. В подтверждение можно привести в пример позицию Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 4 февраля 2013 года, в котором сказано: «Использование идентификатора вкупе с современными техническими средствами позволит осуществлять тотальный контроль за человеком без его согласия — отслеживать его перемещения, покупки, расчеты, прохождение им медицинских процедур, получение социальной помощи, другие юридически и общественно значимые

---

¹ Кнорре Б. К., Мурашова А. А. «В начале было Слово...», а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса // Мир России. 2021. №30(2). С.159.

² Патриарх Кирилл: РПЦ против использования цифровых технологий для контроля над личностью // ТАСС. 7 января 2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10416769> (дата обращения: 03.05.2023).

³ Рождественское интервью Святейшего Патриарха Кирилла телеканалу «Россия» // Patriarchia.ru. 7 января 2021. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5746352.html> (дата обращения: 10.10.2023).

действия и даже личную жизнь...»¹. Это лишь один пример конфронтационного взаимодействия.

В этой связи для выстраивания действенной государственной политики в сфере защиты прав граждан в цифровом пространстве органам государственной власти следует:

- учитывать двойственное влияние феномена цифровизации на социум,
- обращать внимание на сложившиеся стереотипы восприятия тех или иных процессов, явлений, связанных с цифровизацией частной жизни, представителями различных социальных групп,
- принимать во внимание регулятивный потенциал иных средств регулирования.

В). Кооперация юридических и неюридических средств регулирования.

Достижение данного типа взаимодействия наиболее желательно с точки зрения повышения эффективности правового регулирования.

Данное обстоятельство в целом принимается государством, что ярко иллюстрируют процессы нормативного закрепления неправовых регуляторов в отечественном законодательстве. Это можно наблюдать на примере интеграции традиционных духовно-нравственных ценностей в отечественную правовую систему².

В контексте темы синхронное действие юридических и неюридических средств регулирования можно также наблюдать на примере совместного однонаправленного воздействия норм права и этики на сферу частной жизни.

Понятие этики универсально и распространяется на все случаи коммуникации. В XX веке стало формироваться такое направление, как прикладная

---

¹ Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных. 4 февраля 2013 года // Русская Православная Церковь: Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2775107.html> (дата обращения 15.05.23).

² См. об этом: Якушев П. А. Интеграция в российское законодательство традиционных ценностей: основные этапы и тенденции // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы VII Национальной научно-практической конференции, Казань, 16 февраля 2023 года / Под редакцией Р. Ф. Степаненко, А. Б. Мезяева, С. Н. Тагаевой, С. М. Аламовой. – Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2023. С. 489–492.

этика. Она охватывает учения о медицинской, профессиональной, юридической этике, а также о таких относительно новых областях, как биоэтика, компьютерная, информационная этика. К подвидам компьютерной этики относят, например, «блогерскую этику»¹. В литературе уже достаточно давно обсуждается вопрос о необходимости разработки «виртуальной этики», к задачам которой будет относиться регулирование «виртуальной коммуникации»².

Рассматривая понятие «цифровая этика» мы, имея в виду неоднозначность трактовок данного феномена, согласимся с тем, что цифровая этика есть «новая интерпретация классических этических моделей в отношении подвергшихся оцифровке социальных процессов»³.

Нормы этики можно условно объединить в две группы: кодифицированные и некодифицированные (писаные и неписаные).

Примером норм первой группы являются такие акты, как Кодекс этики использования данных, разработанный Институтом развития интернета и Ассоциацией больших данных. Описывая сферу применения данного документа, авторы текста отметили, что саморегулирование есть своего рода мера социальной ответственности. При этом Кодекс не регулирует отношения, урегулированные законодательством Российской Федерации, а закрепляет согласованные участниками Кодекса принципы профессиональной этики, направленные на установление дополнительных мер защиты прав субъектов и пользователей данных⁴.

---

¹ Гончарова В. Г. Об этике в дистанционном образовании: вызовы и задачи // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. №6 (108). URL: <https://research-journal.org/archive/6-108-2021-june/ob-etike-v-distancionnom-obrazovanii-vyzovy-i-zadachi> (дата обращения: 29.12.2023).

² Малькова Е. Ю. Принципы виртуальной этики // Серия «Symposium», Религия и нравственность в секулярном мире. Выпуск 20 / Материалы научной конференции. 28-30 ноября 2001 год Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.112-115.

³ Сунами А. Н. Этика «цифрового общества»: новый конфликт или новый баланс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 553.

⁴ Кодекс этики использования данных // Институт развития Интернета. URL: <https://ac.gov.ru/files/content/25949/kodeks-etiki-pdf.pdf> (дата обращения: 08.12.2023).

По состоянию на июнь 2023 года к положениям кодекса присоединились 46 участников рынка. Структура субъектного состава представлена банками, телекоммуникационными компаниями, профильными некоммерческими организациями.

С одной стороны, кодекс – это формализованный свод правил и рекомендаций, с другой – иллюстрация перманентно протекающей работы по совершенствованию практик бережного обращения с частной информацией. В этом смысле он являет собой ориентир для компаний.

Приведем пример неcodифицированного этического нормативного комплекса. Существует неписаный нормативный массив – «сетикет» – который, как видно из названия, образованного путем сложения двух слов, означает «сетевой этикет». Например, одно из неформализованных правил сетевого этикета связано с необходимостью уважать личные границы других, в том числе не пересылать конфиденциальную информацию, скрывать адреса электронной почты, если письмо адресовано нескольким пользователям, аккуратно относится к пересылке фотографий и видео¹. Соблюдение этого правила этикета позволяет не нарушить правовые нормы и не стать субъектом юридической ответственности.

Оценивая широкое применение норм этики в регулировании отношений сферы частной жизни, следует отметить эффективность указанного подхода на данном этапе развития отношений в этой сфере. Это объясняется тем, что указанные отношения достаточно новые, а правила этикета нередко устанавливаются профессиональным сообществом с учетом экономических, социально-политических, технологических реалий, и данный подход не препятствует появлению инновационных продуктов и услуг в области цифровой экономики.

Несмотря на указанные преимущества, а также то обстоятельство, что именно этическое саморегулирование позволяет участникам рынка обмениваться

---

¹ Сетевой этикет: 20 правил поведения в интернете для вас и ваших детей // Сайт Лаборатории Касперского. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/preemptive-safety/what-is-netiquette> (дата обращения: 20.11.2023).

опытом и практическими решениями, все же оно не лишено недостатков и изъянов, которые необходимо учитывать при выборе оптимальной модели регулирования. Главная особенность обусловлена его природой: положения не носят общеобязательного характера. Сложности в установлении моральных правил состоят в том, что сообщества, существующие в цифровой среде (например, в социальных сетях) сегментированы и придерживаются своих правил и норм поведения. У пользователей есть возможность выбора и своего сетевого окружения, и, соответственно, тех норм, которым придется следовать. У представителей некоторых сообществ обычным считается делиться информацией о частной жизни, другие, напротив, предусматривают анонимный (насколько это возможно в условиях действующего законодательства) формат общения. Правовые нормы, в свою очередь, рассчитаны на неопределенный круг лиц, их ключевой признак – непersonифицированность. В то же время обоснование этических принципов необходимо, поскольку на первом этапе позволит сформулировать общие нормы вне сферы правового регулирования¹.

Продолжая рассуждения о кооперативном взаимодействии средств регулирования, важно отметить такое явление, как «буллинг» (травля). В контексте темы важно, что средством и поводом для «буллинга» может быть информация о частной жизни лица. Сам феномен существует достаточно давно, но ранее был распространен в закрытых сообществах, тогда как развитие Интернета сделало «буллинг» более доступным. Опрос студенческой молодежи, проведенный социологами, показывает, что, по мнению ряда респондентов, эта деятельность «безнравственна»². Другие исследования позволяют констатировать, что проблема буллинга и травли является актуальной для студенческой среды³.

Данное явление однозначно негативно оценивается обществом с точки зрения морали, при этом государство также вводит меры юридической

---

¹ Ивлиев Г. П., Карцхия А. А. Этика эпохи цифровизации // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2023. № 1. С. 22.

² Беляева Е. В. Студенты о нравственности в цифровой среде // Ведомости прикладной этики. 2021. №58. С.84.

³ Трубина Н. А., Миркушина Л. Р. Трансформация моральных ценностей в цифровой коммуникации // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. №3 (43). С. 47.

ответственности за явления «травли», осуществляемое в том числе в цифровой среде. Данный пример тоже иллюстрирует однонаправленность воздействия регулятивных механизмов.

Г). Иррелевантность.

Об этом типе взаимодействия (которое относится к формам взаимодействия с некоторой долей условности) может идти речь в том случае, если у средств регулирования различные цели воздействия. Вполне очевидно, что существуют отношения, которые урегулированы исключительно нормами права (юридическими средствами) или исключительно нормами цифровой этики, этикета (неюридическими средствами), что оправдано спецификой тех или иных отношений. Например, правило цифровой этики «не направлять деловые сообщения ночью» вряд ли является правовой нормой (исключения составляют только случаи, если это правило включено в локальные акты организаций и пр.).

Нельзя не согласиться с Е. Н. Абрамовой в том, что «формирование законодательства о цифровой экономике необходимо строить с опорой на нормы морали и нравственности, которые и будут выступать единственным критерием справедливости и допустимости таких изменений»¹. Право во многих случаях должно поддерживать функционирование неюридических социальных регуляторов (этики, этикета), охранять то, что добровольно принято обществом и соблюдается индивидами.

---

¹ Абрамова Е. Н. Нормы морали и нравственности как фундамент развития законодательства о цифровой экономике // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. №1 (15). С.108.

Глава 3 ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

3.1 Влияние цифровых технологий на правовой статус личности

Развитие технологий во все времена качественным образом влияло на сложившуюся систему общественных отношений, как положительно, так и отрицательно. Не является исключением и современное общество, для которого характерна динамичная смена источников угроз. В. П. Иванский соотносит этапы (фазы) развития современного общества с основными угрозами, характерными для них. По мнению указанного автора, в масс-медийном обществе основные угрозы связаны с деятельностью СМИ, на этапе компьютерного общества источником вмешательств является компьютерная обработка информации, в том числе персональных данных. В рамках сетевого общества основными факторами угроз являются трансграничные потоки данных в международных телекоммуникационно-компьютерных сетях².

Несмотря на интенсивное развитие цифровых технологий, неизменным является тот факт, что человек остается основным субъектом права, чья воля и сознание определяют возникновение, изменение, прекращение правоотношений. Данное обстоятельство актуализирует вопрос влияния цифровизации на правовой статус личности, который и будет рассмотрен нами в данном параграфе.

---

¹ При написании данной главы использовались ранее опубликованные работы диссертанта: Авдеев Д. А. Право на отказ от использования цифровых технологий в контексте охраны частной жизни // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. №4. С. 18–20; Авдеев Д. А. «Шерентинг» как форма нарушения права ребенка на частную жизнь: сущность и перспективы регулирования / Д. А. Авдеев // Вестник Академии права и управления. 2022. № 4(70). С. 5–8; Авдеев Д. А. Трансформация правового статуса личности в контексте амбивалентности цифровых технологий / Д. А. Авдеев // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. № 2. С. 34–36; 58. Авдеев Д. А. «Социальный скоринг» как фактор нарушения права на неприкосновенность частной жизни // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 6(132).

² Иванский В. П. Право на частную жизнь и научно-технический прогресс // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6. Ч. 2. С. 58.

В этих условиях одним из острых вопросов развития правового регулирования остается проблема закрепления положения человека в общественной системе, правового оформления его статуса, включающего среди прочего субъективные права, обязанности, юридическую ответственность и другие элементы (льготы, гарантии и пр.).

Вопросы правового статуса личности относятся к числу «классических» в юриспруденции, не случайно к ним обращались ведущие представители теоретического правоведения на разных этапах развития науки. Данное обстоятельство обусловлено в том числе особенностями взаимоотношений государства и человека, которое находит отражение в объеме конституционно закрепленных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина.

«Правовой статус личности», по общему мнению, является одной из важнейших теоретико-правовых категорий, неразрывно связанных с социально-классовой структурной обществу, экономической сферой и даже природой человека¹. Правовой статус отражает различные стороны бытия субъекта: от частной жизни до взаимоотношений с государством.

Категория правового статуса личности имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Основой правового статуса является фактический статус, то есть юридически оформленное положение человека в социальной иерархии. Иными словами, «социальный и правовой статус соотносятся как содержание и форма»².

В свою очередь, не будет преувеличением тезис о том, что правовой статус представляет собой квинтэссенцию, «ядро» сложившейся формы взаимоотношений между человеком и государством. На разных этапах общественного развития государство закрепляло разный объем прав и свобод для своих граждан (подданных), требовало исполнения различных обязанностей,

---

¹ Бабенко С. В. Правовой статус личности в правовом государстве: вопросы теории: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. - Краснодар, 2008. 31 с.

² Почепко К. И., Тимошенко И. В. Конституционно-правовой статус личности в России: понятие, состав, структура и особенности // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2018. № 1(27). С. 29.

устанавливало ответственность за различные деяния, предоставляло различные гарантии. Выбранные модели взаимоотношений государства и личности, как показывает практика, зависели от характера общества, типа собственности, развитости культуры и пр.¹. В настоящее время формальная приверженность ценностям прав и свобод свойственна практически всем правовым порядкам мира, однако достижение их реального обеспечения – скорее цель, нежели состояние современной действительности.

Относительно понятия, содержания и структуры правового статуса личности в науке ведутся дискуссии. В зависимости от содержания концепта «правовой статус личности» можно выделить, по меньшей мере, два подхода к дефинированию, которые, с известной долей условности, можно обозначить как «широкий» и «узкий». Согласно «узкому» подходу, в правовой статус личности включаются такие элементы, как «права», «свободы» и «обязанности»² и лишь некоторые из авторов дополняют этот перечень таким элементом, как «ответственность»³. Некоторые ученые предлагают включить в данный структурный перечень институт гражданства, что, на наш взгляд, не вполне оправданно, поскольку гражданство выступает, скорее, как предпосылка, условие для реализации правового статуса личности и вряд ли может служить самостоятельным элементом.

Широкий подход к трактовке понятия «правовой статус» характеризуется выделением большего количества элементов, исчерпывающий перечень которых привести затруднительно.

Иными словами, можно сделать вывод, что существуют ключевые, «ядерные» элементы правового статуса личности, по поводу которых сложился консенсус, и факультативные, отнесение которых зависит от авторского теоретико-методологического подхода (ответственность, гарантии, принципы и пр.).

---

¹ Басик В. П. Эволюция правового статуса личности и его отражение в российской правовой науке // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 1(258). С. 21.

² Например: Общая теория прав человека / под ред. Е.А. Лукашевой. – М.: Норма, 1996. 266 с.

³ См., например: Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юрид.вузов. – М.: Юриспруденция, 2011. 528 с.

В общем виде под правовым статусом следует понимать совокупность прав, свобод, обязанностей и гарантий их осуществления, определяющих положение индивида в обществе¹.

Нарастающая скорость процессов цифровизации двойственно влияет и на правовой статус личности. С одной стороны, прогресс дает гражданам недоступные ранее ресурсы для реализации своих и общих потребностей и интересов, что служит наполнению правового статуса личности более многообразным содержанием². Однако этот процесс нельзя оценивать односторонне. Например, Н. И. Дорохов отмечает, что на фоне цифровизации «личность объективно лишается ряда гарантий по реализации личных, социально-экономических, социально-культурных прав и свобод»³.

Цифровизация правового статуса личности в научных исследованиях главным образом связывается с формированием и юридическим оформлением новой категории – цифровых прав личности⁴. В то же время данное понимание весьма ограничено, поскольку субъективное право, как отмечено выше, отнюдь не единственный элемент правового статуса личности. Цифровые технологии в той или иной степени влияют и на другие элементы правового статуса: обязанности, гарантии, ответственность. Исходя из этой посылки, рассмотрим, как цифровизация влияет на другие элементы правового статуса личности.

Цифровизация и права и свободы человека и гражданина.

Следует обратиться к способам и механизмам трансформации такого элемента, как «права и свободы человека». В юриспруденции не сформировано

---

¹ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 2006. С. 175.

² Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире: монография / отв. ред. А. Е. Постников. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2023. С.9.

³ Дорохов Н. И. Правовой статус личности в условиях цифровизации общества: тенденции перемен. Постановка проблемы // Устойчивое развитие: исследования, инновации, трансформация: Материалы XVIII Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. В 2-х томах, Москва, 08–09 апреля 2022 года. Том 1. – М.: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2022. С. 1413.

⁴ Чунихина Т. Н. Трансформация правового статуса личности в условиях цифровизации общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №2. С. 199-207.; Минаева А. И. Цифровые права как элементы правового статуса личности // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 3А. С. 69–77.

общего представления о соотношении указанных категорий. Наиболее распространенная интерпретация заключается в том, что термин «свобода» означает автономную от государственного вмешательства сферу, термин «право» означает юридически обеспеченную возможность субъекта осуществлять конкретно-определенное действие¹. Стоит отметить, что в юридической литературе сложилась практика обозначения прав и свобод человека и гражданина одним термином - «права человека».

Технологии (главным образом, сеть «Интернет») влияют на систему и содержание прав человека, однако на разные права и свободы это влияние осуществляется с разной степенью интенсивности. В этой связи их можно разделить на следующие группы: «традиционные права и свободы» (Интернет является средством реализации и источником рисков), «модификация известных прав» (право на забвение как результат трансформации права на неприкосновенность частной жизни, право на анонимность как результат модификации права на информацию и др.), «права, появление которых связано исключительно с внедрением Интернета»².

При этом российский законодатель, учитывая развитие информационных технологий, закрепил понятие «цифровые права», при этом дав весьма узкую – «цивилистическую» – интерпретацию. Так, в соответствии со статьей 141.1 Гражданского кодекса РФ, цифровые права – названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

В предмет исследования не входит выявление достоинств и недостатков данной нормативной дефиниции и её комментирование, тем более что это

---

¹ Бекиров Н. В. Современные тенденции в развитии «Прав человека»: аксиологический и прикладной аспекты // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. №5-6. С. 153.

² Черемисинова М. Е. Правовой статус субъектов в сети Интернет: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2020. С.14.

обстоятельно учтено другими авторами, чью позицию мы в целом разделяем¹. Тем не менее важно отметить, что «современная доктрина исходит из того, что развитие цифровых технологий также заметным образом повлияло на концепцию основных прав человека»², в том числе конституционных. Иными словами, понятие цифровое право как юридически обеспеченная возможность может рассматриваться в узком – цивилистическом – смысле и широком – общеправовом.

Так, развитие технологий обуславливает появление новых субъективных прав, называемых некоторыми авторами «цифровыми». Например, еще в 2011 году в докладе ООН было легализовано право на доступ в Интернет, предусматривающее два аспекта доступа: а) доступ к контенту; и б) доступ к физической и технической инфраструктуре, необходимой для доступа в Интернет³. Такое право закреплено в нормативных актах Эстонии⁴, Финляндии⁵, Испании, Канады⁶ и некоторых других стран. Отражение в законодательстве находят и другие субъективные права, которые можно отнести к числу цифровых. Например, «право на забвение» (возможность пользователя требовать удаления данных из общего доступа через поисковые Интернет-системы).

---

¹ См., например: Головкин, Р. Б. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления / Р. Б. Головкин, О. С. Амосова // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2(51). С. 163-166.

² Романовский Г. Б., Романовский В. Г. Ограничения цифровых прав человека в целях противодействия терроризму // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2023. №1. С. 48.

³ Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue. URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения: 20.12.2022).

⁴ Закон Республики Эстония «О телекоммуникациях». URL: <http://electrosvyaz.com/forum/viewtopic.php?t=12923> (дата обращения: 29.12.2022).

⁵ Жители Финляндии получили право на быстрый Интернет// URL: <http://webground.su/topic/2009/10/15/t173> (дата обращения: 29.12.2022).

⁶ Власти Канады провозгласили скоростной интернет базовой услугой для жителей страны// NewsRu. URL: <https://www.newsru.com/hitech/23dec2016/canadabroadband.html> (дата обращения: 29.12.2022).

В. В. Комарова аргументирует возможность введения права человека на создание цифровой оболочки¹. Новое прочтение приобретает и право на идентичность, трансформируясь в «право на цифровую идентичность».

Этот термин стал активно распространяться как в зарубежной правовой доктрине, так и в отечественном информационном и научном пространствах. С учетом того обстоятельства, что в настоящее время цифровая идентификация используется не только и не столько для доступа к электронным сервисам, но и для участия в правоотношениях в реальном мире, вопросы цифровой идентичности становятся актуальными. Возникает вопрос: как соотносятся категории «идентичность» и «цифровая идентичность»?

Термин «идентичность» в самом общем смысле означает свойство человека относить себя к какой-либо социальной группе в зависимости от определенного признака (пол, возраст, национальность, род занятий и т.д.)². Учитывая это, под правом на идентичность можно понимать юридически обеспеченную возможность каждого определять, как именно он желает быть идентифицирован.

В свою очередь, цифровая идентичность – это цифровое представление информации о человеке, организации или объекте. Эта информация может использоваться в различных целях (например, для подтверждения личности, коммуникации с другими пользователями сети Интернет, взаимодействием с государством).

Развитие и закрепление права на идентичность требует введения дополнительных правовых, а также иных мер защиты законных прав и интересов человека и гражданина, которые позволят избежать реализации рисков

---

¹ Комарова В. В. Правовой статус человека в цифровой среде: взгляд конституционалиста // Образование и право. 2022. №2. С. 43.

² Маркевич Д. С. Некоторые вопросы реализации права на идентичность в цифровой среде // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества: тезисы докладов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апреля 2018 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2018. С. 45.

неправомерного доступа к цифровому профилю или существенно их минимизировать.

В частности, для обеспечения достоверности и точности данных, составляющих цифровую идентичность, следует:

- предусмотреть возможность запроса и корректировки данных, образующих цифровую идентичность,
- обеспечить ограниченный срок хранения указанного типа данных,
- обеспечить возможность возражения против предоставления доступа к данным в ситуациях, когда данные запрашиваются в коммерческих целях.

Продолжая характеристику «цифровых прав», остановимся на проблеме распоряжения персональной информацией, опубликованной «онлайн», после смерти гражданина, называемой некоторыми авторами как «право на цифровую смерть»¹.

«Право на цифровую смерть»² — это юридическое отражение социологического концепта «digital afterlife»³ (цифровое бессмертие). Результаты анализ научной литературы обеспечивает возможность выявления различные правомочия, которые так или иначе относятся к реализации данного права:

- выражение воли о «судьбе» персональных данных, отраженных в цифровой среде, на случай своей смерти,
- создание «цифрового завещания» (распоряжения относительно судьбы информации, запечатленной в цифровой форме),
- организация «виртуального мемориала» на основе аккаунта в социальной сети,
- назначение наследников информации, отраженной в Интернет-среде.

Характеристика элементов, образующих данное право, отдельно будет рассмотрена в рамках следующего параграфа в контексте рассуждений

---

¹ Талапина Э. В. Цифровая трансформация во Франции: правовые новеллы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. №4. С. 174.

² Название данного права заключено в кавычки ввиду его условности.

³ Назарова Ю. В. Этика посмертия в условиях цифровой реальности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2021. №2 (38). С. 33.

относительно темпоральных ограничений существования права на неприкосновенность частной жизни.

Кроме того, некоторые права, возникновение которых обусловлено цифровизацией, выступают в качестве прав-гарантий. Так, «право на доступ в интернет» рассматривается некоторыми авторами в качестве гарантии для реализации других прав личности практически в каждой сфере общественных отношений: политике, госуправлении, образовании, культуре¹.

Цифровизация и юридические обязанности.

Помимо изменений, протекающих в системе прав человека, цифровая трансформация касается и таких элементов правового статуса личности, как юридические обязанности. Эти изменения проистекают по следующим направлениям:

1) в связи с цифровизацией у граждан появляются новые обязанности, реализация которых возможна исключительно в цифровой среде (например, на фоне развития цифровых технологий у граждан появляются новые обязанности прохождения обязательной идентификации при использовании объектов информационной инфраструктуры²;

2) меняется форма реализации существующих³ (в настоящее время обязанность по уплате налогов возможно исполнить через электронный сервис «Личный кабинет налогоплательщика», разработанный Федеральной налоговой службой России⁴).

Анализ законодательства и практики его применения позволяет говорить, что появляется новая, «неписаная» обязанность – обязанность использовать цифровые

---

¹ Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 10.

² Минаева А. И. Цифровые обязанности как элемент правового статуса индивидуальных субъектов в условиях развития цифровых технологий // Научный аспект. 2022. Т. 1. № 4. С. 90-94.

³ Головкин Р. Б. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления / Р. Б. Головкин, О. С. Амосова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2019. №2(51). С. 166.

⁴ Лютова О. И. Обязанность по предоставлению налоговой отчетности в контексте цифровой трансформации // Налоги. 2021. № 5. С. 22–24.

технологии¹. Действительно, заметное число коммуникаций, в том числе с органами власти, переходит в цифровую среду, и в этой связи целесообразно предусмотреть право на использование альтернативных электронным (цифровым) способов взаимодействия, что будет рассмотрено нами отдельно.

Современные технологии выступают средствами реализации отдельных прав и исполнения обязанностей и позволяют обеспечить защиту некоторых прав. Например, использование биометрических идентификаторов позволяет определить субъекта и предоставить доступ к определенной информации, размещенной на устройстве, исключительно ему. Цифровые технологии являются средством надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей в рамках уголовного судопроизводства².

Приходится констатировать, что цифровые технологии трансформируют формы и способы реализации отдельных прав и обязанностей. В частности, на фоне цифровизации получили развитие различные виды удаленной занятости, дистанционного образования, получения государственных услуг. Вследствие этого изменились способы реализации права на труд, образование, управления делами государства.

Цифровизация и юридическая ответственность.

Модернизация юридической ответственности в цифровой среде детерминирована особенностями последней, как-то: анонимность коммуникаций, глобальность, технологичность, децентрализация³.

В этих условиях:

---

¹ Polyakova T. A. Trust in the law during the digital transformation / T. A. Polyakova, V. B. Naumov, A. V. Minbaleev // State and Law. 2022. №11. P. 139–147.

² См. об этом: Петухов Е. Н. Цифровые технологии как средство обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей // Актуальные вопросы производства криминалистических экспертиз и оценки результатов судебно-экспертной деятельности: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Красноярск, 01 апреля 2021 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 86–93.

³ Рымкевич Я. А. Юридическая ответственность в цифровом пространстве // Образование и право. 2023. №7. С. 438.

- появляются новые виды деяний, за которые устанавливаются меры юридической ответственности,
- находят широкое применение технические средства контроля поведения граждан и привлечения их к юридической ответственности (например, камеры для фиксации нарушения ПДД);
- появляются новые субъекты правонарушений (провайдеры, операторы информационных систем и цифровых платформ и т.д.)¹.

Кроме того, по мнению Л. А. Пожаровой, полноценный переход к новой экономической модели будет способствовать формированию «оцифрованного» перечня прав и свобод. В случае их нарушения со стороны государства, как предполагает автор, будет дан автоматический сигнал о программном сбое в работе системы и данный сигнал будет направлен в контролирующие органы².

Таким образом, по итогам краткого исследования процессов влияния цифровизации на элементы правового статуса личности можно сделать ряд выводов.

Во-первых, с учетом изложенного, можно предложить следующее определение цифрового правового статуса личности: *цифровой правовой статус личности – юридически закрепленное положение субъекта в цифровом пространстве, выражаемое в определенном объеме прав, свобод, обязанностей, ответственности, гарантий и других элементов, некоторые из которых являются «цифровым воплощением» традиционных, появление остальных детерминировано развитием технологий.*

При этом понятие «цифровой правовой статус» не тождественно понятию «правовой статус личности в цифровом праве». «Цифровой правовой статус» является межотраслевым понятием, поскольку деятельность в цифровом пространстве связана с реализацией правосубъектности в различных отраслях как

---

¹ Попондопуло В. Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 30.

² Пожарова Л. А. Правовой статус личности в условиях цифровизации общества / Л. А. Пожарова // Государство созидающее: правовые ресурсы формирования: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического института НИУ «БелГУ», Белгород, 22 ноября 2018 года. Белгород: ООО ГиК, 2018. С. 165.

частного (к примеру, заключение сделок), так и публичного права (например, получение госуслуг). Категория «правовой статус личности в цифровом праве» имеет отраслевую принадлежность к сфере формирующегося цифрового права.

Элементы цифрового правового статуса личности на фоне цифровизации можно объединить в следующие группы:

1) элементы правового статуса личности, не изменившиеся под воздействием цифровых технологий (право на жизнь, право на жилище);

2) элементы правового статуса личности, форма и содержание которых изменились на фоне развития цифровых технологий (право на неприкосновенность частной жизни, право на образование и др.);

3) элементы правового статуса личности, которые появились на фоне развития цифровых технологий (право на забвение, право на цифровую смерть).

Исследование различных аспектов цифрового правового статуса и их обобщение послужит формированию нового направления общей теории государства и права – теорию цифрового правового статуса личности. Отдельные подступы к ее формированию уже сделаны¹.

Во-вторых, не преуменьшая в целом потенциал цифровых технологий, следует отметить их рискогенный потенциал. Можно говорить об их «амбивалентности»² в контексте изменений, протекающих в содержании правового статуса личности.

Для минимизации негативных эффектов следует обеспечить практическую реализацию гарантий использования альтернативных цифровым (электронным) способов получения информации, предоставления услуг, участия в жизни государства.

В-третьих, роль права как одного из ведущих регуляторов общественных отношений в государственно-организованном обществе в условиях «цифровой революции», на наш взгляд, сводится, с одной стороны, к необходимости

---

¹ Грачева С. А., Черемисинова М. Е. Основные права и свободы в цифровом измерении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21, № 1. С. 64–73.

² Понятие амбивалентный обозначает «раздвоенный», «двойственный».

стимулировать развитие общественно-полезных технологий; и минимизировать риски и угрозы для правового статуса личности, – с другой. В настоящий момент приходится согласиться с мнением о том, что существует отставание правового регулирования, которое позволило бы сохранить фундаментальные права человека и государственный суверенитет, от динамичного технологического развития¹.

В-четвертых, не стоит принижать потенциал иных регуляторов общественных отношений, например, традиционных ценностей². Использование потенциала данного неправового регулятора актуально и в контексте принятия Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где отмечается, что «осмысление ... технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы»³. Представляется, что именно традиционные ценности, определенные данным указом, могут стать ориентирами при определении вектора правового регулирования цифровой среды.

Итак, достаточно часто явления цифровизации вызывают опасения. Нельзя утверждать, что они безосновательны, однако следует учитывать, что цифровизация – это инструмент, использование которого зависит от целей, определяемых прежде всего субъектом права.

---

¹ Северухин В. А. Проблемы защиты права на неприкосновенность личной жизни в контексте цифровизации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 2(38). С. 87.

² Подробнее о традиционных ценностях как регуляторе общественных отношений см.: Якушев П. А. Традиционные ценности как пределы ограничения прав // Юридическая техника. – 2018. № 12. С. 371–375. Якушев П. А. Понятие, сущность, признаки и регулирующие свойства традиционных ценностей // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2(43). С. 205–209 и др.

³ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 46. 2022. Ст. 7977.

3.2 Право на неприкосновенность частной жизни: проблемы закрепления и реализации в условиях цифровизации

Как было обосновано в первой главе настоящей диссертационной работы, понятие «частная жизнь» отражается в правовом регулировании общественных отношений прежде всего в контексте охраны ее неприкосновенности (в том числе неприкосновенности информации о ней). В связи с тем, что в условиях цифровизации остро встают вопросы обеспечения охраны этого права, данный параграф нашей диссертации посвятим рассмотрению указанного вопроса.

Развитие цифровых технологий и их интеграция в различные сферы общественных отношений дает некоторые основания говорить о формировании своего рода «общества наблюдения»: интернет-мониторинг, видеонаблюдение в общественных местах стали нормой современного общества, при этом органы власти и различные компании собирают большое количество личной информации, в том числе относящейся к сфере частной жизни. Надо отметить, что само по себе наблюдение, если при этом не затронуты конституционно охраняемые интересы личности, общества, государства, не является противоправным. Важно соблюсти баланс конституционных ценностей и интересов.

Наблюдение за поведением индивида, осуществляемое посредством цифровых инструментов, – не единственная угроза реализации права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифрового общества. Так, И. А. Пибаяев и С. В. Симонова в одной из публикаций выделяют ряд угроз, некоторые из которых приведены ниже:

1. Непрозрачность информационных технологий, которая ведет к тому, что субъекты персональных данных не могут предпринять своевременные действия по защите своих прав в случае их нарушения;
2. Отсутствие предварительного уведомления субъектов персональных данных о начале алгоритмической обработки их данных;
3. Отрыв данных от их первоначального контекста;

4. Наличие поисковых сервисов, упрощающих сбор данных о конкретных лицах;

5. Отсутствие специального правового регулирования алгоритмических систем, которое приводит к смещению правообеспечительной нагрузки на правоприменительные органы, осуществляющие фактическое регулирование данных отношений.

6. Ослабевание регуляторной функции публичной власти в результате увеличения значимости частных цифровых компаний в механизме реализации права человека на неприкосновенность частной жизни в сети интернет¹.

Таким образом, в современных условиях содержание права на неприкосновенность частной жизни, и без того довольно широкое, приобретает новое наполнение. Чтобы обосновать выдвинутый нами тезис, рассмотрим нормативное регулирование и исследовательские позиции относительно содержания данного права в «доцифровую» и современную эпохи.

В литературе достаточно подробно описаны этапы закрепления права на неприкосновенность частной жизни в международном праве и национальных правовых порядках. Не останавливаясь на их пересказе, отметим основные вехи развития правового регулирования данной сферы и развития правовой доктрины.

В период первобытнообщинного строя частная жизнь индивида на фоне агрессивности окружающей среды была опасна и только в связи с развитием общины право на неприкосновенность частной жизни получило смысл².

«Частная жизнь» упоминается еще у Аристотеля как отстраненность от богов и общества, доступное философам³. В средневековье частная жизнь зависела от

---

¹ Пибаяев И. А., Симонова С. В. Алгоритмы в механизме реализации конституционных прав и свобод: вызовы цифровой эпохи // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 31–50.

² Голендяев Д. В. Сущность и нормативное содержание права на неприкосновенность частной жизни // Правоприменение в публичном и частном праве: Материалы Международной научно-практической конференции, Омск, 30 марта 2018 года / Ответственный редактор Л. А. Терехова. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2018. С. 61.

³ Чеснокова Л. В. Ойкос как пространство лишенности: представления о приватности в Античности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4(75). С. 66.

социального положения индивида, а различия между тем, когда человек выступает в публичном или личном статусах, не проводилось¹. И только мыслители Нового времени заложили понимание современных воззрений о публичности и приватности в рамках индивидуалистической идеологии².

В истории правовой мысли идею о необходимости охраны и защиты частной жизни относят к теории естественного права, поскольку в данной доктрине одной из ключевых посылок является признание за человеком «права на владение самим собой», которое и является доктринальным основанием юридической охраны неприкосновенности частной жизни.

В современной доктрине юридическую концептуализацию права на неприкосновенность частной жизни принято относить к 1890 г., когда была опубликована статья юристов С. Уоррена и Л. Брэндайса «The Right of Privacy»³. Авторы рассматривали данное правомочие как результат трансформации права собственности⁴.

В России еще в дореволюционный период средствами уголовного права охранялись отдельные элементы и стороны частной жизни. Нормами Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) и Уголовного уложения (1903 г.) охранялась тайна корреспонденции⁵.

Полноценную юридическую формализацию в нормативных правовых актах данное право получило только в XX веке. Долгое время право на неприкосновенность частной жизни рассматривалось как личное неимущественное

---

¹ Бундин М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13. Москва, 2017. С. 14.

² Чеснокова Л. В. Указ. соч.

³ Warren S. D., Brandeis L. D. The Right of Privacy // Harvard Law Review. Vol. 4. 1890. No. 5. P. 193–220.

⁴ Хужокова И. Право на неприкосновенность частной жизни в системе прав человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2(59). С. 34.

⁵ Телина Ю. С. Конституционное право гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных в России и зарубежных странах: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С.45.

право, защита которого осуществлялось прежде всего средствами гражданского права¹.

Уже в Конституции СССР 1936 года, содержащей широкий каталог прав и свобод личности, были предусмотрены такие права, как «неприкосновенность личности» (ст.127), «неприкосновенность жилища и тайна переписки» (ст.128)². Впрочем, как известно, многие из декларируемых положений «сталинской конституции» в практическом смысле оставались формальностью.

Мировое звучание проблема охраны частной жизни приобрела вследствие принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 года³ (ст.12) и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года (ст.17)⁴. Данное право также нашло свое отражение в региональных правозащитных договорах (например, в ст.9 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека).

С юридико-технической стороны, рассматриваемое право в каждой стране имеет специфическую формализацию, что не отрицает возможность единства содержания аналогичных положений.

Наиболее заметные различия можно обнаружить при сравнении американского и европейского подходов к регулированию частной жизни. Американское регулирование личной конфиденциальности, на «европейский взгляд», достаточно минималистично организовано⁵. В англо-американском праве существует институт «прайвеси», который включает четыре категории:

---

¹ Авдеев М. Ю. Содержание и сущность права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2016. № 4 (23). С. 62.

² Конституция Союза Советских Социалистических Республик 1936 г. // Известия Центрального исполнительного комитета. 1936. 16 декабря (утратила силу).

³ Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. №67. 05.04.1995.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. №17. Ст. 291.

⁵ Гаджиев Х. И. Защита частной жизни в цифровую эпоху // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. №6. С. 7.

информационная приватность, физическая приватность, коммуникационная приватность, территориальная приватность¹.

В европейских странах законодатель выбрал иной путь правовой регламентации: через охрану отдельных сторон и свойств частной жизни и закрепления норм-гарантий². Многие из них содержатся в акте General Data Protection Regulation (GDPR, Общий/Генеральный регламент по защите персональных данных – перевод автора), который был принят в 2016 году и содержит ряд норм и правомочий, направленных на обеспечение частной жизни посредством ограничения оборота персональных данных.

В российском правовом порядке впервые норма об охране частной жизни, как, собственно, и понятие «частная жизнь» были закреплена в Конституции РФ (до этого в доктрине и законодательстве преимущественно шла речь о «личной жизни»). В дореволюционном праве были зафиксированы отдельные нормы, гарантирующие неприкосновенность частного пространства, однако, как отмечается в литературе, их реализация носила в основном формальный характер³.

Как указывал Н. И. Шахов, принцип уважения частной жизни прошел долгий путь конституционного развития: отдельные элементы данного субъективного права нашли свое отражение еще в советских конституциях, однако реальное воплощение связано с фиксацией в нормах Основного закона 1993 года⁴.

В Российской Федерации нормативным «ядром» права на неприкосновенность частной жизни является, прежде всего, статья 23 Конституции РФ, в части первой которой определено, что каждый имеет право на

---

¹ Приводится по: Измайлова Н. С. Неприкосновенность частной жизни в англо-американской и российской правовых доктринах // Московский журнал международного права. 2008. № 1(69). С. 172–185.

² Хуаде А. Х. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни и механизм его обеспечения (исследование зарубежного опыта) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. №4 (148). С.157.

³ Кадников Б. Н. О становлении и развитии законодательства об охране частной жизни граждан // Общество и право. 2016. №2 (56). С.31.

⁴ Шахов Н. И. Теоретико-правовые основы функции обеспечения государством права на неприкосновенность информации о частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2008. 199 с.

неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

Подвергая анализу данную норму, нельзя не описать содержание категории «неприкосновенность». Категория неприкосновенности личности встречается в конституционном, уголовном, уголовно-процессуальном, гражданско-процессуальном и иных отраслях законодательства¹.

Категорию «неприкосновенность» применительно к рассматриваемой проблеме можно интерпретировать по-разному. Знакомство с научной литературой по данной теме и материалами судебной практики позволило выявить два основных значения, в соответствии с которыми понимается данная категория применительно к сфере частной жизни:

1) «неприкосновенность» как ориентир для законодателя, предусматривающий отказ от намеренного, «излишнего» интенсивного регулирования данной сферы,

2) «неприкосновенность» как запрет для третьих лиц, выраженный в установлении границ частной сферы, охраняемых, в том числе правовыми средствами, от нарушения третьими лицами (как властными, так и невластными).

Представляется, что оба значения не являются взаимоисключающими и, исходя из телеологического, системного толкования конституционной нормы, имеют право на существование. Убедительным доказательством нашему выводу может служить позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой «признание права на неприкосновенность частной жизни на конституционном уровне предполагает, что отношения, возникающие в сфере частной жизни, не могут быть подвергнуты интенсивному правовому регулированию и необоснованному вмешательству любых субъектов, которым сам гражданин доступ к указанной сфере не предоставил»².

---

¹ Никитина В. С. Неприкосновенность личности как межотраслевая категория права // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 1. С. 41.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. №1.

Иногда в литературе можно встретить такую позицию: право на неприкосновенность частной жизни «означает принадлежащую человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного и интимного характера»¹. Не отрицая того факта, что данные аспекты входят в сферу частной жизни, нельзя сводить ее неприкосновенность только лишь к охране информации о ней, что фактически происходит при таком понимании частной жизни. Сама категория частной жизни, помимо информационного аспекта, о регулировании которого идет речь в приведенной цитате, включает и поведенческо-деятельностный, который также необходимо охранять юридическими средствами.

Таким образом, право на неприкосновенность частной жизни представляет собой комплексное нормативное образование, объединяющее нормы ст.ст. 23-25 Конституции РФ². Правомочия, предусмотренные в ст. 24 и ст. 25, являются нормами-гарантиями частной жизни.

В одной из предыдущих редакций государственного стандарта, регламентирующего правила по менеджменту сетей и систем связи (утратил силу в 2012 году), содержалась следующая трактовка неприкосновенности частной жизни (privacy): право каждого человека на конфиденциальность/неприкосновенность его/ее частной и семейной жизни, жилища и переписки³.

Данное определение было дано в целях технического регулирования и обладает некоторыми очевидными дефектами: определение содержит определяемое слово и не раскрывает существенных признаков, позволяющих определить характеризуемое явление. Отметим, что в действующей редакции

---

¹ Белова С. И. Проблемы соотношения права граждан на получение архивной информации с правом на неприкосновенность частной жизни // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1(220). С. 128–129; Улыбина Т.С. Неприкосновенность частной жизни в системе конфиденциальной информации // Современное право. 2009. № 4(1). С. 41–44.

² Хужокова И. Право на неприкосновенность частной жизни в системе прав человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2(59). С. 32–36.

³ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО/МЭК 18028-1-2008 // Вестник Росстандарта. № 1. 2008. № 523-ст.

данного акта данное понятие не раскрывается, в то время как сам термин используется.

П. А. Ромашов выделил два пути, в соответствии с которыми развивалось правовое закрепление данного права: «негативный» (через установление запретов государственным органам и частным субъектам вмешиваться в сферу частной жизни) и «позитивный» (закрепление обязанности уважать личное пространство)¹. В российском правовом порядке в настоящее время наблюдается постепенный переход от понимания частной жизни в негативном ключе к широкому толкованию этого права. Большую роль в этом играет Конституционный Суд РФ².

Итак, какое содержание, по мнению исследователей, вкладывается в право на неприкосновенность частной жизни? В теории права ключевым («ядерным») элементом субъективного права принято считать правомочие. С известной долей условности можно выделить две группы авторов, исповедующих различные подходы к определению права на неприкосновенность частной жизни.

1. Авторы, которые характеризуют право на неприкосновенность частной жизни через традиционную структуру («триаду») правомочий субъективного права

А. В. Кротов указывает, что структуру правоотношения частной жизни образуют элементы, характерные для любого субъективного права: а) право на положительные действия (например, право на общение), б) право требования (запрет на подглядывание в жилище), в) право на защиту (возникает в связи с нарушением права)³.

2. Авторы, которые декомпозируют право на неприкосновенность частной жизни путем выделения отдельных правомочий

---

¹ Ромашов П. А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век // Пермский юридический альманах. 2019. №2. С. 107.

² См. об этом: Кротов А. В. Толкование права на частную жизнь в решениях Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. 2018. № 2. С. 44–47.

³ Кротов А. В. Формирование предмета подотрасли права частной жизни в системе конституционного права: сравнительно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Ростов-на-Дону, 2021. С. 107.

Р. Б. Головкин выявил структуру права на неприкосновенность частной жизни, определив следующие правомочия: право на уединение; право на общение; право индивида определять степень доступа в свою частную жизнь; право на защиту данного права¹. Г. Б. Романовский, который провел глубокое изучение вопросов правового регулирования частной жизни, в указанной структуре выделял: «право на уединение, право на общение, обязанность всех субъектов не нарушать данное право; право на защиту законом от таких нарушений»².

Указанный автор так же, как и некоторые другие, обосновывает необходимость понимания права на неприкосновенность частной жизни в «узком» и «широком» значениях. «Узкое» толкование подразумевает понимание права на частую жизнь только в негативном ключе как запрет вторжения в частную сферу индивида), широкое значение привело к развитию указанного права в сложносоставное право (систему прав и правомочий)³.

На основе исследования практики Европейского Суда по правам человека по вопросам неприкосновенности частной жизни А. В. Кротов выделил следующие правомочия, направленные на реализацию частной жизни и входящие в этот институт: право на создание семьи, право на сохранение в тайне информации о частной жизни, право на физическую целостность после смерти, право на жилище, право на смену персональных данных, право на защиту интимных аспектов, право на половую самоидентификацию, право на смену половой принадлежности.⁴

---

¹ Головкин Р. Б. Специфика права на неприкосновенность частной жизни и пенитенциарной системе современной России // Правовые и организационные вопросы функционирования уголовно-исполнительной системы Минюста России. Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 125-летию уголовно-исполнительной системы Минюста России, г. Владимир, 30 марта 2004 г.: В 2-х томах. - Владимир: ВЮИ Минюста России, 2005, Т. 2. С. 24–29.

² Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни-М.: МЗ-Пресс, 2001. С. 49.

³ Кротов А. В. Концепция «широкого» толкования права на частную жизнь в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5(90). С. 84.

⁴ Кротов А. В. Соотношение субинститута права на частную жизнь с правом на свободу информации // Закон и право. 2016. № 1. С. 54.

Е. А. Филимонова выделяет следующие элементы в структуре права на неприкосновенность частной жизни: право на уважение частной жизни, право на охрану частной жизни, право на защиту частной жизни¹.

С точки зрения О. В. Судаковой, право на неприкосновенность и тайны частной жизни включает: право на неприкосновенность жилища, документов, личную и семейную тайну, адвокатскую, медицинскую, банковскую, нотариальную тайну, тайну совершения следственных действий, личного общения и др.²

При этом между двумя подходами нет особенных противоречий, однако второй подход кажется более удачным с точки зрения конкретизации содержания данного субъективного права в современных условиях.

С учетом сказанного можно сформулировать дефиницию права на неприкосновенность частной жизни и обосновать ее релевантность современным реалиям.

За основу возьмем определение, предложенное в докторской диссертации Р.Б. Головкиным: «естественное и неотчуждаемое право человека на уединение и обособленное общение со своими близкими людьми, свободное от какого-либо произвольного вмешательства, обеспеченное государством и ограниченное морально-правовым регулированием»³.

В целом разделяя данную трактовку, отметим, что в современных условиях в контексте всеобщей цифровизации данную дефиницию можно уточнить и конкретизировать.

Во-первых, следует отметить, что данное право может быть ограничено не только моральными и правовыми нормами, но и религиозными установлениями.

---

¹ Филимонова Е. А. Конституционное право российских граждан на неприкосновенность частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Волгогр. акад. МВД России. Волгоград, 2005. С.8.

² Судакова О. В. Личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1(30). С. 382.

³ Головкин Р. Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2005. С. 168.

Во-вторых, реализацию и защиту данного права обеспечивают не только государства, но и институты гражданского общества и, что особенно важно в условиях цифровизации, – коммерческие компании (например, компании, владеющие и управляющие цифровыми платформами, устанавливают свои нормы и правила, которые призваны охранять положения о частной жизни).

В-третьих, на наш взгляд, некоторую неопределенность создает упоминание «близких людей» в данной дефиниции. Едва ли частное общение с малознакомыми людьми не охватывается понятием «частная жизнь». Возможно, в целях устранения противоречий и коллизий, данное упоминание стоит убрать.

Обратимся к анализу того, как содержание права на неприкосновенность частной жизни изменилось под воздействием цифровизации.

Как было отмечено ранее, основные вызовы для права на неприкосновенность частной жизни в цифровой век состоят в том, что, с одной стороны, частные и публичные субъекты имеют доступ к данным (в том числе о частной жизни) физических и юридических лиц, с другой – сами граждане, как свидетельствуют опросы, не в полной мере осознают масштабы их обработки, не знают механизмы эффективного контроля за тем, кем и в каких целях используется информация об их личности и жизни¹.

Цифровые технологии позволяют сохранять информацию, даже нежелательную для субъекта, навсегда. Известно, что запись, сделанная в цифровой среде, электронное письмо, текстовое сообщение, оставленная реакция к материалу в социальной сети являются цифровыми следами, которые сохраняются даже после удаления сообщения. Эти материалы, в свою очередь, могут быть использованы в качестве доказательств в судебных процессах, анализироваться работодателями, контрагентами и т.д. при принятии юридически значимых решений.

---

¹ Лазукина В. А. Автоматизированная обработка персональных данных как особый институт охраны права на неприкосновенность частной жизни // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 10–1. С. 243.

Иными словами, всеобщая цифровизация может обуславливать возникновение рисков, связанных с манипуляцией поведением личности, мошеннические действия, профилирование. Полный перечень рисков и угроз в масштабах нашего исследования привести не представляется возможным, некоторые попытки были предприняты нами в отдельных научных статьях¹.

Далее, сообразно цели и задачам настоящего научного исследования, поэтапно будут рассмотрены: (1) структура права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации; (2) темпоральные границы права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации; (3) ограничения права на неприкосновенность в частной жизни в цифровой среде.

Структура права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации. Существует мнение, что право на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации эволюционировало в право на защиту персональных данных. Считаем, что полностью согласиться с этим утверждением нельзя, поскольку «персональные данные» и «информация о частной жизни» это близкие, но все же разные правовые институты, на что мы обращали внимание ранее.

Правильно отмечает М. А. Вajorова, что понятия «информация о частной жизни» и «персональные данные» не тождественны, а «подход законодателя к правовому регулированию использования информации о частной жизни и персональных данных должен быть различным»².

Не случайно в конституционных актах некоторых государств (например, Конституция Республики Беларусь³, Конституция Республики Узбекистан⁴,

---

¹ См., например: Авдеев Д. А. Влияние цифровизации на состояние правовой защищенности частной жизни // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11. С. 25–28.

² Вajorова М. А. Соотношение понятий «Информация о частной жизни» и «Персональные данные» // Вестник СГЮА. 2012. №4 (87). С. 59.

³ Конституция Республики Беларусь // Электронный ресурс: https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875&q_id=1671620 (дата обращения 02.04.2023).

⁴ Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. Официальный сайт Конституционного Суда Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30433237 (дата обращения: 10.01.2023).

Конституция Кыргызской Республики¹) право на неприкосновенность частной жизни и право на защиту персональных данных разграничены. Данный подход оправдан различной онтологической сущностью данных категорий.

Таким образом, мнение о «трансформации» права на неприкосновенность частной жизни в право на защиту персональных данных мы разделить не можем, иной подход исключает из области охраны те элементы, которые не относятся к персональным данным.

Сложно согласиться и с тем, что так называемая «цифровая революция» не затрагивает содержание права, а только лишь вносит коррективы в его реализацию и обеспечение². В качестве контраргумента данной позиции можно привести то обстоятельство, что в условиях развития современных технологий, прежде всего цифровых, появляются новые элементы отношений, охватываемых понятием «частная жизнь». Например, защита права на неприкосновенность частной жизни распространяется не только на основную информацию, содержащуюся в сообщениях и материалах социальных сетей, но и на метаданные, поскольку при анализе и агрегировании такие данные могут дать представление о поведении, социальных отношениях, личных предпочтениях человека. В связи с этим появляются новые бизнес-модели цифровых платформ, основанные на таргетированной («целевой») рекламе, которая, в свою очередь, базируется на обработке данных пользователей.

Появился новый вид информации, потенциально охватываемый нормами об охране частной жизни, – биометрические данные, в том числе запись голоса, радужная оболочка глаза, отпечатки пальцев, ДНК и др. Технологии идентификации с использованием «биометрии» используются в финансовой сфере, госуправлении, коммерческой сфере.

---

¹ Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28 декабря 2016 г.). Официальный сайт Правительства Кыргызской Республики. URL: http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru (дата обращения: 18.01.2022).

² Опалева А. А. Право на личную неприкосновенность в условиях использования цифровых технологий // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1(81). С. 40.

В соответствии с Федеральным законом «О персональных данных», к биометрическим персональным данным относятся сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека (п. 1 ст. 11)¹. Чтобы такие сведения подпадали под действие указанного закона, надо, чтобы они соответствовали следующему признаку: цель их обработки оператором – возможность установления личности субъекта персональных данных.

Сама идея идентификации (установления личности) человека по его физиологическим данным не нова и не связана напрямую с цифровизацией. Истоки развития этой концепции возникли в криминалистике и имели прикладную цель, связанную с совершенствованием деятельности по раскрытию преступлений. В этом смысле основоположниками исследования биометрической идентификации можно назвать А. Бертильона² и Ф. Гальтона³.

Нередко в научных исследованиях биометрию квалифицируют как надежный, а потому эффективный способ замены множества паролей, логинов, других средств идентификации одним, имеющим биометрическую природу⁴.

В литературе приводятся разные точки зрения относительно целесообразности использования механизмов биометрической идентификации в разных сферах жизни. Не следует разделять крайних оценок возможности их использования, в частности, не поддерживаем мнение о том, «использование биометрических технологий способно привести не только к ограничению прав и свобод, но и к тотальному контролю над людьми, что угрожает безопасности государства»⁵. Однако их применение вызывает обоснованную озабоченность с точки зрения обеспечения прав человека. В частности, биометрия часто сопряжена

---

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

² Bertillon A. Identification anthropométrique: instructions signalétiques. Melun: Imprimerie Administrative, 1893. 148 p.

³ Гальтон Ф. Наследственность таланта, ее законы и последствия. 1875 г. пер. с англ.; СПб., 1875. 299 с.

⁴ Рассолов И. М. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы / И. М. Рассолов, С. Г. Чубукова, И. В. Микурова // Lex Russica. 2019. № 1 (146). С. 108–118.

⁵ Поперина Е. Н. Информатизация общества и частная жизнь // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 25. С. 53.

с нарушением границ частной жизни. Неизменный характер физиологических признаков, которые анализируются биометрической системой, создает неотъемлемый конфликт с требованиями обеспечения конфиденциальности. Когда биометрия применяется в контексте мониторинга поведения и наблюдения, опасения по поводу конфиденциальности, естественно, возрастают.

Перед судами других государств уже вставали вопросы правомерности использования систем биометрической идентификации. В качестве одного из знаковых прецедентов можно отметить решение Верховного суда Ямайки, который признал неконституционность системы идентификации этой страны и отменил действие закона «О национальной идентификации и регистрации». Аргументация суда связана с тем, что данная система нарушает нормы о неприкосновенности частной жизни. На момент судебного спора (2019 год) данный закон в силу не вступил. Он предусматривал создание центрального банка данных, который объединял бы идентификационную и демографическую информацию о людях на Ямайке. Отказ от регистрации в соответствии с новым законом стал бы уголовным преступлением.

Суд оценил положения оспариваемого закона в контексте конституционных традиций данной страны и пришел к выводу, что переход на цифровое удостоверение личности стал значительным изменением в ямайском обществе. Суд констатировал, что новая система выходит за рамки идентификации лиц и представляет собой хранилище биографической информации, которая потенциально может служить в качестве средства цифрового наблюдения со стороны государства¹.

Какие риски влечет введение биометрической идентификации? Вполне очевидно, что утечка данных, используемых для биометрической идентификации, опаснее, чем утечка или кража, допустим, паролей: если пользователь забыл пароль или он стал известен третьим лицам, его можно изменить, если

---

¹Supreme Court declares Jamaica Digital ID unconstitutional. URL: <https://dig.watch/updates/supreme-court-declares-jamaica-digital-id-unconstitutional> (дата обращения: 22.09.2023).

«скомпрометированы» биометрические данные, они скомпрометированы навсегда¹.

Биометрическая идентификация усиливает дискриминацию: результаты некоторых исследований показывают, что чем старше человек, тем хуже качество информации для биометрической идентификации. Исходя из этого, правомерен будет вывод о том, что обязательное использование биометрической идентификации может ограничить участие пожилых людей в общественных отношениях, которые связаны с биометрической идентификацией личности.

Кроме того, система биометрической идентификации хоть и надёжнее, чем другие инструменты идентификации, все-таки имеет определенную погрешность. Установлено, что биометрические данные, основанные на геометрии лица, могут быть изменены путем проведения лицевой пластики².

Результаты опросов показывают обеспокоенность населения развитием биометрических сервисов. В частности, опрос, проведенный ВЦИОМ в 2023 году, показывает, что граждане в целом нейтрально-отрицательно относятся к сдаче биометрических данных. Среди причин, называемых респондентами, приводятся следующие аргументы: вторжение в частную жизнь, нежелание, отсутствие нужды, недостаточная информированность. Аналитики указывают, что существуют две группы причин: слабая информированность и существующие предубеждения³.

Биометрические идентификаторы могут выступать в качестве «ключей», которые позволяют распознавать лица и использовать их в целях мониторинга поведения, что может обуславливать нарушения сферы частной жизни.

Таким образом, новые системы цифровой идентификации будут достигать своей цели только в том случае, если их создатели адекватно снизят любые риски потенциальной дискриминации и будут внедрять высокие стандарты

---

¹ Holden F. Securing public faith in biometrics // Biometric Technology Today. 2016. №9. P.7-9.

² Левашов М. Особенности введения биометрической идентификации // Бухгалтерия и банки. - 2018. № 6. С. 52–54.

³ Делиться биометрическими данными: выгоды и риски. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/delitsja-biometricheskimi-dannymi-vygody-i-riski> (дата обращения: 10.10.2023).

конфиденциальности и защиты данных для обеспечения права на неприкосновенность частной жизни.

Однако появление новых сфер, подпадающих под определение частной жизни, не единственное изменение, происходящее на фоне цифровизации с содержанием права на неприкосновенность частной жизни. Для того чтобы обеспечить надлежащую охрану сферы частной жизни, в законодательстве находят закрепления новые правомочия, в том числе:

- право на забвение,
- право на анонимность,
- право на доступ к информации о частной жизни,
- право на перенос данных, содержащих информацию о частной жизни,
- право на информационное самоопределение (право лица определять, как, кто и с какими целями может обрабатывать персональные данные лица и иную персональную информацию, касающуюся этого лица),
- право на защиту от недостоверной и деструктивной информации, распространяемой в цифровом пространстве.

Некоторые из указанных правомочий нашли свое отражение в законодательстве России и зарубежных стран, другие только предстоит закрепить.

Темпоральные ограничения права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации. Цифровизация ведет к тому, что остро встает вопрос, связанный с временными границами, которыми ограничено существование права на неприкосновенности частной жизни.

В юридической литературе не решен вопрос относительно момента, с которого начинается охрана частной жизни, в том числе охрана ее неприкосновенности. Обобщая взгляды юристов, можно выделить две точки зрения на этот вопрос. Согласно первой, охрана частной жизни начинается не со дня рождения, а того момента, когда субъект начинает осознавать «ценность» данного права. Другая позиция основывается на том, что право на частную жизнь принадлежит человеку с момента рождения.

Можно сделать вывод, что сфера частной жизни индивида должна охраняться с момента рождения. Иное представление об этом может привести к тому, что эта сфера будет не защищена вовсе.

В контексте анализа темпоральных границ существования частной жизни человека следует рассмотреть такое явление, как «шерентинг» (термин образован путем сложения двух английских слов «воспитывать ребенка» и «делиться»)¹. Указанное понятие охватывает случаи размещения родителями в социальных сетях информации о своих детях с фотографиями, сведениями, в том числе об их частной жизни.

Опасность данного явления состоит в том, что цифровой образ ребенка, формируемый родителями в социальном пространстве, может противоречить его истинным интересам, препятствовать реализации субъективных прав в будущем. Рискогенность данных действий родителей повышается и в связи с тем, что информацию, размещенную однажды в глобальной сети, невозможно (или практически невозможно) удалить.

Анализ зарубежного регулирования демонстрирует отсутствие общего подхода к защите детей от нарушений их приватного пространства родителями в форме «шерентинга». Российское законодательство исходит в этом вопросе из презумпции добросовестности родителей. Между тем, их интересы и интересы их ребенка могут не совпадать, что подтверждают данные социологических опросов (рис.3).

Рисунок 3 – Ссылка на статью диссертанта с описанием юридической природы «шерентинга»

---

¹ О социально-правовой природе «шерентинга» в контексте влияния на частную жизнь см. в публикации диссертанта: Авдеев, Д. А. «Шерентинг» как форма нарушения права ребенка на частную жизнь: сущность и перспективы регулирования // Вестник Академии права и управления. 2022. № 4(70). С. 5-8.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что индивид с рождения имеет право на неприкосновенность частной жизни (Конституция РФ наделяет таким правом *каждого*, не устанавливая никакие цензы: гражданства, возраста, пола и пр.). В силу этого в российском законодательстве должны быть определены меры защиты и охраны права ребенка на частную жизнь от потенциального нарушения не только третьими лицами, но и родителями (законными представителями), в частности:

- закреплена и конкретизирована обязанность родителей охранять и защищать право несовершеннолетнего на частную жизнь,
- создан механизм учета мнения ребенка относительно размещаемой родителями информации о нем,
- разработан и внедрен механизм удаления нежелательной для ребенка информации, в том числе обеспечена возможность ребенка предъявить требование администраторам цифровой платформы.

Учитывая распространенность «шерентинга», нельзя разделить позицию некоторых авторов, согласно которой частная жизнь подлежит охране только с того момента, как лицо может осознавать ее границы, различать категории «тайное» и «общеизвестное». Дополним аргументацию нашей позиции следующими доводами.

Во-первых, как видно на примере «шерентинга», в условиях цифровизации последствия нарушений сферы частной жизни, в том числе ее неприкосновенности, могут иметь «отложенный» эффект. Так, размещение фотографии ребенка, который не только не дал согласие на это, но и в принципе не понимает в силу возраста значение данного факта, может негативно сказаться в будущем (например, отрицательными последствиями может быть «буллинг» со стороны одноклассников, использование детского фото в противоправных целях и др.).

Во-вторых, если принять за истину позицию о том, что сфера частной жизни должна охраняться с того момента, как индивид начинает осознавать себя как личность, мы столкнемся с неопределенностью правового регулирования в этой

области, поскольку фактически определение границы будет зависеть от особенностей развития каждого конкретного человека. Сложности возникнут и с охраной частной жизни недееспособных, ограниченно дееспособных граждан.

Таким образом, вопрос с «нижней» темпоральной границей охраны сферы частной жизни должен быть решен следующим образом: частная жизнь подлежит охране с рождения индивида.

Далее остановимся на вопросе прекращения правовой охраны сферы частной жизни. Из предыдущих рассуждений следует, что фактически всё существование индивида в социальном пространстве получает цифровое «отражение», границы между виртуальным и реальным становятся иллюзорными. Как это ни парадоксально, но время существования цифровой личности выходит за пределы жизни человека и реальностью становится явление, называемое некоторыми авторами «цифровое бессмертие» («цифровое посмертие»). Иллюстрацией данному явлению может быть ситуация, когда после смерти владельца профиля в социальной сети сам аккаунт, который был им создан, остается доступным в сети Интернет и является, по существу, цифровым следом. Ввиду этого информация о частной жизни, персональные данные, результаты интеллектуальной деятельности, связанные со страницей, остаются под угрозой, не имея должной юридической охраны.

Понятие «цифровое бессмертие» охватывает два вида явлений: сам факт присутствия умершего в цифровом пространстве и наследование «цифровых останков»¹. Это явление обуславливает возникновение ряда технологических, этических проблем, имеющих правовое значение: не случайно данные проблемы рассматриваются в социологии, культурологии, правоведении, философии (в частности, в работах по этике).

Исследователи, изучающие данный вопрос в правовой доктрине, акцентируют свое внимание на актуальных и значимых вопросах, связанных с

---

¹ Назарова Ю. В. Этика посмертия в условиях цифровой реальности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2021. №2 (38). С. 34.

наследованием аккаунтов в социальных сетях, защиты персональных данных и информации о частной жизни после смерти их владельцев.

Анализ научных работ позволил выделить следующие социально-правовые последствия явления, которое именуется «цифровое бессмертие»:

- после смерти лица его страницу могут взломать, использовать личные данные в противоправных целях (например, чтобы вымогать деньги у родственников или порочить репутацию умершего);
- материалы, размещенные на страницах, могут признаваться результатами интеллектуальной деятельности, охраняемыми нормами гражданского права;
- родственники могут иметь правомерное желание увековечить память об умершем на личной странице, что также на данный момент не урегулировано.

Согласимся с Е. С. Гринь в том, что необходимо разграничивать доступ к аккаунту и наследование аккаунта как цифрового актива или как результата интеллектуальной деятельности, охраняемого по закону¹. Принципиальная разница состоит в том, что эти правомочия обеспечивают реализацию разных прав: в первом случае неимущественного права на неприкосновенность частной жизни, во втором – прав, сопровождающих наследование.

Автора, исходя из научной специальности, в рамках которой ведется данное исследование, интересуют прежде всего те юридические аспекты указанного явления, которые связаны с влиянием на сферу частной жизни личности.

Как ранее неоднократно отмечалось, в настоящее время информация о частной жизни индивида сохраняется в социальных сетях. Проблема распоряжения после его смерти информацией, размещенной на личной странице, уже стоит довольно остро. В условиях, когда продолжают развиваться технологии цифровой реинкарнации, важно защитить права умерших владельцев аккаунтов, в частности, их право на неприкосновенность частной жизни. Субъектом нарушения может быть и назначенный «хранитель» аккаунта, которому после смерти доверено обеспечивать владение аккаунтом.

---

¹ Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. №2 (135). С. 134.

Универсального механизма передачи права доступа не существует, тогда как, по некоторым оценкам, к 2070 году число страниц умерших превысит число страниц, которыми владеют живые пользователи¹. В 2000-х годах на фоне роста популярности социальных сетей возникали инциденты с профилями, которые оказывались недоступными родственникам пользователей. Тогда платформы стали принимать свои правила в отношении аккаунтов умерших.

Поскольку единого стандарта распоряжения цифровыми следами личности в настоящее время отечественное законодательство не предусматривает и отсутствует юридическая легальная интерпретация понятия «цифровое наследство», следует обратиться к существующей практике. Цифровые платформы, для которых уже актуальна проблема цифрового наследования, сейчас самостоятельны в решении этой проблемы и внедряют свои варианты ее решения. Некоторые ресурсы позволяют назначить хранителя страницы с весьма ограниченным функционалом (смена фотографии, публикация «прощального» поста, возможность удалить аккаунт).

В операционной системе «Apple» возможно назначить лиц, которые в случае смерти владельца хранилища получают доступ к аккаунту, причем таких лиц может быть до пяти человек. Программа имеет название «Цифровое наследие» стала².

В аккаунте «Google» можно настроить сервис «На всякий случай», который позволяет назначить ответственного пользователя, который сможет зайти в аккаунт в случае неактивности основного пользователя в течение определенного времени³.

Компания «Яндекс» не дает доступ к цифровым сервисам, которые предоставляет пользователям, их наследникам. Представляется, что данный подход оправдан тем, что данные сервисов содержат в том числе личную информацию. При неактивности пользователя его аккаунт в экосистеме «Яндекс» удаляется через два года.

---

¹ The dead may outnumber the living on Facebook within 50 years. URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/698549> (дата обращения: 10.12.2023).

² «Цифровому бессмертию» подбирают стандарт // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5130332> (дата обращения: 10.09.2023).

³ Сервис «На всякий случай». URL: <https://support.google.com/accounts/answer/3036546> (дата обращения: 10.09.2023).

Социальная сеть «Одноклассники» по заявлению родственников умершего пользователя может удалить его страницу или установить траурную рамку на фотографию владельца страницы¹. Ресурс «ВКонтакте» позволяет либо удалить, либо ограничить доступ к профилю, оставив его на платформе как память². Отдельно на сайте данной платформы отмечается, что сервис не предоставляет доступ к данным пользователей. Указанная мера позволяет защитить информацию о частной жизни гражданина.

Зарубежный опыт уже описан в научной литературе³. В разных странах выбраны различные варианты регулирования этих отношений.

Например, Верховный Суд ФРГ в одном из споров сделал заключение о том, что аккаунты в социальных сетях следует рассматривать в рамках закона о наследстве так же, как дневники и письма, которые могут передаваться по наследству⁴.

В Испании действует закон о защите персональных данных, включающий статью о цифровом завещании⁵.

В США в различных штатах приняты законы, которые предоставляют возможность получать доступ не только к электронной почте, но и к блогам, социальным страницам.

В Евросоюзе была принята Европейская декларация о цифровых правах и принципах, в которой, помимо права на защиту персональных данных и права на забвение, уже нашедших отражение, появились новые права, включая право

---

¹ Человек ушёл из жизни. URL: <https://ok.ru/help/kak-udalit-ili-zakryt-profil-polzovatelya-kotoryi-skonchalsya> (дата обращения: 10.09.2023).

² Как закрыть профиль человека, которого нет в живых? URL: <https://vk.com/faq18466> (дата обращения: 10.09.2023).

³ Романова А. Л. Технологии цифрового реинкарнирования личности в соотношении с правом на «Цифровую смерть» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. №4. С. 211–217.

⁴ Верховный суд Германии разрешил передавать по наследству аккаунты // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/204002/> (дата обращения: 01.09.2023)

⁵ Законодательство Испании в сфере защиты персональных данных // Центр правовой помощи гражданам в цифровой среде. URL: <https://4people.grfc.ru/analytics-and-legislation/international-and-foreign-acts/foreign-acts/ispaniya/> (дата обращения: 01.09.2023).

определить свое цифровое наследие и решить, что будет с общедоступной информацией, которая касается лица после его смерти¹.

Российские исследователи рекомендуют учитывать этот опыт в отечественном законодательстве, однако стоит также предусмотреть конкретные юридические механизмы, которые позволят обеспечить эти правомочия, а также инфраструктурно-программные средства выявления и пресечения противоправных деяний². Мы поддерживаем это предложение и также стоим на позициях того, что, помимо «декларационного» закрепления данного права, следует разработать детализирующие правовые нормы.

Следует учитывать, что перечень функций социальных сетей, почтовых сервисов, мессенджеров включает хранение и распространение информации (в том числе о частной жизни гражданина), а также возможность осуществления переписки с другими пользователями ресурсов. Иными словами, каждый, кто получит доступ к аккаунту, потенциально может нарушить право третьих лиц на тайну корреспонденции и право на конфиденциальность информации о частной жизни.

С учетом описанных обстоятельств целесообразно дополнить статью 152.2 Гражданского кодекса РФ следующим пунктом:

«6. После смерти гражданина данные для доступа к персональным страницам на сайтах в сети «Интернет», которые предназначены и (или) используются в целях осуществления переписки, хранения и распространения информации, могут быть предоставлены наследникам и иным лицам только по специальному распоряжению, сделанному гражданином при жизни, а также в случаях, определенных правовыми актами. Соответствующее распоряжение может быть сделано путем заполнения электронной формы на сайте».

Ограничения права на неприкосновенность в частной жизни в цифровой среде.

---

¹ European Digital Rights and Principles. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-principles> (дата обращения: 01.04.2024).

² Шарнина Л. А. Нормативно-правовое регулирование процессов цифровизации: конституционное измерение // Конституционное и муниципальное право. 2023. №2. С. 22–27.

Ограничение права – достаточно распространенный прием юридической техники, позволяющий упорядочить объем правомочий в целях недопущения вреда обществу, государству, другим лицам. Как справедливо отмечает Р.Б. Головкин, ограничители поведения существовали и «до права» (примером являются нормы-табу)¹, а многие и сейчас имеют смешанную природу, синкретически объединяя право и иные регуляторы (например, можно говорить о наличии морально-правовых ограничений, религиозно-правовых ограничений, квинтэссенция которых – религиозные заповеди).

Интерпретация текста Конституции РФ позволяет сделать вывод о наличии морально-правовых ограничений права на неприкосновенность частной жизни. Во-первых, как мы уже отмечали, сам факт признания права на неприкосновенность частной жизни в ст.23 Конституции РФ означает наличие защиты от чрезмерного правового регулирования данной сферы, иными словами, *ограничивает* приватную сферу от государственного вмешательства. Следовательно, указанные отношения регулируются преимущественно внеправовыми регуляторами. Во-вторых, в числе правовых оснований и ограничений прав и свобод (в том числе права на неприкосновенность частной жизни) в п.3 ст.55 названо нарушение норм морали (нравственности).

Законодательство Российской Федерации допускает отдельные случаи ограничения права на неприкосновенность частной жизни. Приведем некоторые из них:

- в связи с введением режима КТО и в целях защиты жизненно важных интересов личности и государства, пресечения и раскрытия террористического акта²,
- в целях проведения мероприятий, относящихся к борьбе с терроризмом, на основании постановления судьи и при наличии мотивированного ходатайства³,

---

¹ Головкин Р. Б. Специфика права на неприкосновенность частной жизни в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 3. С. 40–45.

² Федеральный закон от 06.03.2006 №35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006, №11. Ст. 1146.

³ Федеральный закон от 22.02.1995 «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

– в рамках оперативно-розыскных мероприятий при наличии информации «о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно, о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно, о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации»¹,

– в уголовном процессе на основании судебного решения².

Формально-юридический анализ указанных норм и некоторых других положений российского законодательства позволяет сделать вывод, что ограничить право на неприкосновенность частной жизни возможно при одновременной совокупности следующих условий:

- во-первых, данное ограничение должно быть предусмотрено в законе,
- во-вторых, в основном данные ограничения реализуются в рамках реализации «охранительной» функции права,
- в-третьих, решение об ограничении данного права принимается, как правило, в рамках судебной процедуры,
- в-четвертых, цель данных ограничений – защита конституционно значимых ценностей, прежде всего безопасность государства, защита прав и основных свобод человека и гражданина.

Представляется, что указанные условия должны соблюдаться и в случае ограничения права на неприкосновенность частной жизни в цифровом пространстве. Цифровизация общественных отношений обуславливает возникновение новых рисков для общественной безопасности ввиду следующих факторов: цифровая среда выступает пространством для коммуникации преступников, цифровые инструменты выступают средством обеспечения

---

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»// Собрание законодательства РФ. 1995. №33. Ст. 3349.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.

безопасности населения, появляются новые виды и формы противоправных деяний.

В связи с этим предусматриваются новые основания ограничения права на неприкосновенность частной жизни, некоторые из них воспринимаются в общественном сознании как чрезмерные.

Отслеживание поведения, прослушивание разговоров и перехват сообщений так или иначе осуществляются многими государствами. В связи с развитием технологий расширяется охват и проникновение систем наблюдения¹.

В связи с этим большое значение имеет установление перечня ограничений вмешательства в частную сферу и описание оснований и порядка их применения. Нельзя согласиться с тем, что они должны быть непременно закреплены на конституционном уровне, как предложила в диссертационном исследовании А. В. Преснякова², хотя бы по тому основанию, что отношения, связанные с цифровизацией, достаточно динамичны, а основные законы, как правило, содержат повышенные требования по внесению изменений в их текст. По этой причине норма права может не успевать за развитием общественных отношений. Представляется, что в конституционном тексте достаточно оставить общие условия ограничения права на неприкосновенность частной жизни, которые распространяются и на цифровую среду.

Противодействие деструктивным явлениям (в том числе терроризму) не является «козырной картой», которая автоматически оправдывает правомерность ограничения права на неприкосновенность частной жизни.

Еще одним событием, инспирировавшим дискуссии относительно правомерности ограничений права на неприкосновенность частной жизни, стала коронавирусная инфекция и объявленная в связи с ее распространением пандемия.

---

¹ Кудинов В. В., Микрикова С. А. Некоторые особенности ограничения права на неприкосновенность частной жизни в интересах обеспечения безопасности государства (на примере Китайской Народной Республики) // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 59–64.

² Преснякова А. В. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества: современный зарубежный опыт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2010. С. 22.

В медицинских и санитарных целях органы власти по всему миру собирали данные, в том числе информацию о частной жизни (инфицированных, вакцинированных, «контактных» лиц). Основанием для данных мер стала необходимость обеспечить безопасность граждан.

Едва ли в дискуссии о правомерности использования данных на фоне санитарных ограничений можно поставить точку, однако можно утверждать, что за это время в обществе сложились правила и критерии регулирования сбора данных:

- пандемия не должна служить оправданием для сбора обширных и ненужных данных;
- категория лиц, имеющих доступ к таким данным, должна быть ограничена только теми, кому эта информация необходима для назначения лечения, проведения исследований или иных аналогичных целей,
- публикуемая в средствах массовой информации и иных источниках информация об инфицированных и выздоровевших лицах должна быть ограничена¹.

Анализ приведенных выше примеров ограничений показывает, что необходимо найти баланс: с одной стороны, полномочия органов власти должны соответствовать угрозам реализации прав и свобод граждан, безопасности общества, с другой – общество должно допускать определенный уровень ограничений частной жизни, чтобы органы власти имели возможность защищать их права, в том числе – коллективные.

Таким образом, основные особенности права на неприкосновенность частной жизни, отражающие процесс цифровизации, проявляются в следующем.

Во-первых, в структуре права на неприкосновенность частной жизни находят закрепление новые правомочия, в том числе: право на забвение, право на анонимность, право на доступ к информации о частной жизни, право на перенос данных, содержащих информацию о частной жизни, право на информационное

---

¹ Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии / В. В. Блажеев, М. А. Егорова, А. Г. Барабашев [и др.]; под общей редакцией В. В. Блажеева, М. А. Егоровой; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва, 2020. 240 с.

самоопределение, право на защиту от недостоверной и деструктивной информации, распространяемой в цифровом пространстве.

Во-вторых, сфера частной жизни должна охраняться с момента рождения индивида, а информация о частной жизни, в том числе размещаемая в цифровых системах, защищаться и после его смерти. С учетом описанных обстоятельств нами предложены дополнения в статью 152.2 Гражданского кодекса РФ, направленные на обеспечение охраны информации о частной жизни на интернет-сайтах (в том числе в социальных сетях).

В-третьих, ограничения права на неприкосновенность в условиях цифровизации должны соответствовать уровню опасности рисков и угроз, детерминированных развитием цифровой среды.

3.3 Гарантии обеспечения неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации

Вопросы правового гарантирования, онтологической сущности правовых гарантий, их свойств, признаков и видов нашли широкое отражение на страницах научной юридической литературы. В доктрине вряд ли можно найти другую категорию, которая наряду с частым употреблением имела бы крайне широкую семантическую форму, в которую разные исследователи и практикующие юристы вкладывают различное содержание¹. Данному обстоятельству есть несколько объяснений.

Во-первых, термин «гарантия» используется в различных отраслях права и законодательства. Непосредственно данный термин или его производные встречается в нормах гражданского права (институт независимой гарантии как способа обеспечения обязательств, гарантийный срок), трудового права (применительно к обеспечению трудовых прав отдельных категорий работников), семейного права (Семейный кодекс РФ закрепляет перечень гарантий кредиторам

---

¹ Ибрагимов А. М. Понятие «Гарантии» в праве: общее и особенное в научной трактовке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. №2. С. 381–383.

при заключении, изменении, прекращении брачного договора¹). Более 20 раз он встречается в тексте Конституции РФ. Как видно, термин «гарантия» обозначает хотя и близкие по смыслу, но все-таки неодинаковые социальные явления, что затрудняет возможность единообразного толкования.

Во-вторых, в качестве гарантий можно рассматривать юридические явления, не называемые в тексте закона таковыми, но являющиеся ими по сути, что требует продолжения работы по общетеоретической разработке концептуальных основ данного правового института для выделения общих признаков и свойств гарантий. Указанное обстоятельство, наряду с некоторыми другими, и предопределяет широкий диапазон научных изысканий по данной теме.

В-третьих, категорию «гарантии» можно с известной степенью условности назвать тем механизмом, который позволяет реально воплотить декларируемые органами госвласти субъективные права личности. Действительно, одной из важных тенденций развития правового статуса личности является создание и укрепление системы гарантий². Иными словами, юридические гарантии – одно из условий реальности прав человека, в том числе и права на неприкосновенность частной жизни. Поэтому их изучение перспективно в контексте нашего исследования.

Что понимается под юридическими гарантиями прав граждан? В словарях русского языка предлагаются следующие синонимы термина «гарантия»: обеспечение, ручательство³. С позиции представителей экономической науки гарантия представляет собой «поручительство за выполнение определенным лицом денежных или вещественных обязательств, форму ответственности за выполнение

---

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. №1. Ст. 16.

²Алебастрова И. А. Развитие механизма гарантий прав и свобод человека и гражданина в современном мире: основные тенденции // Право и государство: теория и практика. 2015. № 1(121). С. 80.

³ Гарантия // Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/37366> (дата обращения: 09.02.2023).

принятых обязательств; форма соглашения, согласно которой при нарушении условий контракта банк выплачивает определенную неустойку»¹.

В юриспруденции, как уже отмечалось, данный термин чаще всего употребляется применительно к проблеме обеспечения прав граждан.

Согласно положениям ст. 164 Трудового кодекса РФ, под гарантиями следует понимать средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав в области социально-трудовых отношений².

С точки зрения конституционного права, чаще всего под гарантиями понимают некие средства, способы, приемы – словом, обстоятельства, которые обеспечивают реализацию и защиту прав. Так, Л. А. Гумеров отмечает, что гарантии есть «совокупность условий, правовых средств и способов, направленных на обеспечение эффективной реализации, а также охрану и защиту прав и свобод каждого (индивида и их объединений)»³. А. А. Мещгер под гарантиями понимает систему общих, юридических, организационных условий, средств (способов, приемов, методов), т.е. объективно сложившихся факторов и специально предпринимаемых мер, обеспечивающих реализацию и охрану прав⁴.

Важно отметить, что сам факт закрепления той или иной нормы в законодательстве иногда квалифицируется юристами как гарантия. Безусловно, в этом утверждении есть рациональное зерно, однако нам ближе позиция, согласно которой под гарантиями понимается «не только правовая обеспеченность (юридические гарантии), закрепленная в международном и внутригосударственном законодательстве, но и система экономических, политических, духовных и иных отношений, условий, факторов – без них

---

¹ Гарантия // Значение слова. URL: <https://znachenie-slova.ru/гарантия> (дата обращения: 09.02.2023).

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

³ Гумеров Л. А. Понятие и виды юридических гарантий реализации субъективных прав и свобод в научно-технической сфере // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2014. Т. 10. С. 7.

⁴ Мещгер А. А. Понятие гарантий прав граждан в юридической науке // Образование и право. 2019. №12. С. 23.

требования личности к обществу носили бы чисто формальный характер»¹. Иными словами, нельзя не согласиться с тем, что своего рода гарантиями являются, с одной стороны, сам факт признания и закрепления прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в Конституции и других нормативных актах государства, а с другой – непосредственное «обеспечение их всей правоохранительной деятельностью данного государства, общественно-политическими организациями, их должностными лицами и самой личностью»².

Ключевым моментом в дефинировании данного понятия является определение функционального предназначения гарантий. Впрочем, единства в ответе на этот вопрос не наблюдается.

С точки зрения одних авторов, гарантии – это те общие условия и специальные средства юридической техники, которые обеспечивают фактическую реализацию, надежную охрану и в случае нарушения – защиту прав и свобод человека и гражданина³.

Между тем, есть авторы, которые ставят под сомнение априорность и аксиоматичность такого подхода. Аргументация В. П. Малахова и Г. М. Лановой, например, связана с тем, что гарантия есть не всякое средство, обеспечивающее какой-либо процесс, а такое средство, которое исключает возможность его ненаступления. По мнению авторов, «гарантии есть предусмотренные нормами права и предоставленные ими в распоряжение гарантов (в конституционном праве таковыми выступают государственно-властные субъекты) средства нивелирования факторов, действие которых способно привести к ненаступлению значимого результата»⁴. Иными словами, гарантировать – значит обеспечивать с обещанием достижения результата.

---

¹ Болдырев С. Н. Гарантии как технико-юридические средства обеспечения прав и свобод личности // Общество и право. 2010. №5 (32). С. 19.

² Хазов Е. Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации: автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 17.

³ Болдырев С. Н. Указ. соч.

⁴ Малахов В. П., Лановая Г. М. Конституционно-правовые гарантии: сущность и роль в обеспечении прав и свобод человека и гражданина // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 9.

Именно свойством реальности термин «гарантирование» отличается от смежных: обеспечение, регулирование, страхование.

А. Н. Волчанская, выделив три подхода к термину, отмечает: понятием «гарантии» охватывается вся совокупность факторов объективного и субъективного характера, которые оказывают или способны оказывать позитивное воздействие на правовой статус личности в целом, права и свободы в частности¹.

В своей работе А. Г. Кунец предлагает следующую характеристику гарантий: «совокупность условий, средств и методов юридического и неюридического характера по обеспечению фактической реализации закрепленных в Конституции прав, свобод и обязанностей каждого отдельного человека и гражданина»².

Оценивая приведенные выше и некоторые другие определения, отметим следующее:

– гарантии есть юридические средства нивелирования факторов, определяющих невозможность наступления необходимого правового результата (например, реализации права, исполнения обязанности),

– гарантии не сводятся к нормативному закреплению прав и факторов их реализации, однако их юридическая формализация – необходимое условие их успешного воплощения и выполнения ими заложенной функции,

– как правило, гарантии выполняют обеспечительную функцию в совокупности, а не по отдельности.

С учетом проанализированных и некоторых других исследовательских позиций, лексического значения слова «гарантия» и отражения этого термина в законодательстве, можно сформулировать следующее определение.

Гарантии обеспечения неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации – совокупность предусмотренных объективным правом факторов, носящих социальный и несоциальный характер, реализация которых способствует

---

¹ Волчанская А. Н. Государственные гарантии защиты прав человека в России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С.9.

² Кунец А. Г. Современное понимание юридических гарантий обеспечения конституционных прав и свобод личности // Право.by. 2020. № 5(67). С. 12.

обеспечению защиты и охраны сферы частной жизни от постороннего вмешательства, связанного с развитием цифровых технологий.

Гарантии обеспечения неприкосновенности частной жизни выступают в качестве общей категории, объединяющей и гарантии реализации права на неприкосновенность частной жизни, и гарантии защиты и охраны права на неприкосновенность частной жизни.

Чаще всего гарантии подразделяются на общеправовые и специально-правовые¹. Несмотря на общепризнанность этой классификации, в научных исследованиях справедливо отмечается ее противоречивость². А. А. Мецгер, в продолжение этой классификации, предлагает делить гарантии на три группы: общие, юридические, организационные³.

Г. Н. Комкова считает, что среди видов гарантий прав человека можно выделить объективные, организационные и специальные⁴.

Некоторые авторы рассматривают бесплатную юридическую помощь как гарантию обеспечения прав граждан⁵.

А. Г. Кунец разделил специальные юридические гарантии на юридические гарантии реализации, юридические гарантии охраны данного права⁶.

---

¹ Воробьев Т. Н. Гарантия как правовая категория // Современное право. 2012. №10. С.13-14.

² Бочкарев И. Е. О месте правовой культуры в системе гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина // Вестник ННГУ. 2018. №2. С. 111.

³ Мецгер А. А. Институт гарантий прав граждан в теории правоприменительной деятельности. Монография. Гриф МУМЦ Профессиональный учебник. 2020. С. 3

⁴ Комкова Г. Н. Конституционные гарантии прав человека в России: понятие и классификация // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. №3 (39). С.31.

⁵ Кузнецова С. Д., Балашкина И. В. Оказание квалифицированной юридической помощи как гарантия прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / С. Д. Кузнецова, И. В. Балашкина // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2014. – № 5–4. – С. 188-191; Андреева О. И. Право потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи как одна из гарантий защиты его частных интересов / О. И. Андреева, П. О. Герцен, А. А. Рукавишников // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 5–19.

⁶ Кунец А. Г. Современное понимание юридических гарантий обеспечения конституционных прав и свобод личности // Право.by. 2020. № 5(67). С. 12.

По содержанию и видам деятельности гарантии можно выделить экономико-правовые, политико-правовые, социально-правовые, собственно-правовые; политические, социально-экономические, юридические¹.

В. Ю. Синюгин, взяв за основу критерий «средство, которое приоритетно обеспечивает существование гарантируемого объекта», выделяет экономические, политические, материально-технические, социальные, идеологические, организационные, координационные, информационные, правовые гарантии².

Г. Б. Романовский, непосредственно рассматривая вопросы гарантирования права на неприкосновенность частной жизни, выделяет общие и специальные гарантии. «Специальных гарантий, - отмечает автор, - выделяется много, но все они объединены одной целью — это создание юридического механизма реализации права на неприкосновенность частной жизни»³.

Р. Б. Головкин, И. Б. Жуган предложили разграничивать формы реализации юридических гарантий: гарантии реализации, гарантии правовой охраны и защиты, гарантии исполнения обязанностей по обеспечению частной жизни⁴.

Анализируя приведенные выше и некоторые другие исследовательские позиции, можно сделать вывод о том, что система гарантий обеспечения права на неприкосновенность частной жизни выглядит следующим образом.

По содержанию:

- а) общие гарантии (социальные, экономические, политические)
- б) специально юридические (собственно правовые) гарантии,
- в) организационные гарантии,
- г) идеологические гарантии,
- д) технические гарантии.

---

¹ Лупенко И. Ю. Конституционные гарантии правосудия // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. №1. С.32.

² Синюгин В. Ю. Административно-правовые гарантии в системе условий и средств реализации прав граждан // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. №3. С. 3–9.

³ Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни / Г. Б. Романовский. – Москва: Издательство «МЗ-Пресс», 2001. С. 187.

⁴ Головкин Р. Б., Жуган И. Б. Гарантии обеспечения неприкосновенности частной жизни // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 4(25). С. 53.

По форме:

- а) гарантии реализации,
- б) гарантии защиты,
- в) гарантии исполнения обязанностей, связанных с деятельностью по обеспечению неприкосновенности частной жизни.

В настоящем исследовании будем исходить из того, что общие гарантии не обладают спецификой по сравнению с гарантиями обеспечения прав в «доцифровую» эпоху, поэтому далее мы остановимся на закреплении специально юридических гарантий.

Специально-юридические (собственно правовые) гарантии

В настоящее время в Российской Федерации сформирован межотраслевой (общеправовой) механизм охраны и защиты (обеспечения) сферы частной жизни.

Его базой является конституционное положение, зафиксированное в статье 23 Конституции РФ, которое справедливо рассматривается как гарантия защиты тех сторон жизни, которые человек не хочет делать достоянием общественности¹.

Гражданский кодекс РФ охраняет частную жизнь гражданина как нематериальное благо, устанавливает общие запреты и ограничения распространения любой информации о частной жизни, определяет общие и специфические меры ответственности за нарушение данной нормы (ст. 152.2 Гражданского кодекса РФ).

Уголовное право в своем арсенале также имеет специфические средства, позволяющие обеспечить сферу частной жизни (статья 137 Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, а именно за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в

---

¹ Баглай М. В., Туманов В. А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С. 275.

публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации)¹.

Трудовой кодекс РФ не содержит в перечне прав работника специального правомочия, связанного с охраной частной жизни, однако это не означает, что частная жизнь работника не защищена нормами трудового законодательства. Глава 14 рассматриваемого нормативного правового акта содержит предписания, направленные на защиту персональных данных работника, которые могут содержать информацию о его частной жизни.

В связи с распространением практик дистанционной работы в нормах трудового законодательства ряда стран было отражено «право на офлайн» дистанционного работника. Данное право предусматривает юридическую возможность отказаться работнику, работающему вне места нахождения работодателя, от взаимодействия с его представителем в нерабочее время. Первой страной, в трудовом законодательстве которой появилось данное право, была Франция. В настоящее время данное право закреплено в правовых актах Бельгии, Франции, Греции, Италии, Словакии, Португалии, Ирландии и Испании².

Распространение и внедрение удаленной работы в период пандемии коронавирусной инфекции детерминировало нормотворческую активность законодателя в части регулирования труда удаленных работников, одним из результатов которой стало закрепление «права на офлайн» («право на отключение») в законодательстве Российской Федерации. Так, в ст. 312.4 Трудового кодекса Российской Федерации предусмотрено, что время взаимодействия дистанционного работника с работодателем включается в рабочее время. Некоторые практикующие юристы указывают на технико-юридическое несовершенство данной нормы. Однако сам факт ее введения, призванный укрепить защиту прав работников, должен рассматриваться не иначе, как положительно.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. №25. Ст. 2954.

² Колесов Д. И. Проблема «права на отключение»: европейский опыт // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №6. С. 88.

В основном «право на отключение» рассматривается в контексте права работника на отдых, как результат поиска баланса между работой и частной жизнью¹. Однако в условиях распространения цифровых технологий, в том числе используемых в целях контроля за поведением работника дома (мониторинг компьютера, данные о геолокации, видеонаблюдение), может рассматриваться в контексте охраны частной жизни, поскольку поведение в жилище безусловно охватывается нормами о приватности.

Важное значение отводится нормам, охраняющим оборот персональных данных. За их нарушение установлены меры административной ответственности.

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации сложился комплекс правовых норм, которые являются законодательными гарантиями обеспечения частной жизни.

В рамках рассмотрения данного вопроса нельзя обойти стороной дискуссию о необходимости разработки отдельного комплексного нормативного правового акта уровня федерального закона, который будет регламентировать частную жизнь. Такая позиция обозначена в научной литературе². Принять данный нормативный правовой акт предлагал Уполномоченный по правам человека в РФ еще в 2000 году³.

Принятие данного нормативного правового акта в настоящее время, на наш взгляд, является нецелесообразным.

Очевидно, что только лишь факт декларации права на неприкосновенность частной жизни в основном законе не достаточен для ее практической реализации, в силу чего должна быть обеспечена эффективная защита данного конституционного права, которая включает наличие органов, осуществляющих

---

¹ Мехдиев Т. Э. Право на отключение в фокусе принципа баланса между работой и личной жизнью // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5(221). С. 105.

² Овчинникова Ю. В. Право на неприкосновенность частной жизни: проблемы имплементации международных норм в современном российском законодательстве // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. 2015. № 4(6). С. 49–53.

³ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ в 2000 году. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/ezhegodnye-doklady/docs/doklad2000.pdf> (дата обращения: 03.03.2024).

деятельность по защите прав и свобод, а также пул эффективных средств для превенции нарушений и восстановления прав и свобод. Однако это не означает, что необходим отдельный нормативный правовой акт.

Приведенные доводы, как следует из предыдущих рассуждений, не связаны с отрицанием необходимости охраны и защиты данной сферы – мы полагаем, что принятие общего закона не является универсальным решением данной проблемы. Аргументируем свою позицию.

Во-первых, основной массив отношений частной жизни (семейные, дружеские, любовные связи, религиозные и иные внутренние убеждения) регулируется иными социальными нормативными и ненормативными социальными регуляторами, и государство правовыми средствами, скорее, очерчивает контур, разграничивающий личное и общественное.

Во-вторых, многие из предложений о принятии отдельного нормативного правового акта о частной жизни были сделаны до принятия закона о персональных данных, который, так или иначе, тоже является инструментом, охраняющим сферу частной жизни.

В-третьих, охрана отношений частной жизни осуществляется средствами различных отраслей права: гражданского, уголовного, административного, трудового. Принятие отдельного правового акта, в свою очередь, означает необходимость «вынести за скобки» определенные положения и объединить их воедино, что представляется затруднительным. В этих условиях совершенствование правового регулирования должно идти по пути развития данных законодательных актов, обеспечивающих различные «границы» частной жизни.

Например, учитывая конституционные предписания, считаем важным дополнить перечень принципов функционирования и ведения регистра сведений о населении в статье 2 Федерального закона от 08 июня 2020 года №168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о

населении Российской Федерации»¹, положением о том, что функционирование данного регистра базируется на принципе уважения частной жизни гражданина.

Право на отказ от использования цифровых технологий можно рассматривать как одну из гарантий обеспечения неприкосновенности частной жизни.

Дело в том, что повсеместно распространяются технические средства, которые собирают и агрегируют данные о гражданах в коммерческих и управленческих целях, внедряются практики перевода частных и публичных (государственных и муниципальных) услуг в электронную форму. Повсеместная цифровизация ведет к фактическому стиранию границ между частной и общественной сферами, право на приватность рискует стать «иллюзорным».

Данное, вызывающее беспокойство обстоятельство усугубляется тем, что ряд социально значимых государственных услуг полностью переведен в цифровую форму². Представляется, что для надлежащей защиты прав человека, в том числе в сфере частной жизни, следует предусмотреть возможность права на отказ от использования цифровых технологий или, по крайней мере, закрепить право использовать альтернативные цифровым способы взаимодействия с органами государственной власти и коммерческими организациями.

В зарубежной литературе описан феномен «цифрового невовлечения», под которым понимается намеренный отказ, ограничение или нежелание активно использовать цифровые технологии³. С середины 2000-х годов в России активно распространяется явление, в массовой психологии именуемое «цифровым детоксом», предусматривающее добровольный, как правило, временный, отказ от использования технологических устройств, коммуникации в сети Интернет. В

---

¹ Федеральный закон №168-ФЗ от 08.06.2020 «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. №24. Ст. 3742.

² Не выходя из дома: какие госуслуги можно получить только онлайн // Правительство Москвы. URL <https://www.mos.ru/news/item/8713073/?ysclid=11f0m6tuj8605858500> (дата обращения: 10.08.2023).

³ Kuntsman A., Miyake E. Paradoxes of Digital disengagement: Final Report. Working Papers of the Communities & Culture Network+. 2015. №6.

современной науке уже поставлен вопрос о принципиальной возможности (невозможности) «детокса» в условиях «Интернета вещей». Прогнозы даются неутешительные: если все предметы будут подключены к Интернету, то человек потеряет возможность жить вне цифровой среды¹.

В правовой доктрине такие идеи пока высказываются в постановочном смысле. В. Б. Наумов является сторонником юридического закрепления возможности отказа от использования внедряемых технологий².

А. А. Иванов и А. А. Волос предложили формулировку права на цифровизацию как субъективного права любого лица на восприятие и применение норм права при помощи цифровых средств, включая право на отказ от использования последних³. Указанные авторы выводят данное право из толкования норм Конституции РФ и настаивают на необходимости использовать традиционные формы коммуникации и получения услуг и информации.

Таким образом, независимо от наличия или отсутствия соответствующей возможности, у граждан должно быть право добровольно отказаться от использования цифровых технологий при том, что они не будут ущемлены в правах.

Для надлежащей реализации конституционных норм о равенстве, неприкосновенности частной жизни имеет смысл на фоне набирающей объемы цифровизации принять ряд следующих мер:

– закрепить право выбора, использовать или не использовать информационные технологии (данную норму можно включить в законодательство о государственных услугах),

---

¹ Юдина М. А. Интернет вещей: проблемы социальной экспертизы // Коммуникология. 2017. Т. 5, № 2. С. 50–68.

² Наумов В. Б. Отказ от цифровых технологий: абсурд или новое право человека и гражданина / В. Б. Наумов // Бачиловские чтения: Материалы четвертой международной научно-практической конференции, Москва, 05–06 февраля 2022 года/ Институт государства и права РАН. – Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2022. С. 78–84.

³ Волос А. А., Иванов А. А. Цифровизация и Конституция / А. А. Волос, А. А. Иванов // Закон. 2022. № 12. С. 34–45.

- создать систему защиты прав тех, кто не может, не хочет использовать новые технологические решения в социально значимых сферах,
- определить перечень сфер, которые будут «защищены» от существования в исключительно «цифровой» среде.

Организационные гарантии являют собой систему государственных и негосударственных органов и организаций, которые в пределах своей компетенции или в рамках целей и задач деятельности осуществляют реализацию субъективных прав и исполнение обязанностей в процессе обеспечения неприкосновенности частной жизни, в том числе – в цифровой среде.

В данном случае идет речь о деятельности специализированных органов и учреждений, в функциональную компетенцию которых входят обеспечение приватности пользователя, надзор за оборотом данных.

«Функциями таких служб является рассмотрение жалоб граждан на вторжение в их частную жизнь, контроль над исполнением соответствующих законов, экспертиза законотворческих инициатив, выпуск рекомендаций по сбору и обработке персональных данных»¹.

В Австралии существует профильный орган, возглавляемый комиссаром по защите права на неприкосновенность частной жизни. В Великобритании на национальном уровне система защиты частной жизни включает независимого Национального регистратора по защите данных, общенациональный суд по защите данных².

В Российской Федерации отдельного государственного органа специальной компетенции, единственные и исключительные полномочия которого были бы связаны с защитой права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации, на данный момент нет.

---

¹ Полищук, С. В. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век / С. В. Полищук // Гуманитарный вестник ВА РВСН. 2019. № 3 (16). С. 169.

² Хуаде А. Х. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни и механизм его обеспечения (исследование зарубежного опыта) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. №4 (148). С. 161.

Тем не менее будет неверным утверждение о том, что эта сфера вышла из внимания государственных органов. С учетом того обстоятельства, что одной из «граней» защиты сферы частной жизни является контроль за оборотом персональных данных, важную роль играет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Именно на этот орган в соответствии с положением о его деятельности¹ возложены функции Уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных.

К полномочиям Роскомнадзора, в том числе, относится осуществление федерального государственного контроля (надзора) за обработкой персональных данных, обращение в суд с исковыми заявлениями в защиту прав субъектов персональных данных и неопределенного круга лиц, привлечение к административной ответственности лиц, виновных в нарушении Федерального закона «О персональных данных», рассмотрение жалоб и обращений по вопросам, связанным с обработкой персональных данных, ведение реестра операторов, осуществляющих обработку персональных данных, ограничение доступа к информации, обрабатываемой с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных².

Для реализации названных функций Роскомнадзором создан Центр правовой помощи гражданам в цифровой среде. Анализируя его учредительные документы, можно сделать вывод, что он не обладает юрисдикционными полномочиями. Он функционирует как структурное подразделение ФГУП «Главный радиочастотный центр» (учреждение, подведомственное Роскомнадзору). Данная организация была образована в 2021 году с целью защиты прав и интересов граждан при нарушениях и незаконных действиях, которые связаны с использованием персональных

---

¹ Постановление Правительства от 16 марта 2009 г. № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // В данном виде опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Правительства от 16 марта 2009 г. № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // В данном виде опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

данных¹. На данный момент (2024 год) офисы центра находятся в четырех городах: Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске. На безвозмездной основе специалисты Центра консультируют граждан о правах и способах их защиты, помогают обратившимся подготовить юридические документы, защищают интересы граждан в суде. Результаты работы представлены на сайте Центра. Согласно данным отчета, за два года работы (2021–2023) за правовой помощью обратились 4176 граждан, было подготовлено 3414 документов (претензий, заявлений и иных), 134 исковых заявления (из них 50 удовлетворены судом)².

Не оспаривая успешность этой практики, для совершенствования защиты прав граждан в цифровом пространстве можно реализовать следующие предложения:

- расширить направления деятельности центра, сместив акцент с нарушений прав субъектов персональных данных на все нарушения, возникновение которых опосредовано развитием цифровых технологий,
- следует расширять «географию присутствия» офисов центра (или, как минимум, официальных представительств) в целях того, чтобы качественную правовую помощь могли получить как можно больше граждан России.

Следует продолжить рассмотрение институтов, обеспечивающих защиту и охрану права граждан на частную жизнь. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации как конституционный институт, созданный для обеспечения дополнительных гарантий реализации и защиты прав и свобод, также осуществляет функции по охране прав человека в цифровом пространстве, в том числе права на неприкосновенность частной жизни. Данный вывод можно сделать исходя из анализа текстов ежегодных докладов Уполномоченного по правам человека в РФ. Поскольку выводы Уполномоченного по правам человека в РФ

---

¹ В России создан Центр правовой помощи гражданам в цифровой среде // Роскомнадзор. URL: <https://82.rkn.gov.ru/news/news310158.htm> (дата обращения: 01.11.2023).

² Роскомнадзор // «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall-76229642_264473 (дата обращения: 20.10.2023).

основаны на анализе обращений и социологических замерах, выводы и сделанные рекомендации представляются важными для правоприменителей.

Определенной традицией стало выделение в докладах омбудсмена специального раздела, связанного с проблемными аспектами обеспечения прав личности на фоне развития высоких технологий. В Докладе за 2020 год – «Права человека в условиях развития информационных технологий», в Докладе за 2021 год выделен раздел «Право на доступ к цифровым технологиям», в Докладе за 2022 год, несмотря на отсутствие специального параграфа или главы, проблемы цифровых прав граждан прошли «сквозной нитью».

Гарантирующие функции выполняют и другие органы, как-то: Прокуратура Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Следственный комитет РФ, суды и другие.

Идеологические гарантии.

Развитие и активное внедрение цифровых технологий влечет необходимость адаптации к ним социума, умения ориентироваться в них и функционировать в новом – цифровом – пространстве. Совокупность знаний и навыков ориентации в правовом пространстве традиционно охватывается понятием «правовая культура».

Правовая культура, будучи полиструктурным образованием, включающим различные элементы¹, бесспорно, обладает свойствами, которые присущи правовым гарантиям, поскольку ее высокий уровень у отдельной личности, социальной группы и общества в целом способствует снижению числа нарушений права на неприкосновенность частной жизни (иными словами, обеспечивает, гарантирует ее охрану и защиту). Тем не менее ведутся дискуссии относительно отнесения данного явления к той или иной группе гарантий. Например, некоторые авторы относят правовую культуру к духовным предпосылкам², социально-

---

¹ Ромашов Р. А. Правовое знание и юридическое мышление как системные элементы правовой культуры // Право и государство: культурологическое измерение, Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2020. С. 32–35.

² Рассказов Л. П. Теория государства и права: Учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2010. С. 180–182.

правовым условиям¹. Большинство авторов причисляют правовую культуру к числу идеологических, духовных гарантий, которые, в свою очередь, относятся к числу «общих гарантий»². Можно утверждать, что общий уровень культуры есть разновидность общих гарантий, а высокий уровень цифровой культуры в контексте нашей темы относится к числу специальных гарантий. Данное обстоятельство обусловлено «сложностью» цифрового пространства и необходимостью адаптации к нему социума.

В целях расширения понятийно-категориального аппарата общей теории государства и права и исходя из практических соображений формирования у населения необходимых навыков и компетенций, перейдем к характеристике данного явления.

Вначале следует определиться с соотношением понятий «цифровая культура» и «цифровая правовая культура». Вполне очевидно, что они соотносятся как общее и частное. С одной стороны, цифровая правовая культура является составной частью общей культуры и правовой культуры. С другой стороны, она обладает определенными признаками и свойствами, присущими исключительно ей, что и определяет специфику этого явления.

В самом общем виде цифровая культура предполагает, что «человек обладает цифровой грамотностью и придерживается так называемой цифровой этики»³. Раскрывая понятие «цифровая правовая культура», нужно подчеркнуть, что речь идет о совокупности знаний и навыков, позволяющих личности правомерно вести себя при осуществлении коммуникации в цифровой среде.

Основой цифровой культуры как единства гносеологического, мотивационного и деятельностного компонентов является цифровая грамотность (гносеологический компонент). При этом важно подчеркнуть, что цифровая

---

¹ Нудненко Л. А. Конституционное право: Учебник для СПО. 5-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2017. С. 249.

² См., например: Умиев А. И. Гарантии прав личности в конституционном праве Российской Федерации и международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 11.

³ Панышин Б. Цифровая культура: теория и практика // Наука и инновации. 2021. № 8(222). С. 47.

культура не тождественна понятию цифровая грамотность, а ее содержание не ограничивается знанием основ работы с информационными системами и цифровыми сервисами и включает в себя также умение ими пользоваться.

Причины, способствующие формированию цифровой культуры общества, аналогичны факторам, влияющим на формирование цифровой правовой культуры. В историческом плане цифровая культура зиждется на информационной культуре:

«1. Историческая эволюция информационной сферы общества вызвала значительные социально-технические изменения и привела к увеличению объема общественно доступных информации и знаний.

2. Данный процесс сопровождался появлением и развития определенных исторически обусловленных технологических систем, определяющих способ формирования, хранения, защиты и передачи информации.

3. Вследствие развития информационной сферы и обслуживающих ее технологий возник ряд новых для общества информационных опасностей»¹.

Насколько в нашей стране сильны традиции культуры защиты частной жизни? Еще в конце 1990-х годов В. П. Иванский отмечал, что «основными причинами неадекватности отечественных средств правовой защиты частной жизни» он считает «отсутствие в России гражданских и правовых традиций защиты права на неприкосновенность частной жизни»². Действительно, ранее человеку для осуществления коммуникаций (в том числе правовых) и нормальной жизнедеятельности не требовалось работать с большими потоками информации, находиться в них ежедневно, следовательно, ему не требовались специальные навыки вовсе или требовались ограниченно. В настоящее время высокий уровень цифровой правовой культуры – необходимое условие для защиты прав личности в цифровом пространстве, в том числе права на неприкосновенность частной жизни.

---

¹ Захаров М. Ю. Цифровая культура - исторический этап развития информационной культуры общества / М. Ю. Захаров, И. Е. Старовойтова, А. В. Шишкова // Вестник университета. 2020. № 5. С. 203.

² Иванский В. П. Теоретические проблемы правовой защиты частной жизни в связи с использованием информационных технологий: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Москва, 1998. 20 с.

Структурно правовая культура в сфере обеспечения неприкосновенности частной жизни состоит из норм, правил, ценностей и действий, которые связаны с охраной личностью информации о своей частной жизни (в том числе об идентификаторах, используемых в цифровой среде) и уважением границ частной жизни другого лица.

Таким образом, с одной стороны, высокий уровень правовой культуры граждан обеспечивает соблюдение ими уважения прав и свобод других лиц, в том числе права на неприкосновенность частной жизни. С другой стороны, высокий уровень правовой культуры позволяет гражданам самостоятельно выстраивать стратегию самозащиты при знании основных правил обращения с информацией о частной жизни.

Формирование правовой культуры – сложный процесс, на который влияют различные социально-правовые детерминанты.

О. Л. Солдаткина видит два основных направления деятельности в целях повышения уровня цифровой правовой культуры: воспитание и обучение цифровым навыкам, работа с населением¹. Причем значение правового воспитания кратно возрастает не только в сфере цифровой грамотности, но и в других сферах тоже².

Рисунок 4 – Разработанная диссертантом Концепция формирования правовой культуры в цифровой среде

В целях формирования правовой культуры для обеспечения права на неприкосновенность частной жизни в цифровом пространстве можно предложить проведение образовательных мероприятий в целях повышения осведомлённости о возможных угрозах и способах защиты в цифровом пространстве, распространение

---

¹ Солдаткина О. Л. Цифровая правовая культура в судебном заседании / О. Л. Солдаткина // Правовая культура. 2021. № 3(46). С. 118.

² Степаненко Р. Ф. Современные проблемы правового воспитания: теоретико-правовые и социально-философские аспекты / Р. Ф. Степаненко, А. В. Солдатова, Г. Н. Степаненко // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11(227). С. 24–27.

материалов социальной рекламы относительно правил информационной безопасности в онлайн-среде (рис.4). Очевидно, что в этой деятельности должны быть задействованы и органы публичной власти, и субъекты гражданского общества.

Технические гарантии.

В современных условиях кратно возрастает роль технических гарантий среди прочих условий, защищающих и охраняющих сферу частной жизни. Разработанные системы шифрования, системы идентификации (в том числе биометрической) позволяют защитить информацию о частной жизни лица. Например, система GPS позволяет без использования конфиденциальной информации передавать информацию о географическом расположении.

Особое место в данной группе гарантий занимают технические средства, которые находят активное развитие в контексте совершенствования «Интернета вещей». «Интернет вещей», или IoT, — это быстрорастущая сеть взаимосвязанных предметов, встроенных в датчики для сбора и обмена данными через Интернет без необходимости вмешательства человека¹. Именно IoT становится магистральной формой сбора данных, которая позволяет повысить эффективность работы технологий искусственного интеллекта². Несмотря на то что приложения «Интернета вещей» постоянно развиваются, чтобы сделать нашу жизнь более комфортной, безопасность пользователей и конфиденциальность данных по-прежнему остаются значимыми проблемами³.

В этой связи стоит упомянуть концепцию «встроенной конфиденциальности» (конфиденциальности «по умолчанию»). Данная концепция нашла свое отражение в законодательстве и практике Европейского Союза и

---

¹ Karale A. The Challenges of IoT addressing Security, Ethics, Privacy and Laws // Internet of Things. 2021. №15. Available online 16 June 2021. URL: <https://doi.org/10.1016/j.iot.2021.100420> (дата обращения: 29.09.2023).

² Bartlett J. The People vs Tech – how the internet is killing democracy (and how we save it). Dutton – Penguin Random House LLC., New York, 2018.

³ Karale A. The Challenges of IoT addressing Security, Ethics, Privacy and Laws // Internet of Things. 2021. №15. Available online 16 June 2021. URL: <https://doi.org/10.1016/j.iot.2021.100420> (дата обращения: 29.09.2023).

заключается в применении «технических и организационных мер, направленных на минимизацию собираемых персональных данных, псевдонимизацию и шифрование данных, удаление данных, утративших актуальность»¹.

К техническим гарантиям относятся также специальные программы, позволяющие обеспечить анонимность в Интернете и при использовании технологий. В частности, некоторые антивирусные программы предлагают возможности защиты от сбора данных, функционируют «мессенджеры» со сквозным (end-to-end) шифрованием.

С учетом того, что защита от негативной информации тоже одна из составляющих компонентов частной жизни, необходимость защиты которого в постоянном информационном потоке очевидна, к техническим гарантиям можно отнести разного рода системы «фильтрации» информации. Их деятельность заключается в блокировке различной информации, запрещенной к распространению на территории нашей страны².

Резюмируя содержание настоящего параграфа, следует обратить внимание на полученные результаты и сделанные выводы. Как было установлено, под гарантиями неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации можно понимать совокупность предусмотренных объективным правом факторов, носящих социальный и несоциальный характер, реализация которых способствует обеспечению защиты и охраны сферы частной жизни от постороннего вмешательства, связанного с развитием цифровых технологий.

Система гарантий неприкосновенности частной жизни включает в себя общие гарантии (в том числе экономические, политические, социальные) и специальные гарантии. Для усиления гарантирующей функции права и в целях надлежащей защиты прав человека в сфере частной жизни следует юридически

---

¹ Волков В. Э. Публично-правовое регулирование цифровых технологий: блокчейн, искусственный интеллект, виртуальная реальность: учебное пособие / В. Э. Волков. Самара: Издательство Самарского университета, 2023. С.78.

² Анисимова А. С. Техничко-правовые нормы регулирования отношений в сети Интернет // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 года) / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 231.

оформить и закрепить *право на отказ от использования цифровых технологий* в социально значимых сферах (обращение в органы власти, заключение публичных гражданско-правовых договоров и др.).

Подводя итог, нельзя не отметить, что, только функционируя в совокупности и системном единстве, гарантии реализуют свои функции и способствуют обеспечению неприкосновенности частной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании разработаны концептуальные основы теории правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации общественных отношений. В процессе работы над диссертацией было раскрыто содержание механизма правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации, но и составлено представление об указанном феномене как о сложном, многоаспектном явлении.

Проведенное исследование позволило прийти к выводам, изложенным как в основном тексте исследования, так и ниже.

Представленный обзор научной литературы позволяет выявить четыре подхода к определению понятия «частная жизнь» в зависимости от способа формирования дефиниции: перечневый (институциональный), описательный, «от противного» (логико-отрицательный), субъективный. Анализ релевантных доктринальных позиций позволил разработать сущностный (субстанциональный) подход к определению частной жизни.

Основываясь на том, что цифровизация в широком смысле представляет собой внедрение цифровых технологий во все сферы деятельности человека, повышающих эффективность деятельности и качество жизни, сделан вывод о том, что она [цифровизация] комплексно влияет и на содержание, и на особенности реализации прав в сфере частной жизни.

Отдельно в работе были выявлены методологические основы исследования проблемы. В исследовании обоснована необходимость придерживаться широкого подхода к трактовке методологии, согласно которому основными компонентами методологии являются не только собственно методы, но и мировоззренческие установки, принципы, основные понятия и категории.

Опираясь на разработанные в первой главе исследования понятия, категории, концепции, имеющие методологические значения, мы осуществили анализ

общетеоретических закономерностей функционирования механизма правового регулирования в цифровой среде.

Было выявлено, что он обладает следующими особенностями:

- регуляторный механизм сочетает технические и социальные (юридические и неюридические, например, нормы «цифровой этики») средства,
- юридические средства, включаемые в механизм правового регулирования цифровой среды, имеют межотраслевой характер,
- возрастает значение инструментов «мягкого права», в том числе за счет использования механизмов саморегулирования,
- юридические нормы не всегда реализуют прогностическую функцию моделирования желаемых общественных отношений, а выступают в качестве средств фиксации «стаус-кво» или правил, выработанных участниками цифровых отношений самостоятельно («догоняющее регулирование»).

Разновидностью механизма правового регулирования отношений в условиях цифровизации является механизм правового регулирования сферы частной жизни. В диссертационном исследовании обоснована его интегративная сущность, заключающаяся в сочетании различных социальных регуляторов, призванных упорядочить отношения в сфере цифровизации частной жизни, в комбинировании механизмов правового регулирования, саморегулирования и локального регулирования, в сочетании способов регулирования.

Были выявлены и охарактеризованы различные формы взаимодействия между средствами регулирования: взаимообусловленность, конфронтация, кооперация, иррелевантность. Сделан вывод о том, что право во многих случаях должно поддерживать функционирование неюридических социальных регуляторов (например, этики, этикета), охранять то, что добровольно принято обществом и соблюдается индивидами.

В исследовании были описаны трансформации, происходящие с отдельными элементами правового статуса личности в условиях цифровизации, на основе чего сделан вывод о том, что цифровой правовой статус личности – юридически закрепленное положение субъекта в цифровом пространстве, выражаемое в

определенном объеме прав, свобод, обязанностей, ответственности, гарантий и других элементов, некоторые из которых являются «цифровым воплощением» традиционных, появление остальных детерминировано развитием технологий.

Далее были выявлены основные особенности права на неприкосновенность частной в жизни, отражающие процесс цифровизации:

– в структуре права на неприкосновенность частной жизни находят закрепление новые правомочия, в том числе: право на забвение, право на анонимность, право на доступ к информации о частной жизни, право на перенос данных, содержащих информацию о частной жизни, право на информационное самоопределение, право на защиту от недостоверной и деструктивной информации, распространяемой в цифровом пространстве.

– сфера частной жизни должна охраняться с момента рождения индивида, а информация о частной жизни, в том числе размещаемая в цифровых системах, защищаться и после его смерти,

– ограничения права на неприкосновенность в условиях цифровизации должны соответствовать уровню опасности рисков и угроз, детерминированных развитием цифровой среды.

В исследовании рассмотрены явления «шерентинга», социального скоринга, биометрической идентификации как факторов, создающих риски для защищенности приватной сферы личности.

Обосновано, что под гарантиями неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации можно понимать совокупность предусмотренных объективным правом факторов, носящих социальный и несоциальный характер, реализация которых способствует обеспечению защиты и охраны сферы частной жизни от постороннего вмешательства, связанного с развитием цифровых технологий.

В теоретических и прикладных целях автором разработана система гарантий неприкосновенности частной жизни, которая включает в себя общие (в том числе экономические, политические, социальные) и специальные гарантии.

Для усиления охранительной функции права и в целях надлежащей защиты прав человека в сфере частной жизни следует юридически оформить и закрепить право на отказ от использования цифровых технологий в социально значимых сферах (обращение в органы власти, заключение публичных гражданско-правовых договоров и др.).

Таким образом, в процессе исследования задачи решены, поставленная цель достигнута.

Тем не менее учитывая многоаспектность выбранной темы, отметим, что актуальными направлениями дальнейших исследований в этой сфере могут стать:

- отраслевые аспекты (цивилистические, уголовно-правовые, конституционно-правовые, информационно-правовые и др.) влияния цифровизации на совокупность отношений в сфере частной жизни,
- правовые последствия внедрения в общественную практику цифровых технологий (искусственный интеллект, распределенные реестры, «интернет вещей» и др.) с точки зрения обеспечения защищенности частной жизни,
- юридические аспекты влияния цифровых технологий на отдельные стороны, сферы частной жизни (семейные отношения, внутренние (религиозные, политические и др.) убеждения, сферу дружбы, любви и пр.),
- направления влияния цифровых технологий на правосознание, правовую культуру, разработка мер, направленных на усиление действия гарантий обеспечения охраны и защиты частной жизни в условиях цифровизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Российская газета. – 2020. – № 144. – 04 июля.
2. Всеобщая декларация прав человека [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.] // Российская газета. – №67. – 1995 – 05 апреля.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах [Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
4. О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации: федер. закон: [от 08.06.2020 №168-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №24. – Ст. 3742.
5. О персональных данных: федер. закон: [от 27.07.2006 №152-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.
6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон: [от 27.07.2006 №149-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31 (1 ч.). – Ст. 3448.
7. О противодействии терроризму: федер. закон: [от 06.03.2006 №35-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №11. – Ст. 1146.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон: [от 30.12.2001 № 197-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [от 18.12.2001 №174-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2001–. №52 (ч. I). – Ст. 4921.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [от 13.06.1996 №63-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – №25. – Ст. 2954.

11. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [от 29.12.1995 №223-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 16.
12. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон: [от 12.08.1995 № 144-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. –1995. –№33. – Ст. 3349.
13. О федеральной службе безопасности: федер. закон: [от 22.02.1995 №40-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон: [от 21.10.1994 № 190-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. –№32. – Ст. 3301.
15. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ: [от 9 ноября 2022 г. № 809] // Собрание законодательства Российской Федерации. –2022. –№ 46. – Ст.7977.
16. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ: [от 7 мая 2018 года № 204] // Собрание законодательства Российской Федерации. – №20. –2018. –Ст. 2817.
17. О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Постановление Правительства: [от 16 марта 2009 г. № 228] // В данном виде опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
18. Конституция Союза Советских Социалистических Республик 1936 г. // Известия Центрального исполнительного комитета. –1936. – 16 декабря. (утратила силу)
19. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ [№1632-р от 28 июля 2017 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – №32. –2017. – Ст.5138. (утратило силу).
20. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО/МЭК 18028-1-2008 // Вестник Росстандарта. № 1. 2008. № 523-ст (утратил силу).

Материалы судебной практики судов Российской Федерации

21. По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой: Постановление Конституционного Суда РФ: [от 13.01.2020 № 1-П] // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. – №1.

22. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ: [от 28.06.2012 №1253-О] // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

23. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ: [от 09.06.2005 № 248-О] // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

24. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богородицкого Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 5 Закона Российской Федерации «О милиции»: Определение Конституционного Суда РФ: [от 27.05.2010 № 644-О-О] // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

25. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда: [от 26.01.2010 № 158-О-О] // Документ опубликован не был. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

26. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции: [№ 88-14171/2023 от 03 июля 2023 года] // ГАС «Правосудие». – URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_

id=13561565&case_uid=e5b86900-0047-4bef-a99e-2c7106bd5147&new=2800001&delo_id=2800001.

27. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции: [от 16 июля 2020 г. по делу № 88–9915/2020] // Документ опубликован не был. – Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Нормативные правовые акты и официальные документы иностранных государств

28. European Digital Rights and Principles. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-principles>.

29. Конституция Кыргызской Республики: [от 27 июня 2010 г.]//. Официальный сайт Правительства Кыргызской Республики. URL: http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru (дата обращения: 18.01.2021).

30. Конституция Республики Беларусь: [от 15 марта 1994 г.] // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875&q_id=1671620 (дата обращения 02.04.2023).

31. Конституция Республики Узбекистан: [от 8 декабря 1992 г.] // Официальный сайт Конституционного Суда Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30433237 (дата обращения: 10.01.2021).

32. О телекоммуникациях: Закон Республики Эстония. URL: <http://electrosvyaz.com/forum/viewtopic.php?t=12923> (дата обращения: 29.12.2022).

Монографические исследования

33. Александров, Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н.Г. Александров. – М.: Госюриздат, 1961. – 271 с.

34. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1966. – 187 с.

35. Баглай, М.В., Туманов, В.А. Малая энциклопедия конституционного права /М.В. Баглай М., 1998. –516 с.

36. Байтин, М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – М., 2005. – 544 с.
37. Вайпан, В. А. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики / В. А. Вайпан – М.: Юстицинформ, 2019. – 376 с.
38. Гальтон, Ф. Наследственность таланта, ее законы и последствия / Ф. Гальтон. – СПб, 1875. – 299 с.
39. Головкин, Р. Б. Морально-правовое регулирование частной жизни в современной России: монография / Р. Б. Головкин; Владимир: ВЮИ Минюста России, 2004. – 380 с.
40. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило. – М.: Норма – ИНФРА-М., 2022. – 244 с.
41. Красавчикова, Л. О. Личная жизнь граждан под охраной закона / Л. О. Красавчикова. М.: 1983. – 160 с.
42. Малеина, М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М.Н. Малеина. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001. – 244 с.
43. Малышкин, А. В. Интегрированная юрисдикция: теория и практика / А. В. Малышкин. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2023. – 360 с.
44. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев. – Красноярск, 1989. – 203 с.
45. Мещер, А. А. Институт гарантий прав граждан в теории правоприменительной деятельности: монография / А. А. Мещер. «Профессиональный учебник». – 2020. – 111 с.
46. Пикуров, Н. И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности: монография / Н. И. Пикуров. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 207 с.

47. Право цифровой среды: монография / под редакцией Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. – 896 с.

48. Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии / под общей редакцией В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. – Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва, 2020. – 240 с.

49. Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире: монография / отв. ред. А. Е. Постников. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 248 с.

50. Романовский, Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни / Г. Б. Романовский. – М.: МЗ-Пресс, 2001. – 312 с.

51. Савельев, А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» / А.И. Савельев. – М.: Статут, 2017. –164 с.

52. Шабалин, А. В. Методологические вопросы правоведения / А. Б. Шабалин. – Саратов, 1972. – 226 с.

53. Шваб, К. Технологии Четвертой промышленной революции / Клаус Шваб, Николас Дэвис. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с.

54. Bartlett J. The People vs Tech – how the internet is killing democracy (and how we save it). Dutton – Penguin Random House LLC., New York, 2018.

55. Bertillon A. Identification anthropométrique: instructions signalétiques. – Melun: Imprimerie Administrative, 1893. – 148 p.

56. Kuntsman A., Miyake E. Paradoxes of Digital dis/engagement: Final Report. Working Papers of the Communities & Culture Network+. – 2015. – №6.

Научные статьи

57. Абрамова, Е. Н. Нормы морали и нравственности как фундамент развития законодательства о цифровой экономике / Е. Н. Абрамова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2023. – №1 (15). – С.106-108.

58. Авдеев, Д. А. Право на отказ от использования цифровых технологий в контексте охраны частной жизни/ Д. А. Авдеев // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2023. – №4. – С. 18–20.

59. Авдеев, Д. А. «Социальный скоринг» как фактор нарушения права на неприкосновенность частной жизни / Д. А. Авдеев // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 6(132).

60. Авдеев, Д. А. «Шерентинг» как форма нарушения права ребенка на частную жизнь: сущность и перспективы регулирования / Д. А. Авдеев // Вестник Академии права и управления. – 2022. – № 4(70). – С. 5–8.

61. Авдеев, Д. А. Трансформация правового статуса личности в контексте амбивалентности цифровых технологий / Д. А. Авдеев // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2023. – № 2. – С.34-36.

62. Авдеев, Д. А. Влияние цифровизации на состояние правовой защищенности частной жизни / Д. А. Авдеев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2023. – №11. – С. 25–28.

63. Авдеев, Д. А. Правовые риски использования искусственного интеллекта в управлении персоналом / И. В. Погодина, Д. А. Авдеев // Вопросы трудового права. – 2021. – № 9. – С. 652–657.

64. Авдеев, Д. А. Современные технологии как средство вовлечения граждан в нормотворческую деятельность / И. В. Погодина, Д. А. Авдеев // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2020. – № 2. – С. 6–8.

65. Авдеев, Д. А. Цифровая этика, этикет и право: особенности взаимодействия (на примере регламентации частной жизни) / Д. А. Авдеев // Вестник Академии права и управления. – 2024. – №1. – С. 6–9.

66. Авдеев, М. Ю. Категория «частная жизнь» в конституционном законодательстве Российской Федерации / М. Ю. Авдеев // Современное право. – 2010. – №6. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Категория-частная-жизнь-в-конституционном-законодательстве-Российской-Федерации> (дата обращения: 04.02.2024).

67. Авдеев, М. Ю. Содержание и сущность права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации / М. Ю. Авдеев // Евразийская адвокатура. –2016. –№ 4 (23). – С. 62–65.

68. Алебастрова, И. А. Развитие механизма гарантий прав и свобод человека и гражданина в современном мире: основные тенденции // Право и государство: теория и практика. – 2015. –№ 1(121). –С. 75–80.

69. Андреева, О. И. Право потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи как одна из гарантий защиты его частных интересов / О. И. Андреева, П. О. Герцен, А. А. Рукавишникова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. –№ 45. – С. 5–19.

70. Анисимова, А. С. Техничко-правовые нормы регулирования отношений в сети Интернет / А.С. Анисимова // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 года) / отв. ред. Д. В. Бахтеев. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. – С. 229–234.

71. Баранов, В. М. К вопросу о коллизии между правом и моралью / В.М. Баранов, В.Б. Першин, И.В. Першина // Юридическая техника. –2017. –№11. – С.88-94.

72. Баранов, В. М. О законодательном определении категории «частная жизнь» / В. М. Баранов // Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни: сб. науч. тр. – Н. Новгород: Нижегород. юрид. ин-т МВД России, 1999. – Ч. 1. – С. 34–37.

73. Барзилова, И. С. Основные направления совершенствования юридической техники с использованием цифровых технологий / И. С. Берзилова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. –Т. 17. –№2. – С. 187–192.

74. Баринов, П. С. Категории юридической науки и практики: понятие, классификация и предназначение / П. С. Баринов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – №4. – С.129-133.

75. Басик, В. П. Эволюция правового статуса личности и его отражение в российской правовой науке / В. П. Басик // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1(258). – С. 21–35.

76. Бекиров, Н. В. Современные тенденции в развитии «Прав человека»: аксиологический и прикладной аспекты / Н. В. Бекиров // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – №5–6. – С. 150-165.

77. Белова, С. И. Проблемы соотношения права граждан на получение архивной информации с правом на неприкосновенность частной жизни / С. И. Белова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 1(220). – С. 128–129

78. Белых, В. С. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права / В. С. Белых, М. О. Болобонова // Юрист. – 2020. – № 1. – С. 5–14.

79. Беляева, Е. В. Студенты о нравственности в цифровой среде / Е. В. Беляева // Ведомости прикладной этики. – 2021. – №58. – С.75-85.

80. Болдырев, С. Н. Гарантии как технико-юридические средства обеспечения прав и свобод личности / С.Н. Болдырев // Общество и право. – 2010. №5 (32). – С. 18–21.

81. Бочкарев, И. Е. О месте правовой культуры в системе гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина / И.Е. Бочкарев // Вестник ННГУ. – 2018. – №2. – С.111-115.

82. Бринчук, М. М. Эколого-правовой механизм: понятие и сущность / М. М. Бринчук // Астраханский вестник экологического образования. – 2014. – №2 (28). – С. 5-16.

83. Бышов, Д. В. Проблемы взаимодействия права и морали в системе государства и общества // Вопросы экономики и права. – 2022. – № 170. – С. 13–15.

84. Важорова, М. А. Соотношение понятий «Информация о частной жизни» и «Персональные данные» // Вестник СГЮА. – 2012. – №4 (87). – С. 55–59.

85. Вайпан, В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики / В. А. Вайпан // Право и экономика. – 2017. – № 11(357). – С. 5–18.
86. Варламова, Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. – № 4. – С. 9–46.
87. Василевич, Г. А. Цифровизация права как средство повышения его эффективности / Г. А. Василевич // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. – С. 32–35.
88. Василевич, Г. А. Правовая защита индивидуального самоопределения / Г. А. Василевич // Законность и правопорядок. – 2009. – № 2. – С. 41–44.
89. Васильченко, А. А. К вопросу о понятии, теоретическом значении и структуре механизма уголовно-правового регулирования / А. А. Васильченко // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 3 (43). – С. 46–50.
90. Вертакова, Ю. В. Цифровая трансформация экономической деятельности в условиях инновационного развития / Ю. В. Вертакова // Инновационное развитие общества, экономики, бизнеса в современных условиях: сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции, Курск, 20–21 апреля 2023 года. – Курск, 2023. – С. 12–14.
91. Волос, А. А. Цифровизация и Конституция / А. А. Волос, А. А. Иванов // Закон. – 2022. – № 12. – С. 34–45.
92. Воробьев, Т. Н. Гарантия как правовая категория / Т. Н. Воробьев // Современное право. – 2012. – № 10. – С. 13–14.
93. Гаджиев, Х. И. Защита частной жизни в цифровую эпоху / Х. И. Гаджиев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 6. – С. 5–20.
94. Гайворонская, Я. В. Нескромное обаяние цифровизации / Я. В. Гайворонская, О. И. Мирошниченко, А. Ю. Мамычев // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 40–47.
95. Гилинский, Я. И. Цифровой мир и право / Я. И. Гилинский // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4–1(62). С. 22–30.

96. Голендяев, Д. В. Сущность и нормативное содержание права на неприкосновенность частной жизни / Д.В. Голендяев // Правоприменение в публичном и частном праве: Материалы Международной научно-практической конференции, Омск, 30 марта 2018 года / Ответственный редактор Л.А. Терехова. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2018. – С. 58–66.

97. Головкин, Р. Б. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления / Р.Б. Головкин, О.С. Амосова // Вестник Владимирского юридического института. –2019. –№ 2(51). –С. 163–166.

98. Головкин, Р. Б. Механизм морально-правового регулирования частной жизни / Р.Б. Головкин // Вестник ИГЭУ. –2005. – №2. – С. 109–115.

99. Головкин, Р. Б. Специфика права на неприкосновенность частной жизни в современной России / Р. Б. Головкин // Конституционное и муниципальное право. – 2005. –№ 3. –С. 40–45.

100. Головкин, Р. Б., Гарантии обеспечения неприкосновенности частной жизни / Р. Б. Головкин, И. Б. Жуган // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. –№ 4(25). – С. 51–56.

101. Головкин, Р. Б., Юридическая терминология в условиях цифровизации правоотношений / Р.Б. Головкин, И.Л. Петрова // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. –№ 1(62). – С. 133–135.

102. Головкин, Р. Б. Методологические и логические основания исследования интерполяции права / Р. Б. Головкин, М. В. Новиков, Ю. П. Колесникова// Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. –2018. –№3 (17). –С. 22–30.

103. Головкин, Р. Б. Специфика права на неприкосновенность частной жизни и пенитенциарной системе современной России / Р. Б. Головкин // Правовые и организационные вопросы функционирования уголовно-исполнительной системы Минюста России. Материалы межвузовской научно-практической

конференции, посвященной 125-летию уголовно-исполнительной системы Минюста России, г. Владимир, 30 марта 2004 г.: В 2-х томах. - Владимир: ВЮИ Минюста России, 2005, Т. 2. –С. 24–29.

104. Гончарова, В.Г. Об этике в дистанционном образовании: вызовы и задачи / В. Г. Гончарова // Международный научно-исследовательский журнал.2021. №6 (108). URL: <https://research-journal.org/archive/6-108-2021-june/ob-etike-v-distancionnom-obrazovanii-vyzovu-i-zadachi> (дата обращения: 29.12.2023).

105. Грачева, С. А. Основные права и свободы в цифровом измерении / С. А. Грачева, М. Е. Черемисинова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. –2021. – Т. 21, № 1. – С. 64–73.

106. Гринь, Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт / Е. С. Гринь // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – №2 (135). –С. 128–134.

107. Гумеров, Л. А. Понятие и виды юридических гарантий реализации субъективных прав и свобод в научно-технической сфере / Л. А. Гумеров // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». –2014. –Т. 10. – С. 7–18.

108. Гюльвердиев, Р. Б. Механизм юридической конвергенции в сфере внешнеэкономической деятельности: понятие и основные элементы / Р. Б. Гюльвердиев // НПЖ «Диалог». –2016. –№3 (4). – С. 63–70.

109. Демин, А. А. Механизм гражданско-правового регулирования: нормативные общности и юридические конструкции / А. А. Демин // Вестник ННГУ. – 2020. – №5. – С. 26–29.

110. Демин, А. В. «Мягкое право» и «жесткое право»: общие признаки и критерии разграничения / А. В. Демин // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы XII Международной научно-практической конференции: в 4-х томах, Тольятти, 16–17 апреля 2015 года / Волжский университет имени В.Н. Татищева. Том 2. – Тольятти, 2015. – С. 98–102.

111. Демин, А. В. Фактор принуждения в контексте «мягкого права» / А. В. Демин, С.Е. Гройсман // Lex russica. – 2019. – № 4. –С. 56–67.

112. Дорохов, Н. И. Правовой статус личности в условиях цифровизации общества: тенденции перемен. Постановка проблемы / Н.И. Дорохов // Устойчивое развитие: исследования, инновации, трансформация: Материалы XVIII Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. В 2-х томах, Москва, 08–09 апреля 2022 года. Том 1. – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022. – С. 1398–1416.

113. Жарова, А. К. Законодательная поддержка принципа технологической нейтральности в информационных системах / А.К. Жарова, А. С. Гутникова, С. В. Мальцева, В. М. Елин // Бизнес-информатика. 2012. №4 (22). С. 25–32.

114. Захаров, М. Ю. Цифровая культура - исторический этап развития информационной культуры общества / М. Ю. Захаров, И. Е. Старовойтова, А. В. Шишкова // Вестник университета. – 2020. – № 5. – С. 200–205.

115. Зорькин В. Д. Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия / В. Д. Зорькин // Российская газета. – 27.10.2021. – URL: <https://rg.ru/2021/10/27/konstitucionnyj-sud-na-rubezhe-chetvertogo-desiatiletia.html> (дата обращения: 30.04.2023).

116. Ибрагимов, А. М. Понятие «Гарантии» в праве: общее и особенное в научной трактовке / А. М. Ибрагимов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – №2. – С. 381–383.

117. Ибрагимов, К. Х. Механизм правового регулирования: возможно ли его применение (на примере экологического и земельного права)? / А. М. Ибрагимов // Власть Закона. – 2021. – № 4(48). – С. 43–64.

118. Иванский, В. П. Право на частную жизнь и научно-технический прогресс / В. П. Иванский // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – № 6. – Ч. 2. – С. 57–59.

119. Ивлиев, Г. П. Этика эпохи цифровизации / Г. П. Ивлиев, А. А. Карцхия / Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2023. – № 1. – С. 21–39.

120. Ившин, М. С. Цифровое право как направление в развитии правового режима информационного общества и цифровизации экономики / М. С. Ившин, А.А. Кирилловых //Юридический мир. – 2021. – №1. – С.30-34.

121. Измайлова, Н. С. Неприкосновенность частной жизни в англо-американской и российской правовых доктринах / Н.С. Измайлова // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1(69). – С. 172–185.

122. Иноземцев, М. И. Цифровое право: в поисках определенности / М. И. Иноземцев // Цифровое право. – 2021. –№2(1). – С. 8–28.

123. Кадников, Б.Н. О становлении и развитии законодательства об охране частной жизни граждан / Б.Н. Кадников // Общество и право. – 2016. – №2 (56). – С.30-33.

124. Карцхия, А.А. Цифровизация в праве и правоприменении / А. А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2018. – №1 (26). – С.36–40.

125. Кнорре, Б. К. «В начале было Слово...», а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса / Б. К. Кнорре, А. А. Мурашова // Мир России. – 2021. – №30(2). – С.144-166.

126. Кодан, С. В. Понятие методологических принципов юридического источниковедения и их место в формировании источниковой базы научного исследования / С. В. Кодан // Юридическая техника. –2020. –№14. – С.21–28.

127. Кожевников, В. В. К проблеме всеобщего философского метода познания государственно-правовых явлений / В. В. Кожевников // Омские научные чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 816–818.

128. Колесов, Д. И. Проблема «права на отключение»: европейский опыт / Колесов Д.И. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2022. – №6. – С. 85–96.

129. Комарова, В. В. Правовой статус человека в цифровой среде: взгляд конституционалиста / В. В. Комарова // Образование и право. – 2022. – №2. – С. 38–46.

130. Комкова, Г. Н. Конституционные гарантии прав человека в России: понятие и классификация / Г. Н. Комкова // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – №3 (39). – С. 31–39.

131. Красотенко, О. Ю. Понятие «частная жизнь» в решениях Европейского суда по правам человека / О. Ю. Красотенко // Сборник работ 68-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: в 3-х ч.: ч. 2. – Минск: БГУ, 2011. – С. 116-119.

132. Кротов, А. В. Концепция «широкого» толкования права на частную жизнь в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / А. В. Кротов // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 5(90). – С. 81–88.

133. Кротов, А. В. Соотношение субинститута права на частную жизнь с правом на свободу информации / А. В. Кротов // Закон и право. – 2016. – № 1. – С. 52–55.

134. Кротов, А. В. Толкование права на частную жизнь в решениях Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. – 2018. – № 2. – С. 44–47.

135. Кудинов, В. В. Некоторые особенности ограничения права на неприкосновенность частной жизни в интересах обеспечения безопасности государства (на примере Китайской Народной Республики) / В. В. Кудинов, С.А. Микрикова // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 5. – С. 59–64.

136. Кудрявцева, Т. Ю., Основные понятия цифровизации / Т. Ю. Кудрявцева, К.С. Кожина // Вестник Академии знаний. – 2021. – №3 (44). – С. 149–151.

137. Кузнецова, С. Д. Оказание квалифицированной юридической помощи как гарантия прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / С. Д. Кузнецова, И. В. Балашкина // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2014. – № 5–4. – С. 188–191.

138. Кунец, А. Г. Современное понимание юридических гарантий обеспечения конституционных прав и свобод личности / А. Г. Кунец // Право.by. – 2020. – № 5(67). – С. 11–18.

139. Лазукина, В. А. Автоматизированная обработка персональных данных как особый институт охраны права на неприкосновенность частной жизни / В. А. Лазукина // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 10 –1. С. 241-248.

140. Левашов, М. Особенности введения биометрической идентификации / М. Левашов // Бухгалтерия и банки. – 2018. – № 6. – С. 52 - 54.

141. Лепешина, Н. В. Основания юридизации общественных отношений сферы частной жизни / Н.В. Лепешина // Вестник Владимирского юридического института. – 2017. – № 3(44). – С. 191–194.

142. Лепешкина, Н. П. Неприкосновенность частной жизни, что это? / Н. П. Лепешкина // Адвокатская практика. – 2005. – №2. – С. 37-39.

143. Лупенко, И. Ю. Конституционные гарантии правосудия / И. Ю. Лупенко // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – №1. – С.32-35.

144. Лютова, О. И. Обязанность по предоставлению налоговой отчетности в контексте цифровой трансформации / О. И. Лютова // Налоги. – 2021. – № 5. – С. 22–24.

145. Максимов, Г. Б. Сущность механизма реализации права / Г. Б. Максимов // Право и практика. – 2015. – №1. – С. 10–15.

146. Максимова, О. В. Содержание понятия «Частная жизнь» в российском уголовном законодательстве / О. В. Максимова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. –№1. – С. 69-72.

147. Малахов, В. П. Конституционно-правовые гарантии: сущность и роль в обеспечении прав и свобод человека и гражданина / Г. М. Лановая, В. П. Малахов // Государственная власть и местное самоуправление. –2018. – № 2. – С. 7–12.

148. Малько, А. В. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации / А. В. Малько, О. Л. Солдаткина // Журнал российского права. – 2019. –№ 9. – С. 5-19.

149. Малько, А. В., Механизм правового регулирования Интернет-отношений: понятие и специфика / А. В. Малько, А. С. Анисимова // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 8–13.

150. Малькова, Е. Ю. Принципы виртуальной этики / Е. Ю. Малькова // Серия «Symposium», Религия и нравственность в секулярном мире. Выпуск 20: материалы научной конференции. 28–30 ноября 2001 год Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С.112-115.

151. Маркевич, Д. С. Некоторые вопросы реализации права на идентичность в цифровой среде / Д. С. Маркевич // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества: тезисы докладов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апреля 2018 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2018. – С. 45–48.

152. Мартынов, В. Ф. К вопросу о месте норм права в системе социальных норм / В. Ф. Мартынов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. –2005. №3. – С. 35–39.

153. Маштаков, К. М. Проблемы правового регулирования отношений в сфере частной жизни / К. М. Маштаков // Юрист-Правоведь. – 2013. – № 3. – С. 21-24

154. Мехдиев, Т. Э. Право на отключение в фокусе принципа баланса между работой и личной жизнью / Т. Э. Мехдиев // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 5(221). –С. 105 – 107.

155. Мецгер, А. А. Понятие гарантий прав граждан в юридической науке // Образование и право. – 2019. – №12. – С. 23–29.

156. Мильков, А. В. К определению понятия «правовые средства» / А. В. Мильков // Бизнес в законе. –2009. – №1. – С. 113–115.

157. Минаева, А. И. Цифровые обязанности как элемент правового статуса индивидуальных субъектов в условиях развития цифровых технологий / А. И. Минаева // Научный аспект. 2022. – Т. 1. –№ 4. – С. 90–94.

158. Минаева, А. И. Цифровые права как элементы правового статуса личности / А. И. Минаева // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. № 3А. – С. 69–77.
159. Минбалеев, А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 12(64). – С. 31–36.
160. Морхат, П. М. Искусственный интеллект и права человека: теоретико-правовое исследование / П.М. Морхат // Право и образование. – 2018. – № 3. – С. 35–44.
161. Назарова, Ю. В. Этика посмертия в условиях цифровой реальности / Ю. В. Назарова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2021. – №2 (38). – С. 31–38.
162. Нартова-Бочавер, С. К. Теория приватности как направление зарубежной психологии / С. К. Бочавер-Нартова. // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27. – № 5. – С. 28–39.
163. Наумов, В. Б. Отказ от цифровых технологий: абсурд или новое право человека и гражданина / В. Б. Наумов // Бачиловские чтения: Материалы четвертой международной научно-практической конференции, Москва, 05–06 февраля 2022 года / отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов / Институт государства и права РАН. – Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2022. – С. 78–84.
164. Наумов, В. Б. Организационно-правовые аспекты саморегулирования в российском сегменте сети Интернет: пределы и возможности // Ассоциация документальной электросвязи. – 2003. – №110. – С. 22–25.
165. Нестеров, А. В. Правовая категория частной жизни и ее связь с категорией персональных данных в условиях цифровизации / А. В. Нестеров // Юридический мир. – 2020. – №6. – С. 24–28.
166. Никитина, В. С. Неприкосновенность личности как межотраслевая категория права / В. С. Никитина // RUDN Journal of Law. – 2023. – Т. 27. – № 1. – С. 41–53.

167. Нистарова, А. А. К вопросу об интеграции цифровых технологий в жизни общества: риски цифровизации и перехода к цифровому управлению / А. А. Нистарова // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2019. – № 5(76). – С. 71-77.

168. Овчинников, А. И. Риски в процессах цифровизации права / А. И. Овчинников // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 257–261.

169. Овчинникова, Ю. В. Право на неприкосновенность частной жизни: проблемы имплементации международных норм в современном российском законодательстве / Ю. В. Овчинникова // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Серия: Юридические науки. – 2015. – № 4(6). – С. 49–53.

170. Опалева, А. А. Право на личную неприкосновенность в условиях использования цифровых технологий / А. А. Опалева // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 1(81). – С. 36–40.

171. Паньшин, Б. Цифровая культура: теория и практика / Б. Паньшин // Наука и инновации. – 2021. – № 8(222). – С. 45–51.

172. Папулина, О. А. Теория технологического детерминизма и современные медиа / О. А. Папулина // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – №8. – С.303-308.

173. Пашенцев, Д. А. Основные направления влияния современных цифровых технологий на развитие права / Д. А. Пашенцев // Право и образование. – 2019. – № 7. – С. 4–9.

174. Певцова, Е. А. Виртуальное право как новая юридическая конструкция в теории права: идея будущего или реальная действительность? / Е. А. Певцова // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 1. – С. 20-28.

175. Петрин, И. В. Открытость информации в деятельности государственных органов / И. В. Петрин, Д. А. Авдеев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 1. – С. 23–27.

176. Петухов, Е. Н. Цифровые технологии как средство обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей / Е.Н. Петухов // Актуальные вопросы производства криминалистических экспертиз и оценки результатов судебно-экспертной деятельности: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Красноярск, 01 апреля 2021 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 86–93.

177. Пибает, И. А. Алгоритмы в механизме реализации конституционных прав и свобод: вызовы цифровой эпохи / И. А. Пибает, С.В. Симонова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 6. – С. 31–50.

178. Плотников, В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике / В. А. Плотников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4(112). – С. 16–24.

179. Погодин, А. В. Принципы исследования содержания права / А. В. Погодин // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – № 4. – С. 19–27.

180. Пожарова, Л. А. Правовой статус личности в условиях цифровизации общества / Л. А. Пожарова // Государство созидающее: правовые ресурсы формирования: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию юридического института НИУ «БелГУ», Белгород, 22 ноября 2018 года. – Белгород: ООО ГиК, 2018. – С. 162–165.

181. Полищук, С. В. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век / С. В. Полищук // Гуманитарный вестник ВА РВСН. – 2019. – № 3 (16). – С. 164–170.

182. Полякова, Т. А. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, Н. В. Кроткова // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 75–87.

183. Поперина, Е. Н. Информатизация общества и частная жизнь / Е.Н. Поперина // Вопросы современной юриспруденции. – 2013. – № 25. – С. 49–53.

184. Попондопуло, В. Ф. Правовые формы цифровых отношений / В. Ф. Попондопуло // Юрист. – 2019. – № 6. – С. 29–36.

185. Почепко, К. И. Конституционно-правовой статус личности в России: понятие, состав, структура и особенности / К. И. Почепко, И. В. Тимошенко // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2018. – № 1(27). – С. 28–31.

186. Пугинский, Б. И. Инструментальная теория правового регулирования / Б. И. Пугинский // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 2011. – №3. – С.22-31.

187. Рассолов, И. М. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы / И. М. Рассолов, С. Г. Чубукова, И. В. Микурова // Lex Russica. – 2019. – № 1 (146). – С. 108–118.

188. Редькина, А. И. Концепция автономности в праве: теоретический аспект / А. И. Редькина // Право и образование. – 2016. – № 11. – С. 13–21.

189. Романова, А. Л. Технологии цифрового реинкарнирования личности в соотношении с правом на «Цифровую смерть» / А. Л. Романова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – №4. – С. 211–217.

190. Романовский, Г. Б. Ограничения цифровых прав человека в целях противодействия терроризму / Г. Б. Романовский, В. Г. Романовский // Изв. Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2023. – №1. – С. 48–59.

191. Ромашов, П. А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век / П. А. Ромашов // Пермский юридический альманах. – 2019. – №2. – С. 103–118.

192. Ромашов, Р. А. О соотношении материального и виртуального в современной правовой реальности / Р. А. Ромашов, В. Ю. Панченко // Юридическая наука. – 2017. – № 1. – С. 26–32.

193. Ромашов, Р. А. Правовое знание и юридическое мышление как системные элементы правовой культуры / Р. А. Ромашов // Право и государство: культурологическое измерение, Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 года. – Санкт-

Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2020. – С. 32–35.

194. Рыбаков, В. А. Регулирующая роль правосознания / В. А. Рыбаков // Вестник ОмГУ. Серия. Право. –2011. –№3. – С. 6–12.

195. Рымкевич, Я. А. Юридическая ответственность в цифровом пространстве / Я. А. Рымкевич // Образование и право. –2023. –№7. – С. 436–440.

196. Рябинин, Н. А. Особенности механизма защиты субъективных гражданских прав / Н. А. Рябинин // Современное право. –2018. –№ 3. – С. 24–30.

197. Савенко, Н. Е. Legaltech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан / Н. Е. Савенко // Право. Журнал Высшей школы экономики. –2023. –Т. 16. –№ 1. –С. 145–171.

198. Санников, Д. В. Понятие «частной жизни» в цивилистической доктрине и правоприменительной практике / Д. В. Санников // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. –2023. – №1 (13). – С. 30–42.

199. Саурин, А. А. Цифровизация как фактор трансформации права / А. А. Саурин // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. – С. 26–31.

200. Северухин, В. А. Проблемы защиты права на неприкосновенность личной жизни в контексте цифровизации / В. А. Северухин // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2020. –№ 2(38). – С. 85–98.

201. Семякин, М. Н. Гражданско-правовой договор в сфере цифровой экономики: теоретический и практический аспекты исследования / М. Н. Семякин // Экономическое правосудие в Уральском округе. – 2020. – № 1. – С. 98–114

202. Сербин, Д. С. Содержание конституционно гарантированного права на приватность: Канадский опыт правового обеспечения/ Д. С. Сербин //Право и образование. – 2015. –№ 6. – С.107-113.

203. Синюгин, В. Ю. Административно-правовые гарантии в системе условий и средств реализации прав граждан / В. Ю. Синюгин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. –№3. –С. 3–9.

204. Смолькова, И. В. Понятие и значение частной жизни граждан // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 2-й ежегодной международной научно-практической конференции, Иркутск, 20–21 июня 2013 года / под редакцией Н. П. Асланян, Ю.В. Виниченко. – Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2013. – С. 133-138.

205. Солдаткина, О. Л. Цифровая правовая культура в судебном заседании / О. Л. Солдаткина / О. Л. Солдаткина // Правовая культура. – 2021. – № 3(46). – С. 117–119.

206. Солдаткина, О. Л. Цифровое право: особенности цифровой среды и субъекты / О. Л. Солдаткина // Государство и право. – 2019. – № 12. – С. 113–123.

207. Соловкин, С. В. Значение парадокса приватности для законодательства о персональных данных в условиях становления общества наблюдения / С. В. Соловкин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – №4. – С. 109–119.

208. Степаненко, Р. Ф. Современные проблемы правового воспитания: теоретико-правовые и социально-философские аспекты / Р. Ф. Степаненко, А. В. Солдатова, Г. Н. Степаненко // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11(227). – С. 24–27.

209. Судакова, О. В. Личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан / О. В. Судакова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. № 1(30). – С. 381–384.

210. Сунами, А. Н. Этика «цифрового общества»: новый конфликт или новый баланс / А. Н. Сунами // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. – Т. 39. Вып. 3. – С. 544–556.

211. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2018. – № 2(254). – С. 5–17.

212. Талапина, Э. В. Цифровая трансформация во Франции: правовые новеллы / Э. В. Талапина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – №4. – С. 164–184.

213. Танимов, О. В. Влияние цифровых технологий на появление новых структурных элементов системы права / О. В. Танимов // Российская юстиция. – 2019. – №7. – С.2–5.
214. Тарасов, Н. Н. Механизм правового регулирования: становление понятия / Н.Н. Тарасов // Российский юридический журнал. – 2020. – № 5(134). – С. 90-115.
215. Тихомиров, Ю. А. Право как фактор экономического развития / Ю. А. Тихомиров, Э. В. Талапина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 4–26.
216. Тонков, Е. Е. Вызов времени или конъюнктурный фейк? (Несвоевременные мысли о цифровизации права) / Е. Е. Тонков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Право». –2019. –№ 3. – С. 113-121.
217. Третьякова, О. Д. Методология конвергенции права / О. Д. Третьякова // Вестник Владимирского юридического института. –2009. – №4 (13). – С. 143–150.
218. Трубина, Н. А. Трансформация моральных ценностей в цифровой коммуникации / Н. А. Трубина, Л. Р. Миркушина // Вестник МГПУ. – Серия «Философские науки». – 2022. – №3 (43). – С. 44–56.
219. Улыбина, Т. С. Неприкосновенность частной жизни в системе конфиденциальной информации / Т. С. Улыбина // Современное право. –2009. – № 4(1). – С. 41–44.
220. Усенков, И. А. Национальное мягкое право как правовой феномен и инструмент повышения стабильности законодательства / И. А. Усенков // Право. Журнал Высшей школы экономики. –2022. – Т. 15. – №1. –С. 28–58.
221. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. –2018. –№ 1(253). – С. 85–102.
222. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. 2018. № 9(261). С.5–16.

223. Халин, В. Г., Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / В. Г. Халин, Г. В. Чернова // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46–63.

224. Хлебников, П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни / П. Хлебников // Жилищное право. – 2017. – № 9. – С. 93–102.

225. Холодная, Е. В. О проблематике термина «цифровые технологии» как правовой дефиниции / Е. В. Холодная // Информационное право. – 2022. – № 2. – С. 8–10.

226. Хуаде, А. Х. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни и механизм его обеспечения (исследование зарубежного опыта) / А. Х. Хуаде // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – №4 (148). – С.157-161.

227. Хужокова, И. Право на неприкосновенность частной жизни в системе прав человека / И. Хужокова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 2(59). – С. 32–36.

228. Чердаков, О. И. Правовое обеспечение законных прав и интересов российских граждан при использовании информационных и цифровых технологий в киберпространстве/ О. И. Чердаков // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2023. – № 4. – С. 13–17.

229. Чеснокова, Л. В. Ойкос как пространство лишенности: представления о приватности в Античности / Л.В. Чеснокова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 4(75). – С. 65-69.

230. Чунихина, Т. Н. Трансформация правового статуса личности в условиях цифровизации общества / Т. Н. Чунихина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – №2. – С. 199-207.

231. Шарнина, Л. А. Нормативно-правовое регулирование процессов цифровизации: конституционное измерение / Л. А. Шарнина // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – №2. – С. 22–27.

232. Швайка, О. И. Цифровизация права и экономики в России и за рубежом: эволюция и тенденции развития / О. И. Швайка // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – Серия 1: Экономика и управление. – 2022. – № 4(43). – С. 17–29.

233. Юдина, М. А. Интернет вещей: проблемы социальной экспертизы / М. А. Юдина // Коммуникология. – 2017. Т. 5. – № 2. – С. 50–68.

234. Юдина, Т. Н. Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства и политической экономии / Т. Н. Юдина, И. М. Тушканов // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2017. – № 1. – С. 193–200.

235. Якушев, П. А. Автономность семейных отношений и подходы к их правовому регулированию в государствах Европы / П. А. Якушев // Семейное право: современные проблемы теории и практики: Материалы международного круглого стола, Минск, 16–17 октября 2020 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2020. – С. 362–368.

236. Якушев, П. А. Автономность семейных отношений и цивилистический процесс / П. А. Якушев // Вестник гражданского процесса. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 277–293.

237. Якушев, П. А. Интеграция в российское законодательство традиционных ценностей: основные этапы и тенденции / П. А. Якушев // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы VII Национальной научно-практической конференции, Казань, 16 февраля 2023 года / Под редакцией Р. Ф. Степаненко, А. Б. Мезяева, С. Н. Тагаевой, С. М. Аламовой. – Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2023. – С. 489–492.

238. Якушев, П. А. Понятие, сущность, признаки и регулирующие свойства традиционных ценностей / П. А. Якушев // Вестник Владимирского юридического института. – 2017. – № 2(43). – С. 205–209.

239. Якушев, П. А. Проблемы использования систем искусственного интеллекта в семейных отношениях в контексте традиционных ценностей / П. А. Якушев // Право интеллектуальной собственности. – 2019. – № 1. – С. 33–37.

240. Якушев, П. А. Традиционные ценности как пределы ограничения прав // Юридическая техника. –2018. –№ 12. – С. 371–375.

241. Hauer, T. Technological determinism and new media // International Journal of English Literature and Social Sciences. – Vol. 2. –No. 2. –P.1-4.

242. Holden, F. Securing public faith in biometrics // Biometric Technology Today. – 2016. –№9. – P.7-9.

243. Karale, A. The Challenges of IoT addressing Security, Ethics, Privacy and Laws // Internet of Things. 2021. №15. Available online 16 June 2021. URL: <https://doi.org/10.1016/j.iot.2021.100420> (дата обращения: 29.09.2023).

244. Nye, J. Information technology and democratic governance. R.A. Goldwin (Ed.), Governance.com: Democracy in the information age, Brookings Institution Press. – Washington, DC. 2002. – P. 1-16.

245. Polyakova, T. A. Trust in the law during the digital transformation / T. A. Polyakova, V. B. Naumov, A. V. Minbaleev // State and Law. –2022. –No. 11. – P. 139–147.

246. Warren S. D., Brandeis L. D. The Right of Privacy // Harvard Law Review. Vol. 4. – 1890. – No. 5. – P. 193–220.

Диссертации и авторефераты диссертаций

247. Бабенко, С. В. Правовой статус личности в правовом государстве: вопросы теории: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бабенко Светлана Владимировна. – Краснодар, 2008. – 31 с.

248. Бундин, М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Бундин Михаил Вячеславович. – Москва, 2017. – 218 с.

249. Бундин, М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Бундин Михаил Вячеславович. – М., 2017. – 22 с.

250. Васильев, А. М. Категории теории права: к разработке понятийной системы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Васильев Андрей Михайлович. – М., 1975. – 39 с.

251. Васильева, Н. В. Юридические и неюридические средства в системе правового регулирования: автореф... дис. канд. юрид. наук / Васильева Наталья Васильевна. – Омск, 2014. – 23 с.

252. Волчанская, А. Н. Государственные гарантии защиты прав человека в России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Волчанская Алена Николаева. – Саратов, 2003. – 26 с.

253. Головкин Р. Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Головкин Роман Борисович. – Нижний Новгород, 2005. – 516 с.

254. Головкин, Р. Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Головкин Роман Борисович. – Нижний Новгород, 2005. – 57 с.

255. Грачева, М. А. Международно-правовая защита права на уважение частной и семейной жизни и неприкосновенность жилища и корреспонденции: на примере судебной практики Европейского суда по правам человека: автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Грачева Марина Александровна. – М., 2013. – 28 с.

256. Грузов, Ю. В. Взаимодействие права и морали в социальном регулировании: автореф. дис. ... канд. философ. наук / Грузов Юрий Владимирович. – Иваново, 2005. – 19 с.

257. Иванский, В. П. Теоретические проблемы правовой защиты частной жизни в связи с использованием информационных технологий: автореф. дис. ... канд. ... юрид. наук: 12.00.01 / Иванский Валерий Прокопьевич. – М., 1998. – 20 с.

258. Канина, И. А. Частная жизнь в сфере права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Канина Ирина Александровна. – Тамбов, 2006. – 251 с.

259. Карцхия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: 12.00.03: дис. ... д-ра юрид. наук / Карцхия Александр Амиранович. – М., 2019. – 394 с.

260. Климчик, А. Свобода информации и право на частную жизнь в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Климчик Анжей. – М., 2003. – 184 с.

261. Константинов, П. Д. Влияние информационных технологий на принципы гражданского процесса (сравнительно-правовое исследование на примере России и Франции): дис. ... канд. юрид. наук / Константинов Павел Денисович. – Екатеринбург, 2022. – 351 с.

262. Кривопалова, В. Я. Право в системе современного соционормативного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кривопалова Валентина Яковлевна. – М., 2002. – 163 с.

263. Кротов, А. В. Формирование предмета подотрасли права частной жизни в системе конституционного права: сравнительно-правовое исследование: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02. / Кротов Андрей Владиславович. – Ростов-на-Дону, – 2021. – 441 с.

264. Куликов, В. А. Личная неприкосновенность как право человека и принцип российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Куликов Валерий Александрович. – Саратов, 2001. – 26 с.

265. Курбонов, К. Б. Гражданско-правовые проблемы права на неприкосновенность частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Курбонов Курбон Бобоевич. – Душанбе, 2012. – 165 с.

266. Максимова, О. В. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Омск, 2013. – 172 с.

267. Малышкин, А. В. Интегрированная юрисдикция: доктрина, практика, техника: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Малышкин Александр Викторович. – Нижний Новгород, 2021. – 437 с.

268. Несмелов, П. В. Конституционно-правовое обеспечение прав человека на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Несмелов Павел Вячеславович. – М., 2007. – 196 с.

269. Островский, А. С. Действие конституционного принципа неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Островский Александр Сергеевич. – М., 2006. – 281 с.

270. Полторацкая, Н. С. Реализация конституционного права на неприкосновенность частной жизни: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Полторацкая Наталья Сергеевна. – Санкт-Петербург, 2004. – 223 с.

271. Преснякова, А. В. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества: современный зарубежный опыт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 2010. – 26 с.

272. Родионова, О. М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук / Родионова Ольга Михайловна. – М., 2017. – 503 с.

273. Романовский, Г. Б. Конституционное регулирование права на неприкосновенность частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02/ Романовский Георгий Борисович. – СПб., 1997. – 188 с.

274. Санников, Д.В. Гражданско-правовая охрана частной жизни в условиях цифровизации общества: дисс. ...канд. юрид. наук: 5.1.3 / Санников Денис Викторович. – Пермь, 2023. – 194 с.

275. Стригалева, Д. К. Неприкосновенность частной жизни как международно-правовой и конституционный принцип деятельности органов предварительного следствия системы МВД: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Стригалева Дмитрий Константинович. – СПб., 2002. – 221 с.

276. Телина, Ю. С. Конституционное право гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных в России и зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Телина Юлия Сергеевна – М., 2016. – 268 с.

277. Умиев, А. И. Гарантии прав личности в конституционном праве Российской Федерации и международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Умиев Алхазур Исраилович. – СПб., 2006. – 22 с.

278. Филимонова, Е. А. Конституционное право российских граждан на неприкосновенность частной жизни: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Филимонова Елена Александровна. – Волгоград, 2005. – 27 с.

279. Хазов, Е. Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. / Хазов Евгений Николаевич. – М., 2011. – 64 с.

280. Хесин, Б. Л. Механизм современного российского государства: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Хесин Борис Львович – Нижний Новгород, 2001. – 200 с.

281. Хуаде, А. Х. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хуаде Адам Хазретович. – Краснодар, 2015. – 217 с.

282. Черемисинова, М. Е. Правовой статус субъектов в сети Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Черемисинова Мария Евгеньевна. – Москва, 2020. – 30 с.

283. Шахов, Н. И. Теоретико-правовые основы функции обеспечения государством права на неприкосновенность информации о частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шахов Николай Иванович. – Краснодар, 2008. – 199 с.

284. Шевченко, И. А. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шевченко Илья Александрович. – Красноярск, 2005. – 23 с.

285. Якушев, П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: дис. ... д-ра юрид. наук / Якушев Павел Алексеевич, 2021. – 527 с.

286. Абдулаев, М. И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений / М.И. Абдулаев. – М.: Финансовый контроль, 2004. – 410 с.
287. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие/ С.А. Авакьян. - 4-е изд., перераб. и доп. – М., – 2010. – 719 с.
288. Алексеев, С. С. Общая теория права: курс в 2-х т. Т. 1 / С.С. Алексеев. – М., 1981. – 359 с.
289. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов / М.В. Баглай. – 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 784 с.
290. Венгеров, А. Б. Теория государства и права: учебник для юрид. вузов / А.Б. Венгеров. – М.: Юриспруденция, 2011. – 528 с.
291. Волков, В. Э. Публично-правовое регулирование цифровых технологий: блокчейн, искусственный интеллект, виртуальная реальность: учебное пособие / В. Э. Волков. – Самара: Издательство Самарского университета, 2023. – 118 с.
292. Кашанина, Т. В. Юридическая техника: учебник / Т. В. Кашанина. – М.: Норма; ИНФРА-М, – 2011. – 496 с.
293. Козлова, Е. И., Конституционное право России / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – М., 2006.
294. Лазарев, В. В., Теория государства и права: учебник / В. В. Лазарев, С.В. Липень. – М., 2004. – 528 с.
295. Нудненко, Л. А. Конституционное право: учебник для СПО / Л. А. Нудненко. – 5-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, –2017. – 526 с.
296. Общая теория прав человека / под ред. Е. А. Лукашевой. – М.: Норма, 1996. – 266 с.
297. Понкин, И. В. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: учебник / И. В. Понкин, А. И. Лаптева. – Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2021. – 174 с.

298. Проблемы теории государства и права: учеб. для вузов по спец. «Правоведение» / Алексеев С. С. Дюрягин И. Я., Исаков В. Б. [и др.]; Под ред. С. С. Алексеева. - Москва: Юрид. лит., 1987. – 446 с.

299. Рассказов, Л. П. Теория государства и права: Учебник / Л. П. Рассказов. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2010. – 473 с.

300. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, – 1999. – 702 с.

301. Теория государства и права: учебник / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М., 2001. – 776 с.

302. Теория юридического взаимодействия: конвергенция и дивергенция в праве: курс лекций / О. Д. Третьякова [и др.]; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. – 320 с.

303. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права / В. Н. Хропанюк. – М., 1995. – 377 с.

Интернет-ресурсы

304. В Азербайджане начинается разработка проекта цифрового кодекса [Электронный ресурс] // Trend. – URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/society/3831107.html> (дата обращения: 03.11.2023).

305. В Портленде запретили использовать системы распознавания лиц [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/9417509> (дата обращения: 20.12.2023).

306. В России создан Центр правовой помощи гражданам в цифровой среде [Электронный ресурс] // Роскомнадзор. – URL: <https://82.rkn.gov.ru/news/news310158.htm> (дата обращения: 01.11.2023).

307. Верховный суд Германии разрешил передавать по наследству аккаунты [Электронный ресурс] // Право.ру. – URL: <https://pravo.ru/news/204002/> (дата обращения: 01.09.2023).

308. Власти Канады провозгласили скоростной интернет базовой услугой для жителей страны [Электронный ресурс] // NewsRu. – URL: <https://www.newsru.com/hitech/23dec2016/canadabroadband.html> (дата обращения: 29.12.2022).

309. Влияние процессов цифровизации на права человека и развитие гражданского общества [Электронный ресурс] // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. – URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/503335409.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

310. Гарантия [Электронный ресурс] // Значение слова. URL: <https://znachenie-slova.ru/гарантия> (дата обращения: 09.02.2023).

311. Гарантия [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/37366> (дата обращения: 09.02.2023).

312. Делиться биометрическими данными: выгоды и риски. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/delitsja-biometricheskimi-dannymi-vygody-i-riski> (дата обращения: 10.10.2023).

313. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ в 2000 году. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/ezhegodnye-doklady/docs/doklad2000.pdf> (дата обращения: 03.03.2024).

314. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека за 2021 год. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2022/06/06/doklad-za-2021-god.html> (дата обращения: 30.04.2023).

315. Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год [Электронный ресурс]. // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/documents/2023/05/16/document-doklad-o-deyatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka.html> (дата обращения: 05.11.2023).

316. Жители Финляндии получили право на быстрый Интернет [Электронный ресурс]. – URL: <http://webground.su/topic/2009/10/15/t173> (дата обращения: 29.12.2022).

317. Законодательство Испании в сфере защиты персональных данных // Центр правовой помощи гражданам в цифровой среде. [Электронный ресурс]. – URL: <https://4people.grfc.ru/analytics-and-legislation/international-and-foreign-acts/foreign-acts/ispaniya/> (дата обращения: 01.09.2023).

318. Как закрыть профиль человека, которого нет в живых? [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/faq18466> (дата обращения: 10.09.2023).

319. Кодекс этики использования данных [Электронный ресурс] // Институт развития Интернета. – URL: <https://ac.gov.ru/files/content/25949/kodeks-etiki-pdf.pdf> (дата обращения: 08.12.2023).

320. Концепция Федерального закона «Цифровой кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – URL: <https://a-mor.ru/wp-content/uploads/2023/12/1090-Исх.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

321. Методология [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/Методология> (дата обращения: 01.11.2022).

322. Мусабеков, Д.Х. Сущность и практические проявления цифровизации экономики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://reu.uz/publikacii-zhurnala/sushhnost-i-prakticheskie-projavlenija-cifrovizacii-jekonomiki/> (дата обращения: 06.02.2024).

323. Не выходя из дома: какие госуслуги можно получить только онлайн // Правительство Москвы. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mos.ru/news/item/8713073/> (дата обращения: 10.08.2023).

324. Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ. – URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/28123/ (дата обращения: 05.02.2024).

325. Патриарх Кирилл: РПЦ против использования цифровых технологий для контроля над личностью [Электронный ресурс] // ТАСС. 7 января 2021. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/10416769> (дата обращения: 03.05.2023).

326. Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных. 4 февраля 2013 года [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2775107.html> (дата обращения 15.05.23).

327. Послание Президента Федеральному Собранию 2024. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 29.02.2024).

328. Проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://code.digital.gov.kg/ru/> (дата обращения: 03.11.2023).

329. Рождественское интервью Святейшего Патриарха Кирилла телеканалу «Россия» [Электронный ресурс] // Patriarchia.ru. 7 января 2021. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5746352.html> (дата обращения: 10.10.2023).

330. Ромир: большинство россиян положительно относятся к цифровизации [Электронный ресурс] // Ромир. – URL: <https://romir.ru/studies/romir-bolshinstvo-rossiyan-polojitelno-otnosyatsya-k-cifrovizacii> (дата обращения: 05.11.2023).

331. Роскомнадзор [Электронный ресурс] // «ВКонтакте». – URL: https://vk.com/wall-76229642_264473 (дата обращения: 20.10.2023).

332. Сервис «На всякий случай». [Электронный ресурс] – URL: <https://support.google.com/accounts/answer/3036546> (дата обращения: 10.09.2023).

333. Сетевой этикет: 20 правил поведения в интернете для вас и ваших детей [Электронный ресурс]. // Сайт Лаборатории Касперского. – URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/preemptive-safety/what-is-netiquette> (дата обращения: 20.11.2023).

334. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] // «Академик». – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/22314> (дата обращения: 02.01.2024).

335. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию

гражданского общества и правам человека. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).

336. Цифровой кодекс появится в Казахстане [Электронный ресурс] // Закон. – URL: <https://www.zakon.kz/pravo/6414988-tsifrovoy-kodeks-poyavitsya-v-kazakhstane.html> (дата обращения: 03.11.2023).

337. «Цифровому бессмертию» подбирают стандарт [Электронный ресурс] // Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5130332> (дата обращения: 10.09.2023).

338. Частная жизнь // Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). [Электронный ресурс]. – URL: https://spiritual_culture.academic.ru/2407/Частная_жизнь (дата обращения: 01.02.2024).

339. Частная жизнь. [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovariki.org/uridiceskij-slovar/20927> (дата обращения: 01.02.2024).

340. Человек ушёл из жизни // Одноклассники. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ok.ru/help/kak-udalit-ili-zakryt-profil-polzovatelya-kotoryi-skonchalsya> (дата обращения: 10.09.2023).

341. Эксперты поддержали идею разработать Цифровой кодекс. Что это такое и зачем он нужен? – [Электронный ресурс] // Сайт Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». – URL: <https://alrf.ru/news/eksperty-podderzhali-ideyu-razrabotat-tsifrovoy-kodeks-chto-eto-takoe-i-zachem-on-nuzhen/> (дата обращения: 12.12.2023).

342. Digital Public Administration factsheet 2020. – [Электронный ресурс]. – URL: https://joinup.ec.europa.eu/sites/default/files/inline-files/Digital_Public_Administration_Factsheets_Italy_vFINAL.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

343. Negroponte N. Being Digital / N. Negroponte. NY: Knopf, 1995. [Электронный ресурс]. – URL: <http://inance.ru/2017/09/cifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 12.12.2023).

344. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue. [Электронный ресурс]. – URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения: 20.12.2022).

345. Supreme Court declares Jamaica Digital ID unconstitutional. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dig.watch/updates/supreme-court-declares-jamaica-digital-id-unconstitutional> (дата обращения: 22.09.2023).

346. The dead may outnumber the living on Facebook within 50 years. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eurekaalert.org/news-releases/698549> (дата обращения: 10.12.2023).

347. The right to privacy in the digital age: report. 2018 // Office of the High Commissioner for Human Rights. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/DigitalAge/Pages/ReportDigitalAge.aspx> (дата обращения: 20.11.2023).